

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ*)

Предлагаемая книга представляет собой почти неизменное переиздание ротаторных тетрадей, выпущенных в 1949, 1950 и 1952 годах.**) Это серия очерков, описывающих ту или иную сторону советской действительности. Работа над нею была начата мною совместно с Н. И. Осиповым и С. А. Левицким летом 1947 года, когда впервые открылась возможность изучения и оценки огромного материала, появившегося в несоветском мире в результате немецкой оккупации значительной части СССР и последовавшей за ней волной так называемой «новой эмиграции»...

«Очерки» написаны в итоге работы нескольких человек, но исходя из единого жизнеощущения, из общего всем им опыта и на основе единого метода...

С особой благодарностью хочется отметить в этом плане сотрудничество Н. И. Осипова и Л. Т. Осиповой в обсуждении и разработке как замысла «Очерков» так и всех затрагиваемых в них проблем... С благодарностью должен отметить также чрезвычайно ценное для меня сотрудничество С. В. Утехина и Н. Е. Андреева в разработке методологических вопросов, С. А. Левицкого и Н. И. Осипова в очерке «Мифы и фикции», Л. Д. Ржевского и Н. И. Осипова в очерке «Советский язык», С. А. Левицкого в очерке «Нравственный облик большевизма»,

*) Р. Н. Редлих «Очерки большевизмоведения», «Посев», 1956, 304 стр.

**) Курс большевизмоведения. Составлен Р. Н. Редлихом и Н. И. Осиповым. Выпуск 1. — Лимбург-на-Лане, «Посев», 1949, 158 стр.

Очерки большевизмоведения. Выпуск 2. — Лимбург-на-Лане, «Посев», 1950, 136 стр.

Очерки большевизмоведения. Выпуск 3. — Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1952, 188 стр.

Н. И. Осипова и Л. Д. Ржевского в очерке «Советский человек» и С. В. Утехина и Н. И. Осипова в «Советском обществе».

Без этих моих соавторов, безоговорочно и безвозмездно предоставивших в мое распоряжение не только свои мысли, но и ряд текстов, настоящее издание было бы просто немыслимо.

Хочется поблагодарить здесь, однако, и другую, гораздо более многозначительную категорию наших общих соавторов, всех тех, кто делился с нами своим опытом и оценками советской жизни. Перечислить их имена, разумеется, невозможно, но у них есть, пусть условное, но общее имя «новая» или «вторая» эмиграция. Без нее эта книга тоже была бы немыслима...

Франкфурт-на-Майне, 1955

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Со времени первой публикации мыслей, изложенных в предлагаемой книге прошло двадцать лет. Со времени первого типографского издания — пятнадцать. Умер И. В. Сталин, прошли кампании «борьбы с культом личности И. В. Сталина и его последствиями» и «восстановления исторической правды о личности И. В. Сталина». В результате первой — прах великого Хозяина был удален из Мавзолея; в результате второй — на его могиле у Кремлевской стены воздвигнута решетка и установлен бюст-памятник.

Изменилось и много, и ничего. И приступая к новому переизданию, мне показалось разумным разделить «Очерки большевизмоведения» на две книги: в первой, под заглавием «Сталинщина как духовный феномен», объединить очерки «Сталинские мифы и фикции», «Советский язык», «Нравственный облик большевизма» и «Советский человек»; во второй попытаться обрисовать превращение бывшей сталинской знати в господствующий класс современного советского общества, озаглавив ее «Советское общество».

Первая книга, описывающая духовную субстанцию сталинщины, потребовала лишь непринципиальных поправок, сделанных почти без оглядки на сегодняшний день. В описанном в ней виде сталинизм принадлежит истории, и настоящее стало прошлым.

Книгу «Советское общество», напротив, трудно даже назвать вторым изданием. В нее внесено очень много поправок и дополнений, цель которых уловить тенденции послесталинского развития и, исходя из прошлого, бросить взгляд в будущее.

К сожалению, делая эти дополнения, я не мог опираться на советы и помощь моего друга и соав-

тора, покойного Н. И. Осипова, и мне остается только надежда, что развивая и видоизменяя концепции, которые мы вырабатывали с ним вместе вот уже двадцать лет назад, мне удалось сохранить верность нашему общему замыслу.

Со смертью Сталина общество пришло в движение, и описываемые здесь его формы неокончательны. Столкновение сил, стремящихся к изменениям, с силами, направленными на сохранение сложившихся отношений, — составляет по-видимому главную его характеристику. Это выдвинуло в центр рассмотрения проблему устойчивости положения нового господствующего класса партийной бюрократии, заставив нас посвятить большую часть книги анализу верхнего слоя советского общества, в недрах которого, очевидно, и будет решена его судьба.

Задача описания процесса, только еще начинающегося, и явлений, еще только складывающихся, при заведомом недостатке выдерживающих полноценную критическую проверку материалов, поневоле придает этой книге скорее публицистический, чем ученый характер и делает ее куда более спорной, чем могущую служить введением к ней работу «Сталинщина как духовный феномен».

Издание в виде двух отдельных книжек карманного формата продиктовано желанием с большим удобством донести наш анализ до современного российского читателя. Его и только его я имел все время в виду, внося те или иные изменения и дополнения в первоначальный текст «Очерков».

Париж, 1971

Глава 1

СМЕРТЬ СТАЛИНА

Смерть Сталина. — Отказ от «культа личности». — Принцип коллективности руководства и переподчинение рычагов власти. — Перестройка органов террора.

ВЕРХУШКА ВЛАСТИ ПРИ СТАЛИНЕ

Смерть Сталина повлекла за собой разрыв в созданной им системе активной несвободы. Исчезла фигура непогрешимого вождя, которой замыкалось кольцо тотального властвования. Возник разрыв между строением власти и системой символов, на которые она опиралась. Из трехчленной формулы «партия, правительство и лично тов. Сталин» выпало последнее, решающее звено, персонифицировавшее ее единство и гарантировавшее ее устойчивость.

Конечно, и ближайшие соратники и весь мир отлично знали, что престарелый человекобог не вечен. И вместе с тем (еще одно доказательство совершенно реальной действительности сталинской псевдорелигии!) — смерть Сталина застала и его окружение, и весь остальной мир совершенно неподготовленными. Если бы в те дни в России оказалась сила, способная поднять знамя восстания, она, вероятно, смыла бы советскую власть, как половодье смывает пешеходный мостик.

Этой силы не было, и только ее отсутствие позволило верным ученикам и соратникам Сталина преодолеть угрозу паники и разброда и, встав на путь коллективности руководства, сохранить за собой сталинское наследство.

Сохранить сталинизм целиком не хотел, однако, никто. И не только потому, что ближайшие соратники Сталина хорошо знали о судьбе старых ленинцев — Каменева, Зиновьева, Бухарина и других. Они знали гораздо больше. Они знали, что в системе законченного сталинизма только один вождь — субъект, все остальные, включая и их самих, только рычаги и объекты властвования. Они знали, что их соучастие в сталинской власти было условным и относительным и что в случае немилости исправительно-трудовой лагерь не грозит им только потому, что к ним целесообразнее применять высшую меру — расстрел.

«В период культа», — как сами же они начали говорить потом, — руководителем сталинизма, человеком, принимавшим решения, а следовательно и Хозяином с большой буквы (замечательно, что народные уста так и величали его) был сам И. В. Сталин, искусно и целесообразно изменявший состав своих ближайших сообщников и сотрудников так, чтобы сохранять свое положение абсолютного властелина. Его имя было символом власти, которую он лишь в ограниченной форме делегировал членам сравнительно узкой олигархии, охватывающей всего лишь несколько десятков лично знакомых друг с другом и хорошо известных ему людей.

Это были:

1. Высшие руководители партии, как аппарата, обеспечивающего поклонение фикциям,
2. руководители органов государственной безопасности, как системы, обеспечивающей покорность установленному режиму,
3. высшие сановники военного и бюрократического аппарата, люди непосредственно управляющие жизнью страны и
4. в ограниченной мере руководители братских компартий, как органов, обеспечивающих расшире-

ние сферы активной несвободы за пределы Советского Союза.

Эта олигархия только в определенном смысле слова могла быть названа монолитной и единой. Единство это обеспечивалось активной покорностью воле Сталина. Оно было основано:

1. на обязательном признании его власти верховной ценностью,
2. на вытекающем отсюда стремлении к расширению ее на весь мир,
3. на признании «принципа партийности» или, иначе, на готовности совершить любое преступление, если оно нужно партии Ленина-Сталина,
4. на сознательном функционализме, то есть на ясном понимании того, что подлинный замысел сталинизма может быть осуществлен только на путях активной несвободы.

Эта олигархия соучаствовала в принятии сталинских решений и разрабатывала руководящие указания подчиненному ей аппарату принуждения. По отношению ко всем остальным гражданам члены этой олигархии безусловно были вожди. Но пока был жив Вождь с большой буквы, они были *активно несвободны*, то есть всегда вели себя так, *будто их собственная воля совпадает со сталинской*.

Не будем спрашивать, в какой мере искренне, — ибо понятие искренности в данном случае неприменимо, — но они были подлинными властепоклонниками, они не только склонялись перед сталинской властью, как перед непреодолимым фактом, они поклонялись ей.

Политическая воля этой олигархии исходила от Сталина и олицетворялась Сталиным. Она обладала изумительной тактической гибкостью и не менее изумительным постоянством. Это была воля к реализации активной несвободы, воля к мировому господству, к миродержавию в форме Всемирного Сою-

за Советских Социалистических Республик, возглавляемого И. В. Сталиным.

Далеко не все настроения каждого из вождей могли сыграть поэтому какую-либо роль в судьбах Советского Союза. Только те, которые совпадали с мнениями самого Сталина или представляли собой разработку таковых, отражались в деле Ленина-Сталина. Мнения противоположные сталинским, в гораздо большей мере, чем практические неудачи, влекли за собой потерю влияния, понижение положения, отстранение от власти и гибель.

Без Сталина все эти люди почувствовали себя как стадо без пастыря, и слова о «панике и разброде» относятся, прежде всего, к ним самим.

Нет сомнения, что каждое лицо, так или иначе входящее или даже только соприкасающееся с руководящей верхушкой КПСС обладало и обладает немалой властью. Несколько десятков человек, составляющих сталинскую олигархию, обладали определенным правом совещательного голоса в вопросах дальнейшей судьбы СССР и стран народной демократии. Но тем не менее уже на этом уровне действовал тот неписанный «фюрерпринцип», на котором построена техника сталинского властвования: полное подчинение выражающейся в директиве вышестоящей инстанции так называемой «воле партии», а в конечном счете Сталина, и опять-таки неписанное право применять к подчиненным любые средства воздействия, если они обеспечивают выполнение того, что в настоящий момент является этой волей.

Вожди сталинизма не только бессознательно угадывали, но в подавляющем большинстве случаев сознательно знали, в чем смысл существования коммунистической партии и советского государства. Их преданность делу Ленина-Сталина была практически безграничной. И напряженная борьба, которая и при Сталине ни на минуту не прекращалась в их среде, была всегда лишь борьбой личных интересов, для которой расхождения во мнениях мог-

ли служить лишь внешним проявлением или маскировкой и касались только частных мероприятий партии и правительства, но никогда не конститутивной основы сталинизма.

В первом издании этой книги, когда разложение сталинизма после смерти Сталина можно было лишь смутно предчувствовать, мы писали: «У нас нет непосредственной возможности наблюдать настроения этих людей, но самое большее, что можно предположить здесь, судя по настроениям многих и многих из представителей советской знати, — это очень робкий, не имеющий практического значения соблазн ослабить жестокость диктатуры, дать рядовому гражданину СССР хоть незначительную личную и экономическую свободу и, может быть, попробовать, так ли действительно невозможны мирные взаимоотношения с Западом. Источником этого соблазна служат, вероятно, остатки человеческой совести, надо полагать неистребимые даже в Кремле и заставляющие даже этих действительных большевиков порою смутно чувствовать привлекательность истинного добра».

ОТКАЗ ОТ «КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ»

Личность Никиты Хрущева и весь стиль его кратковременного, но яркого правления, казалось бы, подтверждают правильность этой формулировки. Существенно, однако, не это. Ибо «борьба с культом личности И. В. Сталина и его последствиями» не была проявлением личной доброты Хрущева и исходила не от него лично. Она была продиктована ему обстоятельствами внутрипартийной борьбы, в которой он выступил глашатаем верхнего слоя партийной бюрократии, стремившейся освободиться от перманентного страха и, закрепив за собой полученные еще при Сталине привилегии, превратиться в новый господствующий класс.

Разрыв замкнутого кольца активной несвободы, автоматически повлек за собой переход от абсолютной автократии Сталина к олигархии под названием «коллективного руководства». Со Сталиным ушел из жизни не только генеральный секретарь ЦК КПСС и председатель Совета Министров СССР. Для стоявших возле его гроба Берии, Молотова, Кагановича, Маленкова, Хрущева исчез источник активной несвободы, исчез Хозяин, чья воля служила ориентиром верного и неверного мышления и поведения, исчез арбитр, абсолютный авторитет которого исключал самую возможность существенных расхождений, исчезло воплощение монолитности и единства, и проявилась возможность и неизбежность действовать по собственной воле и усмотрению. И тотчас же между его наследниками завязалась ожесточенная борьба, в ходе которой стали теряться дальнейшие существенные элементы сталинизма.

Представление, будто «борьба с культом личности» началась по почину Хрущева в 1956 году на XX съезде КПСС, совершенно неверно. На самом деле культ Сталина рухнул уже тогда, когда печатались бюллетени о предсмертном хрипе умирающего человека. Только первые две недели после его кончины газеты были полны материалов, посвященных Сталину. Начиная, примерно, с 20 марта упоминание его имени падает; в первомайских лозунгах 1953 года слово «Сталин» упоминается только два раза, да и то в сочетании «партия Ленина-Сталина». В июле Отделом Пропаганды КПСС публикуются тезисы «50 лет КПСС», в которых имеется только одна цитата из Сталина, да еще два попутных упоминания. А в «Словаре русского языка» под редакцией Обнорского в изданиях 1952 и 1953 гг. значение прилагательного «сталинский, -ая, -ое» выглядит следующим образом:

Издание 1952 года: «Сталинский, -ая, -ое. Относящийся к эпохе строительства социализма и коммунизма под руководством великого вождя народов

И. В. Сталина. Великая Сталинская эпоха. Сталинская конституция. Сталинский блок коммунистов и беспартийных. Сталинские сокола (о летчиках). Сталинская мирная политика. Сталинский план преобразования природы. Международные Сталинские премии 'За укрепление мира между народами'. Сталинский урожай (обильный). Сталинская забота о человеке».

Издание 1953 года: «Сталинский, -ая, -ое. Относящийся к жизни и деятельности И. В. Сталина. Международные сталинские премии 'За укрепление мира между народами'».

Персонификация власти в лице «лично товарища Сталина» уже с весны 1953 года заменяется безличной формой «партия», а атрибут сверхчеловеческой мудрости переносится на ЦК, «коллективная мудрость которого, опирающаяся на научную основу марксистско-ленинской теории, обеспечивает правильность руководства партией и страной, незыблемое единство и сплоченность рядов партии, успешное строительство коммунизма».

ПРИНЦИП КОЛЛЕКТИВНОСТИ РУКОВОДСТВА

Не без борьбы, разумеется, но «принцип коллективности руководства» возводится в «высший принцип партийного руководства». Это влечет за собой переподчинение и перестройку важнейших рычагов властвования, которые, особенно в первые годы после смерти Сталина, становятся объектами напряженнейшей борьбы и торговли внутри властвующей олигархии. Сокращение численности Президиума ЦК и перераспределение партийных и правительственных постов тотчас же после смерти Сталина было, несомненно, результатом первого, еще неустойчивого соглашения. Неофициальный центр диктатуры, Особый Отдел ЦК, или в просторечии «личный секретариат тов. Сталина» был уничтожен

немедленно, но решающим элементом в переходе от единовластия Сталина к олигархическому правлению была ликвидация Лаврентия Берии и того места в руководящей верхушке, которое он занимал при Сталине и удержал было за собой при первом послесталинском разделении рычагов власти.

В его лице был ликвидирован не только сильнейший из претендентов на место единоличного диктатора, но и перенявший, по всей видимости, материалы «личного секретариата тов. Сталина» полномочный руководитель МВД-МГБ, как системы, гарантировавшей всеобщую покорность воле диктатора.

И не случайно, конечно, окончательное пропагандное и практическое утверждение принципа коллективности руководства совпадает именно с арестом Берии, и в том же номере «Правды» (от 10 июля 1953 г.), в котором помещено информативное сообщение пленума ЦК по делу Берии, неподписанная передовая посвящена коллективности руководства и проблеме партийного контроля, в частности органов государственной безопасности. *Отказ от культа умершего человекобога, утверждение принципа коллективности руководства и соответственная перестройка системы террора — вот три решающих сдвига, на основе которых советский строй превратился в то, что он представляет собой и сегодня, в олигархию, несомую переродившейся в господствующий класс политической бюрократией, монопольно управляющей всей политической, хозяйственной и культурной жизнью страны.*

Все три сдвига произошли, однако, уже в течение первого года после смерти Сталина, когда слой политической знати мог оказывать разве что косвенное влияние на действия руководящей верхушки. Трансформация сталинской власти вполне соответствовала его стремлениям; но она была проиктована не им, а взаимоотношениями внутри правящей олигархии, где каждый отстаивал свои собственные интересы.

ПЕРЕПОДЧИНЕНИЕ ОРГАНОВ ТЕРРОРА

Мы не знаем, кто из правящих олигархов и по каким соображениям настаивал на пересмотре нашумевшего при жизни Сталина «дела врачей-отравителей». Сам ли Берия в поисках популярности решился добавить этот жест к предпринятой еще при нем широкой по тогдашним понятиям амнистии, или, наоборот, он был вынужден противниками в составе Президиума ЦК принять этот несомненный удар по возглавляемым им органам государственной безопасности.

Так или иначе, однако, в напечатанном в «Правде» от 4 апреля 1953 года сообщении МВД признавалось, что обвинения, выдвинутые против видных деятелей советской медицины были ложными, документальные данные сфабрикованными, а показания арестованных врачей добытыми «путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия». Осужденные врачи были реабилитированы, а «Правда» от 6 апреля писала, что органы совершили «преступные действия, [...], грубо нарушили советскую законность, допустили произвол и злоупотребление властью». Это было первым признанием в том, что в МВД применяют пытки, выбивают показания, фальсифицируют дела. Мифу о непогрешимости «рыцарей революции» был нанесен серьезный удар.

Второй еще более сильный удар по престижу чекистов был нанесен делом Берии и его сообщников. Руководство органов безопасности предстало перед читающей публикой как сборище убийц и палачей. «Правда» от 17 декабря 1953 года писала: «Чудовищны и омерзительны преступления этих растленных людей, потерявших всякое подобие человеческого облика. Нет таких злодеяний, которые бы они не совершили, нет такой низости, до какой бы они не опустились».

Опасность, которую представляло собой единоличное возглавление органов террора, была, несомненно, вполне осознана всеми членами тогдашнего Президиума ЦК и, хоть отнюдь не сразу, но было принято решение подчинить эти органы всему коллективному руководству в его целом.

Указ Президиума Верховного совета от 13 марта 1954 года об образовании при Совете министров Комитета государственной безопасности под председательством Ивана Серова можно рассматривать как окончательное оформление отказа от подчинения органов террора кому-нибудь одному из членов коллективного руководства. Ибо ни назначенный тогда председателем КГБ Серов, ни министр внутренних дел С. Круглов не входили в руководящую верхушку. Оба они были звездами второй величины, всего лишь кандидатами ЦК, и положение их на лестнице власти было положением крупнейших специалистов по террору, но отнюдь не хозяев страны. Без большого риска впасть в ошибку можно предположить, что важнейшие поручения Комитету со стороны коллективного руководства скреплялись двумя подписями: Маленкова как председателя Совета министров и Хрущева как первого секретаря ЦК, а непосредственное влияние в нем получили наряду с Президиумом и Секретариатом ЦК еще и Президиум Совета министров, Министерство внутренних дел и Генеральный штаб Советской армии.

Главным источником силы сталинского аппарата террора было личное доверие Хозяина к гласно или негласно возглавлявшему этот аппарат Лаврентию Берию. Оно делало Берию практически бесконтрольным распорядителем неограниченных сил и средств, бросаемых сталинской властью на обеспечение собственной безопасности и превращало карательные органы в привилегированную организацию, способную безоглядно подавлять своих противников, распространяя повсюду миф о своем всемогуществе и всеприсутствии своих агентов.

Моменты бесконтрольности были ликвидированы уже самым текстом предъявленного Берии обвинения в «попытках поставить Министерство Внутренних Дел СССР над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза». Органы террора стали ответственными за свои действия. Мифу о безошибочности их действий, об их всемогуществе и всеприсутствии был нанесен первый и решительный удар. Последовавшее на XX съезде разоблачение «незаконных репрессий» и реабилитация многочисленных (хоть далеко и не всех) жертв сталинского террора было вовсе не громом с ясного неба. Но это было публичным признанием того, что к органам террора можно предъявлять требования и что действия их можно критиковать, не задевая этим вершину власти. Это означало, что господствующий класс может спать спокойно. Но это означало также, что *не всякое инакомыслие будет вырываться немедленно и с корнем, что активная несвобода принудительна не для всех.* Но, прежде чем говорить о вытекающих отсюда последствиях, подведем некоторый предварительный итог.

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ СТАЛИНИЗМА

Отказ от культа Сталина, введение олигархического руководства и ограничение власти карательных органов, казалось бы, отбросило страну назад к двадцатым годам, ко времени становления сталинизма. Олигархическое правление и тут, как после смерти Ленина, явилось следствием заведомой неполноты авторитета каждого из входящих во властвующую группу вождей. Но оно установилось на этот раз не на подъеме, а на спуске тоталитарного начала и было продиктовано неосуществимым желанием сохранить тотальную власть без тотального властителя. Будучи результатом компромисса, оно несет в себе постоянное внутреннее напряжение и борьбу. Оно может развиваться либо обратно в на-

правлении к единоличной диктатуре, либо в направлении распада и размягчения власти. Равновесие в нем оплачивается иммобилизмом и неспособностью к принятию решений. Консервативное по природе и замыслу, оно теряет политическую инициативу и вынуждено растрачивать себя на оборону и сдерживание наступающих на него со всех сторон разнообразных стремлений и требований. Оно сохраняет за собой абсолютную власть, лишившись как ее идейного обоснования, так и материальных гарантий ее неприкосновенности.

Не будем возвращаться к отказу от культа Сталина. Отбросив его, чтобы избежать необходимости подчиниться тому, кто стал бы «Сталин сегодня», современные руководители КПСС отказались от претензии на сверхчеловеческую мудрость кого бы то ни было из своей среды, признали себя людьми, способными к ошибкам и заблуждениям, нуждающимися в критике и наставлениях. Перенос атрибута безошибочности с личности Сталина на коллективную мудрость Центрального Комитета означает, что ею обладает ЦК в его целом, но ни один из его членов в отдельности. Каждый из них должен подчиняться коллективной мудрости ЦК, то есть может быть осужден и смещен своими сочленами.

Расправа над Берией, несомненно, была самозащитой олигархии от претендента на положение Сталина сегодня. Ведь именно Берия был человеком, владевшим материальной гарантией незыблемости диктатуры — органами террора, а следовательно, и наибольшей фактической властью в стране, и, надо полагать, что именно поэтому против него объединились все остальные члены властвующей олигархии. Ликвидировав Берию, коллективное руководство ликвидировало, однако, первую, а по-видимому, и единственную возможность вести коммунистическое движение без Сталина по сталинскому пути. Сталинизм вступил в стадию разложения и распада.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Первые же решающие месяцы после смерти Сталина принесли с собой, таким образом, отречение его наследников от основополагающих принципов сталинизма. Это отречение отнюдь не следует рассматривать как поиск более целесообразной системы управления, приспособленной для решения задач внешней или внутренней политики. Оно есть принудительное следствие системы взаимного страха и взаимного недоверия, созданной Сталиным для своих сотрудников. Коллективное руководство есть не что иное, как попытка обезвластить каждого из его членов и оставить их в том же положении несамостоятельных исполнителей воли партии, в каком они находились при жизни Сталина. По замыслу, коллективные руководители должны по-прежнему контролировать и связывать друг друга, подобно тому, как уполномоченный Особого отдела или политкомиссар связывают командира части, как партком связывает дирекцию завода. Повторяем: по замыслу, коллективное руководство — это попытка сохранить тотальную власть без тотального властителя. Но попытка эта бесперспективна и губельна для сталинизма, так как в сталинской диктатуре принцип «разделяй и властвуй» применим только до тех пор, пока есть кому властвовать.

При Сталине положение членов Президиума и секретарей ЦК в принципе не отличалось от положения нижестоящих руководителей любой народно-демократической или советской республики, области или района. Тоталитарная диктатура тем-то и отличается от всех прежних деспотий, что она не допускает ни вассалов, ни наместников. Ни одна советская республика не имеет единоличного властителя. Ни «президент», ни председатель Совета министров, ни секретарь ЦК партии, ни начальник службы государственной безопасности не являются хозяевами на подвластной им территории. Каждый из них свя-

зан по своей линии непосредственно с Москвой, каждый из них получает решающие указания непосредственно из Москвы, каждый из них простым фактом своей зависимости от Москвы ограничивает власть всех своих коллег, не расширяя, однако, своей собственной.

Эта система была стабильна и эффективна при жизни Сталина. Именно она обеспечивала ему положение полновластного хозяина и в партии и в правительстве. Но и стабильность и эффективность обеспечивались, в конечном счете, тем, что разделенные сферы власти на самом верху смыкались в одних руках. Коллективное руководство не стало и не могло стать такими «одними руками». Оно оказалось обыкновеннейшей олигархией, политика которой очень скоро стала выражением интересов политической бюрократии, уже при Сталине осуществлявшей управление страной. Это положило начало установлению новой социальной формации, которую с легкой руки Милована Джиласа принято обозначать как господство нового класса политической бюрократии. Местные и местнические интересы этой бюрократии стали быстро набирать силу и устремились к превращению отдельных объектов управления, промышленных предприятий, укрупненных колхозов и совхозов, республик и областей и даже отдельных районов, и даже иных отраслей и министерств, в своего рода вотчины и наделы, в которых переставшие дрожать перед центральной властью хозяева повели себя на манер удельных князьков и имперских наместников.

При Хрущеве тяга к «феодализации» власти проявилась очень определенно и повела не только к эмансипации братских компартий. Председатель колхоза начал чувствовать себя своего рода новым помещиком; директор завода — самодержцем, вносящим свой вклад в государственный план, как феодал вносил дань суверену. Попытка замены сис-

темы министерств системой совнархозов была попыткой овладеть местническими тенденциями и использовать их; хрущевский «волюнтаризм» был своего рода выражением нового стиля хозяйствования, в котором личность хозяина искала возможностей проявить себя.

Началось стихийное слияние местной и личной заинтересованности, стимулирующей развитие всевозможных, основанных на взаимной выгоде, полузаконных и незаконных сделок между отдельными предприятиями и отдельными лицами, и бурное развитие существовавшей, разумеется, уже и при Сталине полуподпольной общественной и хозяйственной жизни.

Брежневская реакция притормозила, но отнюдь не обратила вспять это развитие. Она выразила стремление сохранить монопольное положение партийной власти, но она не сняла естественного стремления избавиться от связанного с этой монополией централизма. Так называемая косыгинская экономическая реформа — образец мертворожденной попытки встать на путь уступок неотменимым требованиям хозяйственников, не отказываясь от сталинских методов жесткого планирования и централизованного администрирования.

Противоречия между сталинизмом и его месторазвитием, населением и страной, не снимаются в результате простого смягчения сталинских методов управления. Напротив, эти противоречия, не подавляемые сталинским превентивным террором, проявляются с большей силой, пронизывая самую структуру власти и все время грозя вывести ее из равновесия. Советское общество в настоящее время явление крайне неустойчивое. Внешне оно мало изменилось со времени Сталина, но внутри него зреют силы, способные и готовые поставить под вопрос господство партийной бюрократии. Внешний иммобилизм брежневского правления обманчив. Страна стоит на пороге больших перемен.

Глава 2

ОСНОВЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Экономическая монополия партии: «От каждого по способностям, каждому по труду». — Организационная монополия: «партия руководящее ядро всех организаций, как общественных, так и государственных». — Два полюса советского общества: актив и антисоветский элемент. — Носители активной не-свободы и носители свободы духа.

ДВА ПЕРВОУСЛОВИЯ СОЦИАЛИЗМА

Основные положения общественного устройства СССР на официальном языке сталинизма сформулированы в Главе 1 действующей и ныне сталинской «Конституции СССР» следующим образом:

«Статья 1: Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян.

Статья 2: Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата.

Статья 3: Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице советов депутатов трудящихся».

Все эти три статьи — чистейшие фикции, смысл которых — запретить на территории СССР всякие размышления о природе советского государства или о структуре советского общества.

Статьи 5-11 содержат утверждение социалистической собственности на орудия производства и уничтожения эксплуатации человека человеком, что в действительности означает всеобщую экономическую зависимость граждан СССР от партийного государства, которым определяются как необходимые ему формы труда, так и размеры и характер вознаграждения за труд.

Положения этих статей существенно дополняются и уточняются заключающей Главую 1 статьей 12, которая гласит:

«Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого, способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест». В СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способностям, каждому по его труду».

Эта статья в первой своей части вполне открыто объявляет труд (прибавим, на пользу государства, ибо всякая иная деятельность за труд не признается) не только обязанностью, но и делом чести каждого гражданина (именно в порядке этой вполне фиктивной «чести» осуществляется всякого рода эксплуатация человека в нерабочее время). Во второй же своей части формулирует принцип социалистического распределения, являющийся официальной основой дифференциации в оплате труда. Эта дифференциация используется в деле эксплуатации морально-политически единого советского народа и властвования над ним.

Социалистический принцип распределения по труду является важнейшей основой общественной жизни в СССР, ибо под официальной формулой «по труду» при Сталине надо было понимать: по степени пользы, приносимой данным лицом в деле укрепления и расширения активной несвободы.

В условиях применения этого принципа, под постоянным, порой нестерпимым гнетом административного нажима, с одной стороны, и советской общественности, с другой, расслоение населения на тех,

кто осуществляет власть, либо добровольно служит ей, и тех, кто к власти и ее целям относится равнодушно, либо враждебно, и служит ей только поневоле, было выражено исключительно резко. Именно это деление для СССР и до сих пор есть основное деление, так как им определяется вся структура советского общества; решающим моментом в нем является *не взаимоотношение одной части населения к другой, а отношение власти к той или иной группе населения и отношение этой группы к власти*. Отношение это в различных группах различно, и нам на нем необходимо остановиться, разделив всю массу советских граждан на две большие категории — тех, кто служит опорой и средством сталинской власти, и тех, кто является для нее пассивным, а зачастую и враждебным объектом.

Принцип социалистического распределения по труду, эта основная движущая сила социальной политики сталинизма, имеет целью, прежде всего, внести в советский народ элементы конкуренции, заставить каждого советского человека стремиться попасть в число тех, на кого опирается советская власть, и кто, следовательно, лучше вознаграждается, заставить его строить социализм и коммунизм не ради социализма и коммунизма, а во имя эгоистических интересов, опираться на одни общественные элементы в противовес другим и определять, таким образом, не только поведение этих элементов, но и самую структуру общества.

Принцип социалистического распределения по труду есть основа и выражение *экономической монополии партийного государства*. Его последовательное осуществление возможно лишь благодаря тому, что все средства производства принадлежат государству, которое односторонне устанавливает цены и размеры заработной платы. Экономическая монополия и в теории и на практике — первоусловие самой возможности социализма. Она, однако, существенно дополняется тем, что можно условно назвать вторым

основополагающим условием социализма: *организационной монополией партии.*

Эта организационная монополия была намечена уже Лениным. Она вытекает из так называемого «принципа партийности» и нашла недвусмысленное выражение на первой странице сталинского «Устава ВКП (б)» 1934 года: «*Партия осуществляет руководство пролетариатом, трудящимся крестьянством и всеми трудящимися массами...*»

В сталинской «Конституции СССР», эта организационная монополия партии отодвинута как бы на задний план, хоть и вполне достаточно ясно выражена в последних словах многословной статьи 126: «*В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции добровольно объединяются в Коммунистическую партию, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся как общественных, так и государственных.*»

Выделение роли партии здесь отнюдь не случайно. Ибо с существованием каких бы то ни было общественных организаций партийная власть согласна мириться только в том случае, если партия Ленина-Сталина составляет их руководящее ядро, иными словами, если эти организации не автономны и находятся под постоянной партийно-государственной опекой, превращающей их по сути дела в органы партийной власти. Статья 126 «Конституции СССР» выглядит очень демократично. Но демократическое

начало в ней — чистая фикция. Статья эта — приказ советскому гражданину безоговорочно подчиняться распоряжениям «руководящего ядра», непринужденно и радостно демонстрируя при этом гарантированную ему именно в этом виде фиктивную свободу ассоциаций.

Организационная, а следовательно и политическая монополия партии, не менее существенна, чем монополия экономическая. О социальном плюрализме, а следовательно и политическом, в советском обществе не может быть и речи. Советское общество — общество атомизированное. Каждый отдельный советский гражданин рассматривается властью именно в этой своей отдельности; статья 126 «Конституции СССР» обеспечивает ему возможность вступать только в те общественные и государственные организации, в которых партия является «руководящим ядром»; других организаций (за исключением религиозных, контроль которых осуществляется особыми методами) нет, и создавать их нельзя; любые петиции, требования и протесты, подписанные какой-либо группой лиц, считаются незаконными; просить, хлопотать и жаловаться советский гражданин имеет право только за себя или за своих родственников в рамках законодательства о браке, семье и опеке.

Свобода ассоциаций в Советском Союзе так же фиктивна, как и все остальные свободы, ибо главная задача партийного руководящего ядра в них состоит как раз в том, чтобы, проводя указания вышестоящих органов, обеспечить во всех общественных и государственных организациях подход с партийных позиций, то есть использовать их для проведения в жизнь политики партии, для расширения и укрепления активной несвободы.

Советский человек противостоит, в силу этого, советской власти в полном одиночестве, а там, где ему удастся опереться на единомышленников (что в последнее время все чаще имеет место), эта опора считается противозаконной и при случае карается.

Динамика плюралистического общества, занимающая современную буржуазную социологию, в Советском Союзе не существует. Вопросы свободной гармонизации жизнедеятельности разнородных и разнокачественных союзов, обществ, ассоциаций и корпораций, проблемы их политической ориентации, их взаимоотношений с государственной властью, их право на соучастие в выработке политических решений, трудности, вытекающие из задачи сочетания их, зачастую противоречивых, стремлений с тем, что по традиции именуется общенациональными или общегосударственными интересами, незнакомы советскому строю. Методы буржуазной политологии не годятся для советского общества. Социальный плюрализм перекрывается в нем простым и грубым противоречием между интересами власти и интересами подвластных. Проблематика этого противоречия сводится со стороны власти к дозировке различных методов давления на различные группы населения; со стороны подвластных к тому, чтобы ускользнуть и отстоять для себя хотя бы тесный круг семейного и дружеского общения.

Общественную жизнь в СССР можно сравнить с растением, изуродованным ножницами садовника. Все, что можно видеть над землей подчиняется воле «руководящего ядра» и принимает формы фиктивной псевдоподчиненности. И только недоступный партийному воздействию интимный корень общения, — чувства взаимной любви и дружбы, сливающие человеческое «я» и «ты» в первоединство «мы», — продолжает жить, давая все новые и новые побеги.

Отметим, что уже до начала сталинщины народ успел отстоять от коммунизма первоячейку человеческого общества — семью, а сталинское законодательство о семье, браке и опеке, начиная с 1936 года, отказывается ото всего, что в период строительства социализма именовалось великими и величайшими завоеваниями революции и никак не вяжется ни с «Коммунистическим Манифестом», ни с

взглядами ленинской гвардии на половые отношения, которые должны совершаться лишь «попутно, среди дела, для удовлетворения биологической потребности... чтобы она не мешала основному, главному — работе на революцию...» (Коллонтай).

Как в душевной жизни личности, так и в общении между людьми корень остался цел. Открытое искреннее общение продолжало существовать и общественная жизнь, даже в разгар сталинщины, не могла быть сведена к голой фикции, а в настоящее время активно вырывается из под партийного контроля, подрывая самую основу социальной политики сталинизма.

ОСНОВА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СТАЛИНИЗМА

Вытекающая из экономической и организационной монополии партии основная особенность сталинского общественного строя — присутствие в нем двух совершенно особых общественных элементов: «актива» и «антисоветского элемента» (асэ).

Элементы эти отнюдь не являются социальными группами. Они пронизывают собой социалистическое общество сверху до низу. Создавая их, большевики еще при Ленине ставили себе в первую очередь политические цели. В каждом коллективе они стремились создать прослойку актива, с одной стороны, и выделить и изолировать антисоветские элементы с другой. И активисты и антисоветские элементы пронизывают собой всю структуру советского общества. Они есть везде, — в каждом доме, в каждом учреждении и на каждом предприятии, в школе, в больнице, в колхозе, в театре, в редакции газеты, в доме отдыха, в профсоюзном движении, в комсомоле, наконец, в самой партии и даже в исправительно-трудовых лагерях.

Процесс выделения актива проходит через всю советскую жизнь, причем совершенно подобно тому,

как в каждом коллективе есть свой актив, так есть и целые предприятия-активисты — образцовые школы, больницы, заводы, колхозы, образцовые части в армии, образцовые кружки самодеятельности. Есть, разумеется, коллективы, поставленные в привилегированные условия, потому что работа их почему-либо особенно нужна государству. Вся промышленность группы А находится в привилегированном отношении по сравнению с группой Б, и об оборонной промышленности партия и правительство проявляют больше заботы, чем о производстве ширпотреба. Но дело не в этой форме привилегирования, подсказываемого конкретными требованиями. Функцию, аналогичную функциям актива, несут прежде всего привилегированные коллективы как раз в непривилегированных областях советской жизни. Они призваны служить образцом и являть собой передовиков именно там, где подтянуть до их уровня отстающих заведомо невозможно, по той простой причине, что власть не может, да и не хочет реально улучшить условия их работы.

Типичный пример такого предприятия-активиста — прославленный совхоз «Гигант» в Ростовской области. Но такова же была и не менее прославленная «Болшевская коммуна» (та самая, в которой снималась «Путевка в жизнь»), или ленинградский детдом им. Клары Цеткин. С помощью образцовых предприятий, в пример целой стране, проделывается совершенно то же, что и в масштабах отдельного не образцового предприятия: выделяется особый общественный элемент, актив, задача которого — создавать вокруг себя атмосферу активной несвободы, самым своим существованием подчеркивать наличие нерадивых, отсиживающихся, отстающих, уклоняющихся от нагрузок, недостаточно рьяно следующих указаниям, нарушающих моральный кодекс советского человека, думающих о том, как бы государству отдать поменьше, а себе урвать побольше, примиренчески относящихся к недостаткам не на-

ших, не советских людей, в конечном счете, анти-советского элемента.

Сталинский строй не только не имел сколько-нибудь устойчивой социальной опоры, он ее и не искал, больше того, он ее боялся. Устойчивая социальная опора, будь то определенный класс или определенное сословие, неизбежно приобретает влияние на власть, а нередко достигает и того, что делает ее своей властью. В большей или меньшей степени власть оказывается от нее зависимой. Онтологический замысел сталинизма — абсолютное властвование над активно несвободным обществом — может быть реализован лишь при условии власти вполне надклассовой, надсословной и надпартийной. Это властвование не может иметь твердой и постоянной опоры ни в какой группе населения, по той простой причине, что приобрести эту опору можно только ценой уступок интересам людей, составляющих эту группу, т. е. ценой отказа от абсолютизации власти.

Сталин, очевидно, понимал это и систематически противодействовал стихийно зарождающейся тенденции к перерождению партии в привилегированное правящее сословие, во-первых, путем постоянной чистки и обновления рядов, во-вторых, с помощью актива, который и служил решающим звеном в замкнутой цепи сталинского единовластия.

Создание группы актива внутри каждого советского коллектива так же, как и учет (с целью постепенной ликвидации) имеющихся в нем антисоветских элементов в социальном плане преследуют одну и ту же цель: разрушить единство коллектива, взорвать его изнутри, сделать его неспособным противопоставить свои интересы интересам власти, нарушить социальную солидарность между его членами.

В своей социальной политике сталинизм, совершенно противоположно марксистской теории, оперировал отнюдь не классовыми интересами, назы-

вая «обострением классовой борьбы» операции по террору. Он, совершенно напротив, с самого начала стремился создать и использовать противоположные интересы внутри социальных групп, натравить бедноту на кулачество, рабочих на интеллигенцию, студентов на профессию. Однако и эти попытки были лишь последней данью марксизму. С наступлением зрелости, т. е. с середины тридцатых годов, сталинизм отказывается и от них. Провозглашение «морально-политического единства советского народа» и «блока коммунистов и беспартийных» и по времени, и по смыслу совпало с отказом сталинской власти от какой бы то ни было социальной опоры.

Сознательно или бессознательно, Сталин и его соратники почувствовали, что любая группа населения, как бы они с ней ни обращались, в своих интересах и чаяниях, в конечном счете, враждебна их замыслу, и поддержка, которую может найти в ней сталинизм, всегда будет только условной и временной поддержкой. Они стали искать для своей власти опоры уже не социальной, а политической и строить замену социальной опоры в чисто политической группе актива, создаваемой в каждом советском коллективе.

АКТИВ

Словами «актив» и «активисты» в СССР обозначаются люди, с энтузиазмом принимающие участие в любом деле, почему-либо нужном советской власти. Активисты — это энтузиасты строительства коммунизма, новаторы производства, застрельщики социализма, инициаторы всевозможных кампаний по сбору утильсырья, по ускорению оборачиваемости оборотных средств, по сбору подписей под Стокгольмским воззванием, по очередным выборам в очередные советы, по подписке на очередной заем и т. д. и т. п. Есть колхозный актив, есть рабочий актив, есть студенческий актив, есть партийный актив, есть прокурорский актив, есть активисты уче-

бы, спорта, художественной самодеятельности — всего, что почему-либо угодно власти.

Активистами могут быть, в равной мере, члены партии, комсомольцы, пионеры и «непартийные большевики». Активисты это «лучшие из лучших», это становой хребет советского общества.

И, однако, не все члены партии — активисты, и не все активисты — члены партии. Спрашивается, зачем понадобилось выделить их в особую группу? Почему их действительные или мнимые заслуги не приписываются без дальнейших околичностей партии, увеличивая тем ее ореол и способствуя росту ее престижа?

Дело здесь в том, что сталинский фикционализм требует признания заведомо ложного положения, будто партия не есть аппарат насилия, чуждый населению и резко от него обособленный, а лишь передовой отряд рабочего класса, который не только руководит массами, но и учится у масс. Без этого признания атмосфера активной несвободы, исповедание фикций, советский демократизм и проявление инициативы широких масс были бы немислимы. Активисты — это живые носители активной несвободы и набираются они из всех групп советского населения. Для зтого в стране будто бы осуществлен блок коммунистов и беспартийных. Беспартийные принимают участие как в социалистическом строительстве, так и в управлении. Внешним выражением этой фикции и является течение, которое по видимости обязано своим бытием не партийному приказу, а народной инициативе, движение не бюрократически организованное, а массовое, лишенное характера партийности. Для советского активиста характерно не то, что он член партии, а то, что он хороший, инициативный работник и советский патриот. Выражаясь языком фикций, движение, которое поставляет активистов и затем делает их значными людьми, развивается не по партийной и не по советской линии, а по линии общественности.

Все проявления общественности, однако, не только совершаются под строжайшим контролем партии, но ею организуются и дирижируются. Стахановское движение обязано своим возникновением вовсе не личной инициативе Алексея Стаханова. Его непосредственным организатором был Мирон Дюканов, парторг шахты «Центральная-Ирмино». Это он наметил Стаханова в качестве главного героя, подобрал для него бригаду, тренировал ее, провел, не стесняясь расходами и временем, все подготовительные мероприятия, и, когда трюк был тщательно подготовлен, в намеченный срок осуществил его. Но и Дюканов был не более, как исполнитель. Замысел стахановского движения возник на партийных верхах, и затем ЦК ВКП(б), Совет Наркомтяжпрома и ВЦСПС спустили этот замысел вниз до Мирона Дюканова и Алексея Стаханова.

Актив — это большевистская элита, в основе партийная, каковой признак, однако, не должен слишком резко бросаться в глаза; официально актив — это будто бы отряды добровольцев-энтузиастов. Официально дело обстоит так, что не власть заботливо регламентирует деятельность своих органов, а независимые от власти, полные инициативы люди ломают устарелые формы и способы работы и увлекают за собой государство на новые пути. Фикции этой в СССР никто не верит. В советском энтузиазме меньше всего импровизации. Стахановство, да и всякий иной активизм, регламентируются не менее строго, чем любая отрасль государственной службы.

Активист играет роль выдвигенца народной стихии, но на самом деле — он носитель активной несвободы. Активист — это тот, кто безоговорочно поставил себя в распоряжение власти, готов угадывать всякий ее намек и выполнять любые ее указания, делая при этом вид, что они стопроцентно совпадают с собственными его желаниями, больше того, что они исходят в конечном счете от него самого.

Добродетели активиста. Активист должен обладать всеми основными добродетелями большевика: классовым чутьем, преданностью делу Ленина-Сталина или советским патриотизмом, твердокаменностью, инициативностью или энтузиазмом и бдительностью.

Классовое чутье позволяет ему по незначительному намеку и сообразуясь с обстоятельствами безошибочно различать, чего, собственно, хочет в настоящий момент власть и какой реальный смысл скрывается за фикциями и мифами советской пропаганды. **Преданность** или **советский патриотизм** означает готовность беспрекословно выполнить волю партии. **Твердокаменность** — умение, презирая голос человеколюбия и собственной совести, совершить насилие над людьми, как духовное, так и физическое. **Инициативность** или **энтузиазм** — способность измыслить новые способы этого насилия, а **бдительность** — непрерывное шпионство за окружающими с целью **сигнализировать** органам власти.

Идеальный активист — это слуга власти, видящий в ней своего хозяина, чутко прислушивающийся и умеющий угадывать ее волю, готовый совершить любое насилие и любое предательство. Если готовность выполнять любые приказы власти, только потому, что она есть власть, можно назвать идеей, то этой идее активисты служат с величайшим рвением. Идея эта, однако, глубоко эгоистична: конечная цель услуг, которые активист стремится оказать власти — это получить за них вознаграждение, стать знатным советским человеком, поселиться в шикарной (по советским понятиям) квартире, вкусно кушать и хорошо одеваться, пользоваться, пусть фиктивным, но все же почетом и, может быть, властвовать над своими подчиненными так, как советская власть властвует над ним самим.

Активисты — это единственная группа в советском населении, состоящая из добровольных агентов власти. Это единственная полноценная опора совет-

ского строя. Это действительно энтузиасты, но энтузиасты в специфическом фикционалистическом смысле слова.

В сущности их очень не много, но все же достаточно, чтобы проводить в жизнь систему активной несвободы. Они только формально организованы вокруг партии, через которую власть руководит их деятельностью, но отнюдь не идентичны с нею. Они есть в каждом учреждении, больнице, институте, театре. Они несут весьма важные функции и оказывают власти неоценимые услуги. Они проявляют сами и вынуждают других активно проявлять свою несвободу. Активисты ставят стахановские рекорды и подтягивают затем отстающих до уровня передовиков, они обеспечивают единодушное голосование советского народа за блок коммунистов и беспартийных, они поддерживают культ разнообразнейших мифов и фикций, вынуждая, таким образом, всех окружающих не просто подчиняться, но делать это якобы добровольно, больше того — с энтузиазмом. Они своим примером и постоянным окриком вынуждают население имитировать преданность советской родине, коммунистической партии и правительству и, в порядке этой имитации, работать больше и лучше. Они служат образцом подлинно советского человека как в его фиктивном, так и в его реальном аспекте.

Активисты делают всю черную работу по организации всякого рода проявлений активной несвободы. Они организовывают всевозможные кампании, дерутся за выполнение пятилетки в четыре года, помогают создавать условия для стахановских достижений, агитируют за блок коммунистов и беспартийных, проводят ежегодные битвы за хлеб, словом, деятельно участвуют как в создании всевозможных мифов и фикций, так и в максимально целесообразном их использовании.

Преданность активиста советской власти непременно обязана выражаться в преданности тому или

иному конкретному делу (партийной, профсоюзной, производственной работе, прокурорскому надзору, агитации и пропаганде). Именно активистом этого дела он и является. Проявления активности, а следовательно и конкретные функции актива суть: а) шпионство за окружающими, производимое в силу бдительности, б) своеобразный, часто мнимый контроль, ведущийся под флагом критики и самокритики и громко именуемый «общественным», в) агитация, т. е. неустанное повторение всех создаваемых властью пропагандных фикций, г) личный производственный пример, становящийся постепенно все более и более важным и обязательным проявлением активности. Все эти функции должны осуществляться в условиях неременного соблюдения фикции активной несвободы — свободного волеизъявления масс, их творческого порыва, их трудового энтузиазма. Рассмотрим их по порядку.

а) **Б д и т е л ь н о с т ь** проявляется активом отнюдь не только в интересах политического надзора, и активист лишь в редких случаях явный или тайный сотрудник органов государственной безопасности. Большинство работников МГБ (включая секретных сотрудников) не активисты и только незначительный процент актива непосредственно связан с ними. Шпионская функция актива носит добровольный характер и к политике имеет часто только отдаленное отношение. Активист берет на заметку все промахи и ошибки и, главное, все *ухищрения окружающих, направленные на то, чтобы обмануть власть.*

Объектом его наблюдения в колхозе является, например, разбазаривание колхозного имущества и нарушение устава сельско-хозяйственной артели. Активист зорко следит за тем, не припахал ли какой-нибудь колхозник лишней земли к своему приусадебному участку и не свез ли председатель колхоза в порядке семейственности мешок овса для коня секретаря райкома. На производстве он заме-

чает, как бригадир приписывает своей бригаде процент выполнения нормы, и как директор в контакте с парторгом перебрасывают в цех ширпотреба полнокачественное сырье, ускоряя, таким образом, оборачиваемость оборотных средств. В писательской среде активист следит за малейшими (очень часто мнимыми) проявлениями, например, низкопоклонства перед иностранщиной у своих сотоварищей по перу. Среди ученых он собирает материал, свидетельствующий о неистребимой склонности последних к гнилому буржуазному объективизму. Обо всех замеченных нарушениях активист своевременно (что отнюдь не значит немедленно) сигнализирует куда следует. Своевременность, адрес и форму он определяет классовым чутьем по подсказке партийных органов, иногда допуская при этом ошибки, за которые потом жестоко расплачивается. Только сигнализация в органы государственной безопасности производится немедленно и остается тайной. Всякая иная проводится с большим треском и является уже проявлением другой функции актива, а именно функции контроля советской жизни честной и прямодушной советской общественностью.

б) Контроль над жизнью и деятельностью коллектива, членом которого он является, активист производит отнюдь не в административном порядке. Это контроль общественный. Он в основном организуется и направляется партией и главные его средства — собрания и пресса. Производится он почти всегда в порядке кампании и чисток, план и задачи которых разрабатываются в руководящих органах партии, а материалом для проведения служат результаты наблюдений актива. «Своевременность» применения накопленного материала диктуется желанием власти либо провести кампанию по борьбе с теми или иными нарушениями (например, Устава сельско-хозяйственной артели), либо произвести чистку в кадрах. Несвоевременное выступление неопытного или зарвавшегося активиста вредит

ему самому. Власть не обращает на него внимания и оставляет его на растерзание тех, кому он хотел нагадить.

Инстанции, в которые активист должен обращаться, и формы этого обращения разнообразны. Иногда это письмо в редакцию или заметка в газету, иногда это разговор в кабинете соответствующего руководителя партийной или профсоюзной работы, с последующим выступлением на собрании или в комиссии. Иногда это донос в милицию, в суд, или в органы. Здесь тоже и активист, и руководящий им низовой парторг не должны ошибаться, ибо если выступление оказалось несвоевременным, или было сделано неумело, последствия могут быть тяжелы.

Воздействие, которое власть оказывает на население при помощи актива, носит преимущественно агитационный характер (мы употребляем здесь это слово в его специфическом советском смысле).

Критика и самокритика — это основная форма общественного контроля, осуществляемого активом. Она никогда не направлена на искоренение того или иного положения вещей, но всегда имеет целью разыскать его, всегда мнимого, виновника, и сделать его жертвою критики, на которую, однако, жертва может отвечать только самокритикой, т. е. чистосердечным признанием своей вины и обещанием исправиться. То, что весь этот общественный террор производится на публичных собраниях и в печати, придает ему агитационный смысл.

Деловое значение критики и самокритики -- скорее всего отрицательное, но польза, приносимая ею советской власти, тем не менее, велика. Критика и самокритика обеспечивает: 1) рабское приятие генеральной линии партии и 2) на основе этого приятия, беспощадное шельмование всех слабых, отстающих, недостаточно рьяных, не абсолютно стандартных и пытающихся мыслить. Это — форма открытого доноса, узаконенный самосуд, расправа над беззащитными, ибо нападение всегда производится

В плоскости чистейших фикций и не допускает никаких возражений по существу. Пострадавшему от самокритики, чтобы не быть окончательно раздавленным, остается одно: подтянуться, чтобы получить возможность укусить другого больнее, чем укусили его.

В результате, распространяются разделение и вражда, а они-то и нужны большевизму. Сеять взаимное недоверие, взаимное шельмование и взаимную вражду — важнейшие функции актива.

в) Агитация и пропаганда, являющиеся также важнейшей функцией актива, действительны только благодаря бдительности и общественному контролю. Психологический террор (в свою очередь опирающийся на физический террор органов государственной безопасности) — неременнейшая предпосылка коммунистической агитации.

Функция агитации и пропаганды, равно как и функция личного примера, не только не маскируются, но всячески выпячиваются властью. Именно на их основе и создано уже рассмотренное нами фиктивное понятие актива.

Активист непременно должен быть не только доносчиком и разоблачителем, но и агитатором-энтузиастом.

Ни одна проводимая кампания в СССР не может обойтись без мобилизации актива. Проводя кампанию, скажем, по сбору подписей под Стокгольмским воззванием или по очередным выборам в советы, активист натурально чувствует лишь поддельный энтузиазм и сам плохо верит тому, что он говорит на каком-нибудь собрании или на квартире у избирателя. Он говорит шаблоны, требующие от слушателя не понимания и сочувствия, а вполне шаблонного поведения, нужного в плане проявления активной несвободы. Из уст какого-нибудь активиста, говорящего, скажем, о подписке на заем очередной пятилетки, эти шаблоны мертвящим дождем сыплются в уши слушателей. Наиболее характерно

здесь то, что докладчик сам в глубине души не верит тому, что он говорит. И знает, что слушатели это знают и не верят ему. И все же он, этот докладчик, смакует себе мертвые слова и торжествует. И думает при этом примерно следующее: «Знаю, мол, что вы мне не верите и понимаете, что я все это нарочно говорю. Но мне нужно от вас то-то и то-то, и, видите, я отлично достигаю цели. Попробуйте-ка возразить, не согласиться, выразить сомнение, ну-ка!»

Мертвые агитационные формулы, тем не менее, очень нужны власти. Они, как мы уже знаем, достигают результатов совершенно независимо от того, что думают о них не только произносящие их активисты, но и вынужденный выслушивать их советский народ. Эти формулы имеют силу приказа, которому люди должны подчиняться, а активисты, естественно, в первую очередь.

г) Личный пример активиста является поэтому, пожалуй что, наиболее тяжелой из всех многотрудных его обязанностей. Ведь, несмотря на то, что он несет и без того тяжелую нагрузку по бдительности и общественному контролю, помимо того, что он принимает деятельное участие во всех очередных политических, культурных и производственных кампаниях, мастерит и заполняет красные и черные доски, развешивает плакаты и лозунги, выколачивает добровольные пожертвования и взносы, пишет стенгазеты и сигнализирует, активист, оказывается, должен, если он рабочий или колхозник — быть примером выполнения плана, если он художник — создавать образцы применения метода социалистического реализма, если он студент — учиться на «отлично», особенно успешно овладевать теорией марксизма-ленинизма и знать ее гениальных классиков лучше своих сокурсников...

Понимающий дело активист умеет, если не быть, то вести себя так, чтобы власть могла демонстрировать его перед народом, а если нужно — то и

перед границей, как образец советского патриота, вполне советского, вполне сталинского человека. Он должен, по меньшей мере, казаться тем передовиком, к уровню которого можно потом подтягивать отстающих. Функция (нередко фиктивного) личного примера — важнейшая функция актива, без которой советская общественность, носителем которой он является, была бы невозможна.

Актив — школа сталинизма. Отнюдь не профсоюзы, а советский актив — подлинная школа сталинизма. Предавая свою социальную среду и проходя нелегкий путь к положению знатного человека, активист постепенно овладевает всеми методами и приемами тоталитарного властвования. Из энергичного человека, желающего занять руководящее место в жизни и готового ради этого пойти на некоторые сделки с совестью, получается, в конце концов, либо полновесный сталинец, либо тайный враг советского строя.

Усердие актива обеспечивается всеобщей советской нищетой и абсолютной монополией власти в применении социалистического принципа вознаграждения по труду. Формально зарплату активисты получают так же, как и все остальное население СССР. Активность же их вознаграждается властью совершенно по усмотрению, не в порядке законной оплаты, а в порядке стимулирующих подачек: лучшей квартиры, премии, путевки в дом отдыха, допуска к учебе, к более приятной и легкой работе и более легкой возможности урвать что-либо у государства. Объективно эти подачки может быть и ничтожны, но в советских условиях чувствительны. Наиболее ценной из них и наиболее реальной является, конечно, возможность продвижения. Именно поэтому власть старается продвигать активистов как можно медленнее, нередко задерживая уже заслуженные ими награды и признания, чтобы продать им те привилегии, к которым они стремятся, как можно

дороже, отчего в глазах активистов они становятся только желаннее, а готовность заплатить за них любой ценой только увеличивается.

Главной приманкой, которой власть заманивает молодых советских людей в актив, является, таким образом, не простое вознаграждение за услуги и не простая возможность с большей эффективностью делать то дело, активистом которого человек становится. Социалистический принцип распределения, обеспечивающий нищенский уровень жизни каждому, кто не страмится оказывать власти какие-либо особо ценные услуги, — здесь лишь фон, лишь предварительное условие. Благодаря ему сталинизм смог создать в Советском Союзе такую обстановку, при которой выбраться из нищеты, приобрести себе привилегии, продвинуться вперед и занять более высокое положение на социальной лестнице может в идеале лишь активист. Возможность продвижения в системе большевистского властвования становится весьма ценимой привилегией, одной из сладчайших приманок социальной политики сталинизма, крепчайшей из нитей, которыми он стремится привязать к себе людей.

Времена, когда основным условием продвижения было членство в коммунистической партии или, по меньшей мере, комсомоле, плюс пролетарское происхождение, прошли. С созданием понятия «непартийного большевика» дело переменилось, и путь из низших слоев советского населения в высшие направился через актив, открытый равно партийным и беспартийным товарищам.

В социалистическом обществе, если смотреть на него глазами партии, активисты — это действительно лучшие из лучших, это элита, это верная опора власти. Любит ли ее власть? Отвечаем с полной уверенностью: *нет, не любит*. Власть относится к активистам с тем же расчетливым цинизмом, с тем же абсолютным презрением, с которым она относится ко всем группам советского и несветского общества,

с которым она относится к человеку вообще. Доверие и почет, которыми якобы окружаются активисты, вполне фиктивны и со стороны власти и со стороны народа. Власть эксплуатирует активиста, пока эта эксплуатация возможна и выгодна, и без малейшего сожаления выбрасывает его вон, как только он перестает быть нужен. Судьба многих тысяч стахановцев может служить здесь иллюстрацией.

Угодливость актива перед властью похожа на угодливость приживалки перед барыней, но отношение власти к своему активу ничем не напоминает отношения барыни к приживалкам. Актив нужен и даже очень нужен власти, и она заботится о том, чтобы он ел хлеб свой не даром. И старается держать его впроголодь, как цепную собаку, чтобы пуще злилась.

По существу активисты это рабы, страстно стремящиеся стать погонщиками других рабов, это капо гитлеровских кацетов. Объективно отношения актива и власти суть отношения угодливости на одной стороне, презрения — на другой, и только субъективно они осложнены рядом дополнительных обстоятельств.

Взаимоотношения актива и народа суть отношения непримиримо антагонистические. Широкие массы населения совершенно обоснованно видят в активе предателей своих интересов. Отсюда при всяком очередном предприятии власти активисты, не защищенные еще привилегиями знати и аппарата, и проводящие, тем не менее, всю черную работу по нажиму на население, в первую очередь, оказываются жертвами народного гнева.

Их избивают под пьяную руку рабочие, если встретят ночью где-нибудь в глухом переулке. Им проламывали черепа в деревне в страшное время коллективизации. Проламывают иногда и сейчас в периоды битвы за хлеб и кампаний борьбы за соблюдение устава сельскохозяйственной артели.

Это отношение скрыто, конечно, за лицемерным почетом и восхищением, но действительную цену этого «почета» все в СССР отлично знают.

Жизнь активиста это — суцая каторга, физическая и моральная. Он не только изыскивает способы нажать на всячески уклоняющихся от этого нажима товарищей по коллективу и заставить их делать то, что угодно партии и правительству, но и должен оформить этот нажим в виде добровольного энтузиазма, что сопряжено, по меньшей мере, со значительными и неприятными хлопотами. А ведь, кроме того, он должен еще и действительно работать больше и лучше окружающих, да еще нести и дополнительные нагрузки, участвовать во всевозможных кружках, успевать изучать брошюры и газеты и пр. и пр.

Активист всеми силами своей души стремится не замечать презрения власти и ненависти народа, смягчаемой только тем, что не все активисты — мерзавцы. Не будучи в силах обмануть других, активист всегда пытается обмануть себя, его сознательность служит сама себе агитатором, в результате чего большинство актива живет в системе бессознательного или полусознательного самообмана, оно не хочет ведать того, что оно творит, и всеми силами стремится доказать себе, что если не все, что оно повторяет за властью — правда, то все это в какой-то мере приближается к правде.

Активист, с одной стороны, хорошо знает природу низовой инициативы и стихийного движения масс и умеет вызвать их к жизни, совершенно согласно инструкциям власти, которые он получает в зашифрованной форме мифов и фикций. С другой стороны, в результате неустанного повторения этих самых мифов и подавления всякого проблеска критического отношения к ним, он отчасти сам верит в них. Он, с одной стороны, как и весь советский народ, прекрасно знает цену «доверия и почета», которыми он окружен, с другой (будучи совершенно

лишен искреннего общения с окружающими), порой и в самом деле чувствует себя лучшим из лучших.

Актив это — школа сталинизма. Через актив лежит для советского человека путь к завоеванию доверия и уважения власти, без которых только исключительно дельные и очень талантливые люди могут продвинуться в высшие слои советского общества — в знать и в аппарат. В результате состав актива, пополняемый из всех групп советского населения, отличается чрезвычайной текучестью. Большинство вступающих в него людей просто оказывается не в силах удовлетворить требованиям власти и отказывается от активности, как в силу непомерной тяжести связанной с ней нагрузки, так и потому, что не может примирить этой активности с голосом своей совести. Другая, меньшая часть актива, остается в нем, раскалываясь опять-таки на две половины: первая превращается в полноценных сталинцев и с основанием может считаться опорой режима; вторая не приметно самоустраняется из актива, часто став втайне непримиримыми антибольшевиками. Примером первых может служить Кривонос, впоследствии начальник одного из железнодорожных округов; примером вторых — Стаханов, превратившийся в рядового горного инженера.

Актив не представляет собой замкнутой общественной группы. Больше того, он вообще лишен всех специфических признаков, характеризующих общественные группы как таковые. Актив — это группа политическая, но это в то же время не партия, связанная определенной дисциплиной, и не движение, преследующее определенные идеи. Люди не рождаются активистами и не умирают ими. Наоборот, они остаются в активе лишь относительно короткое время. Состав сталинского актива пестр и неустойчив. Люди приходят в него и снова уходят без всяких формальных препятствий.

В начале революции актив был искренне предан советской власти. При Сталине он был предан ей расчетливо и лицемерно. В силу этих свойств он не может рассматриваться как стабильная опора власти, но, несмотря на это отсутствие стабильности, он единственная постоянная и неизменная ее опора. Каждый активист может изменить и рано или поздно изменяет власти. Но актив как целое не может изменить и не изменит ей никогда. И в этом отношении, думается, ни одна государственная система не была устроена так, как сталинская.

АНТИСОВЕТСКИЙ ЭЛЕМЕНТ

Исчезновение Сталина не внесло в положение и функции актива никаких существенных изменений. Борьба за «преодоление культа личности и его последствий» была для советских активистов просто очередной кампанией, подобной распахке целины и повсеместному введению кукурузы. Обладая хорошо натренированным чутьем, они с самого начала распознали всю вложенную в нее двусмысленность, и перегибы в ней исходили отнюдь не из среды актива. Борьба с культом ничего не переменила в жизнедеятельности актива, но внесла судьбоносный сдвиг как во внешнее положение, так и во внутренний мир тех, кто до Сталина, при Сталине и после Сталина представлял собой антипод актива, кого мы обозначаем здесь, пользуясь терминологией карательных органов, как «антисоветский элемент», понимая под ним людей, не желающих иметь ничего общего с системой активной несвободы. «Борьба с культом личности И. В. Сталина» послужила для этой категории людей сигналом начала борьбы со сталинщиной и в корне изменила их поведение.

При Сталине антисоветский элемент был своего рода внутренней эмиграцией, «механическими гражданами СССР», как назвал себя один из них в из-

вестном письме Горькому, это были люди, стремящиеся всегда и во всем отгородиться от власти. В процессе борьбы с культом Сталина, понимаемом как борьба со сталинским наследием, эти люди стали превращаться в активных разрушителей сталинизма. Произошла глубокая и необратимая трансформация, изменившая лицо советского общества не меньше, чем превращение сталинской политической знати в новый господствующий класс, стремящийся сохранить за собой монопольное владение производительными силами и аппаратом управления страной. Ибо именно здесь осуществился второй и, можно надеяться, решающий разрыв стягивающего социалистическое общество кольца активной несвободы, и отсюда все громче и громче раздаются голоса протеста против существующего порядка вещей.

В распоряжение брежневского Политбюро ЦК и сейчас поступает достаточное число активистов. Все слои советского общества выделяют их точно так же, как и при Сталине. Но точно так же, как и при Сталине, те же самые слои того же общества так же непрерывно выделяют из себя и антисоветские элементы. Это очень устойчивая и вполне закономерная тенденция советского общества, второй его полюс, противоположный полюсу актива. Эти полюсы связаны между собой, как северный и южный полюсы магнита, и к ним обоим в той или иной мере тяготеет каждый человек, поставленный в условия активной несвободы. Стопроцентно антисоветских людей в СССР не существует точно так же, как не существует стопроцентных активистов. Но в душе каждого советского человека живет и тайное желание целиком отдаться стихии активной несвободы, и целиком вырваться из нее, перестать вообще быть членом советского общества, забыть о нем, оставаясь лишь в принудительном порядке механическим гражданином Советского Союза.

Внутренняя эмиграция. Активизм и внутренняя эмиграция суть не только определенные политические группы, но и полярные тенденции в душе каждого советского человека. В определенном смысле каждый советский человек есть активист и каждый советский человек есть внутренний эмигрант. Когда советский человек принимает меры к тому, чтобы уклониться от очередной проработки классиков марксизма-ленинизма, он ведет себя как внутренний эмигрант, когда он, напротив, участвуя в этой проработке, высказывает свое мнение по затронутому вопросу, он выступает как активист. Крупнейший русский художник и несомненный внутренний эмигрант М. В. Нестеров не писал ни сталинских, ни ленинских портретов, отговариваясь тем, что он пишет только с натуры, но с воодушевлением подписывался на займы, голосовал за блок коммунистов и беспартийных и оставил потомству портреты крупного партийца О. Ю. Шмидта и скульптора-активистки Мухиной, в то время как сотни призванных активистов, направленных на проведение коллективизации в 1930 году, пускались на отчаяннейшие проделки, чтобы избавиться от выполнения ответственной задачи, возложенной на них партией и правительством.

На пути к превращению в стопроцентного активиста стоит совесть; на пути обнаружения себя как врага советской власти стоит страх. При Сталине такое обнаружение было смертельно опасно и большинством советских людей подавлялось почти без участия сознания. Тем не менее, все беспартийные граждане СССР (но не беспартийные большевики, разумеется) в большей или меньшей степени были внутренними эмигрантами.

(Даже в партии при Сталине была внутренняя эмиграция, разумеется, лишь в виде исключения. Процент разочаровавшихся среди партийцев был высок и часть этих разочаровавшихся ухитрялась либо выйти из партии, либо, что чаще, не выходя

из нее, спрятаться в свой собственный внутренний мир и превратиться психологически во внутреннего эмигранта. Статистически это была, конечно, ничтожная величина, но процесс этого превращения чрезвычайно знаменателен: он указывает на всеобщий характер тенденции, ярким примером которой может служить, как нарочно, родная дочь Сталина, Светлана Аллилуева).

При Сталине первой задачей внутреннего эмигранта было охранение своего внутреннего мира от искажающего воздействия стихии активной несвободы. Эта задача решалась по-разному. Некоторые умели отгородиться от этой стихии начисто. Старались не поступать на службу, перебивались кустарничеством. Не брали в руки газет. Не ходили в театры, чтобы не соприкоснуться с советской драматургией; разве что на Островского или Чехова раз в год. Старались не встречаться с людьми. Жили робинзонами в огромном городе.

Большинство было вынуждено служить. Такие старались выбрать службу, как можно более далекую от актуальных задач советской власти, призраивались куда-нибудь в музей или архив. Писатели и поэты превращались в литературных правщиков и переводчиков или сотрудников публичной библиотеки. Старались по возможности брать только работу, не требующую никакого энтузиазма, а лишь выполнения принятых на себя обязательств. Когда в университетах понадобилась латынь, пошли в преподаватели латинского языка.

Но, разумеется, только меньшинство внутренней эмиграции находило себе относительно аполитичную работу. К тому же этот аполитичный круг непрерывно и быстро суживался. Большинству приходилось брать обычную советскую работу: идти в счетоводы, плановики, статистики, инструктора по кооперации; оставаться инженерами, педагогами, врачами. Прятаться на нейтральные островки удавалось немногим.

Для большинства антисоветского элемента основным правилом было резкое раздвоение жизни, жизнь в двух различных мирах, не имеющих точек соприкосновения, это — служба и жизнь за пределами службы.

На службе надлежит быть исполнительным и по возможности незаметным работником. Ответственных должностей избегать, личных связей не заводить. Работать усердно не только, чтобы не давать повода ко взысканиям со стороны начальства, но и чтобы не оставалось времени для внеслужебных разговоров. Нужно свести общение с сослуживцами до минимума и делать это так, чтобы не пахло демонстрацией и преднамеренностью, а все выходило бы как бы само собой.

Всякие общие собрания и производственные совещания посещать, но не проявлять к ним особенного интереса; никогда на них не высказываться, как это делает, впрочем, большинство рабочих и служащих. Носить маску серого, незначительного, не вызывающего интереса человека. Ни в каком случае не обнаруживать своих умственных вкусов и интересов. Говорить только крайне банальные вещи. Когда начинает назойливо приставать сексот, облекаться в броню обывательского тупоумия и говорить штампами, которых имеется предостаточно. А, впрочем, вы спешите к обеду; жена сердится, когда вы опаздываете; извините, товарищ, мое почтение.

Бояться успехов по службе и не оставаться в учреждении больше одного-двух лет. Дело в том, что сектор кадров, который должен рано или поздно передать вас в руки ГПУ, НКВД, МГБ не может этого сделать приличия ради, пока он с вами не ознакомится, да и не нужно ему этого, у него уже есть готовая группа кандидатов. А когда он к вам приглядится и почувствует в вас чуждый элемент, вы покидаете стены приютившего вас учреждения, и сектор кадров теряет к вам интерес. Он, конечно, мог бы навести справку и сообщить это в то учре-

ждение, куда вы перешли, но он этого не сделает. Ибо, если вы будете на новом месте арестованы, это не принесет сектору кадров никаких лавров: заслуга вашего обезвреживания будет приписана не его бдительности, а бдительности сектора кадров того учреждения, в котором вас взяли. С чего же сектору кадров утруждать себя и губить вас?

Наиболее характерным для антисоветских элементов является, понятно, их отношение к сталинизму. Выше оно было определено, как отношение неприемлимого отрицания. Это верно. Но было бы совершенно неправильным полагать, что это отношение покоится на упрямстве или предрассудке. Оно проникнуто глубочайшим пониманием происходящего. В состав антисоветских элементов входит немало простых людей, не привыкших к отвлеченному мышлению, и далеко не каждый из них способен ясно выразить свои мысли. Но они не хуже любого активиста умеют зачастую предвидеть новый этап политики советской власти, а советские (вернее антисоветские) люди в лагерях перемещенных лиц предсказывали будущее восточной Европы куда правильной, чем правительственные эксперты западных держав.

Антисоветские настроения в России питаются именно пониманием того, что такое советская власть. Механические граждане Советского Союза, внутренние эмигранты так же хорошо понимали внутреннюю логику сталинщины, как понимают ее сейчас те, кто «качает права» и подписывает протесты. Происходит это потому, что они почти начисто лишены самообманной надстройки сознательности. Они не верят в сталинские мифы, а сталинские фикции считают именно тем, что они есть на самом деле: предписанной формой проявления активной несвободы. Антисоветская настроенность возникает в Советском Союзе у тех, кто преодолел в себе влияние сталинизма. Преодоление предполагает понимание. И антисоветски настроенный гражданин обычно вполне

свободен от гипноза пресловутых достижений. Он обладает иммунитетом против каких бы то ни было советских предрассудков. Он свободен от обывательских надежд и бессмысленных мечтаний об эволюции советской власти в сторону правового демократического государства. Солнечная сталинская конституция не возбудила в нем ни малейших надежд. Его не может захватить врасплох никакое деяние отнюдь не обожаемой им советской власти: он понял в свое время ежовщину не как случайный эксцесс, а увидел ее органическую связь с Конституцией, с полным основанием видя в терроре необходимое обеспечение активной несвободы. Он не ищет примирения с угнетением и не стремится ужиться с советской властью. И это делает его внутренне свободным.

Поведением последовательно антисоветски настроенного человека в СССР при Сталине руководили два основных мотива: во-первых, до минимума сократить соприкосновение со стихией сталинизма и сделать это соприкосновение насколько возможно более внешним и, во-вторых, мотив личной безопасности: ничем не выделяться из среды; не возвышаться внешне над ее уровнем — такова была заповедь, которую властно диктовала внутреннему эмигранту забота о самосохранении.

При Сталине внутренний эмигрант был, прежде всего, озабочен тем, чтобы его угол был как можно полнее изолирован от внешнего мира. Он давно не гонится за комфортом, он редко имеет квартиру, гораздо чаще комнату, в которой, если он не одинокий человек, ютится со всей своей семьей. Но ему важно, чтобы комната была надежно изолирована. Лучше, если она угловая; хорошо, если отделена от соседей коридорчиком. С соседями сближаться не принято; вопреки старому русскому обычаю, годами при встрече с ними ограничиваться краткими приветствиями. Гостей бывает не много, только очень старые знакомые, близкие родственники, друзья с

детских лет. Внешняя жизнь такова, что не может вызвать подозрений соседей. Ездят на службу, стоят в очередях, изредка посещают театры. От жактовской общественности под предлогом службы, болезни, срочной работы уклоняются. Еще настойчивей уклоняются от жактовских свар и склок, даже в ущерб собственным интересам.

Обстановка в доме обычная. Мебель сборная, теснота. Но опытный взгляд уловит кое-какие особенности. Иконы не всегда налицо, но портретов вождей нет никогда. Непременно старые русские книги, на которых вырастали раньше русские поколения.

Если есть дети, важнейший вопрос — воспитание детей. Их невозможно изолировать от влияния сталинских мифов и фикций. Следовательно, нужно им привить понимание сущности сталинизма и глубокое отвращение к нему. Задача эта во многих семьях внутренней эмиграции, особенно среди верующих людей, разрешена блестяще. Она была связана со многими трудностями, прежде всего с угрозой порчи детского характера. В сердцах детей возникает благородное негодование и возгорается праведный гнев против страшной неправды окружающей жизни, и это негодование нужно таить. Возникает стремление к борьбе, а детям внушают, что борьба эта безнадежна. Идея воспитания была проста: «Блуди себя от большевистской скверны и не считай, что это ничтожная задача... Дай Бог, чтобы у тебя хватило сил для ее выполнения». Юноша или девушка находят среди товарищей и подруг людей, которые им по сердцу, и естественно их начинают тянуть открыть им свою душу, но они знают уже, что первейшая заповедь, несоблюдение которой грозит гибелью в сталинском государстве — это глубокое недоверие к ближнему.

Конечно, часты были случаи нарушения этой заповеди и часты были случаи гибели. Но несомненно одно: дети вырастали с отличным пониманием советской действительности, и это не узко практическое

понимание с точки зрения личного интереса, а с несравненно более широкой, в основе которой лежит целое мировоззрение, часто религиозное. (Отметим здесь, что подлинная вера в Бога в условиях активной несвободы с необходимостью оказывается исключительным достоянием внутренней эмиграции, и всех верующих именно в той степени, в которой они являются таковыми, надо отнести к ней. Ибо, пусть даже в порядке вполне принудительного поклонения фикциям, сталинизм требует от подвластных, чтобы они отдали душу источнику активной несвободы, мудрейшему из мудрых, гениальнейшему из гениальных, тому, с кем можно лишь радостно соглашаться, товарищу Сталину. Явление внутренней эмиграции — результат стремления отстоять свою веру в Бога Живаго, свой внутренний мир, свое индивидуальное «я», спасти свою душу именно от этой отдачи.)

Внутренняя эмиграция — устойчивая спутница сталинизма, неизбежный ответ активной несвободе. И нет ничего удивительного, что новое поколение ее поднялось на смену старикам, и появились внутренние эмигранты, которые никогда не видели живого городского. Внутренняя эмиграция исчезает сейчас не потому, что ее выловили органы государственной безопасности (даже при Сталине это им было не под силу), но потому, что борьба перестала быть безнадежной.

Политическая оппозиция. Сталинский актив при Хрущеве и Брежневем остался по существу все тем же активом. Антисоветские элементы претерпели, напротив, существеннейшие изменения. Они больше не механические граждане чуждого им государства, не внутренние эмигранты. Путь эмиграции стал ненужным, потому что открылся путь оппозиции, ведущий к стране и народу. Современные противники сталинщины борются против последствий культа личности и требуют ликвидации сталинского

культурного, политического и хозяйственного наследия. За внешней непоследовательностью, за кажущейся ограниченностью целей, а порой и подлинными внутренними противоречиями этой борьбы скрывается изумительная тактическая гибкость и стихийная стратегическая направленность на полное и всестороннее изживание сталинщины. Борьба против сталинского фикционализма проявляется в форме беспощадных насмешек над «лакировщиками» и «лакировкой действительности». Преодоление мифов выражается в утверждении скромной и человеческой «правды фактов» в противовес высокопарной коммунистической «правде века». Отказ от проявлений активной несвободы основывается на праве: принуждение под маской добровольности наталкивается на протест, с которым рука об руку поднимаются требования не фиктивной, а подлинной реализации пропагандно зафиксированных за советским гражданином свобод и прав. Требования демократизации существующего режима дискутируются без малейшей оглядки на фикцию «самого демократического в мире советского строя». Права человека и гражданина фигурируют в качестве бесспорных основ общественной жизни и реализуются явочным порядком, в прямом противоречии с партийным их истолкованием. Свобода слова реализуется в так называемом Самиздате; свобода собраний — в частных домах; свобода организации — в фактическом создании бесчисленных кружков и содружеств, зачастую принимающих и политический характер. Затруднения в экономике отчасти объясняются и тем, что рабочий класс начал «качать права» и отказывается проявить энтузиазм к выполнению сверхплановых заданий. Освободительное движение, — ибо как же назвать все это иначе, — знает уже имена своих вождей и героев.

В статье, в 1970 году распространявшейся в Самиздате, а следовательно широко читаемой в мыслящих кругах советской интеллигенции, автор, под-

писавшийся Антиповым, говорит: «Один из бросающихся в глаза итогов последних двенадцати лет состоит в том, что мы пристрастились к разговорам. Встречаясь друг с другом, мы живо обмениваемся новостями, слухами, догадками, значительно реже обрывками случайно возникающих мыслей, делимся эмоциональными реакциями на события политической и культурной жизни общества. Речи становятся все свободнее; мы стали смелее, доверчивее, в значительной мере избавились от суеверий». Далее самиздатовский автор пишет о необходимости «интенсивного обмена идеями». «Только при этом условии, — утверждает он, — наше общество сумеет осознать себя, сформулировать серьезную и объективную оценку положения в стране и в мире, выработать новые цели и наметить реальные пути их достижения».

В настоящее время нужно говорить уже не о смутном предвестии свободы, которое по слову Пастернака «носились в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание», а о самой свободе, выражающейся в пристрастии к разговорам, но еще больше в стихийной тяге к публицистическому и художественному творчеству, ищущему единомышленников и направленному на выработку новых оценок и поиски новых целей, заведомо отрицающих оценки и цели сталинизма.

Антисталинизм сегодня не только умонастроение. Его носители вдохновляются не только отрицанием и отталкиванием. Из отрицания сталинщины на наших глазах рождается реальная общественная сила, вобравшая в себя то, что при Сталине обозначалось как антисоветские элементы, как механические граждане Советского Союза, как внутренняя эмиграция.

Вот почему в условиях послесталинского общества надо говорить не о внутренней эмиграции, а о разношерстной и пестрой, но в конечном итоге всегда антисталинской оппозиции, не об уходе, а об актив-

ной борьбе. Ибо оппозиция — явление активное, и ее актив лишь отчасти состоит из тех, кто в условиях сталинского властвования ушел бы во внутреннюю эмиграцию.

По мере того, как сдвиги в структуре советского общества ограничились размахом террора и открыли реальную возможность проявления других взглядов, выработанная при Сталине заповедь «блуди себя от большевистской скверны» сменилась требованием активной борьбы за права и свободу. С разложением сталинизма советский человек из безответственного объекта властвования начал превращаться в субъекта права. Это коренным образом меняет структуру советского общества и перспективы политического развития. Но об этом ниже. В период культа, при Сталине, проявление антисоветских настроений было почти без исключения пассивным, и между понятиями «антисоветского элемента» и «внутренней эмиграции» можно было в силу этого ставить знак равенства.

Внутренняя эмиграция сложилась в двадцатых годах, в период, когда сложились и основы будущего сталинизма. Она была реакцией на тоталитарное начало в большевизме, и становление ее шло параллельно с раскрытием этого начала. Повторим еще раз: *и актив и антисоветские элементы суть неистребимые тенденции советского общества.* Как активисты, так и антисоветские элементы имеются во всех слоях советского населения. Принадлежность к активу характеризуется фиктивной, но беззаветной преданностью делу коммунизма; принадлежность к антисоветскому элементу (безразлично, зарегистрирована ли она уже в органах государственной безопасности, или еще нет), внешне скрываемой, но несомненной враждебностью к советской власти. И если активистов мы обозначали как носителей активной несвободы, то антисоветский элемент надо обозначить как не сдающихся носителей свободы духа.

Существование актива и антисоветского элемента недвусмысленная демонстрация того, что сталинизм имел и имеет своих (пусть условных) друзей и своих (безусловных) врагов во всех слоях советского общества, т. е. носит *надклассовый* характер. Подлинной социальной опоры у сталинизма как такового нет. Это, с одной стороны, чрезвычайно укрепляет его, с другой — наоборот, делает крайне неустойчивым. Никому не придет в голову ожидать, например, скорого падения парламентарного режима в Англии, но конца сталинского строя в той или иной форме в течение всего его существования ждал и продолжает ожидать весь мир. И ожидание это не лишено основания, так как в социальном своем аспекте сталинская система властвования так же неустойчива, как и в области духа: она построена на дифференциации более или менее неверных людей. Изменить может каждый их них. В СССР все — потенциальные враги. Не допустить, чтобы зта потенция стала реальностью — основная задача партии и правительства, разрешаемая всеми наличными силами как пропаганды, так и технического аппарата под лозунгом социалистического распределения — не только реальных, но и потенциальных благ, т. е. посредством хорошо разработанной системы привилегий, среди которых возможность личного продвижения является одной из важнейших. Система привилегий и ущемлений, особенно действенная на фоне всеобщей неудовлетворенности, ведет к глубокому расслоению «морально-политически единого» советского общества, а самый принцип подбора актива по признаку готовности беспрекословно выполнять любые требования власти делает его по существу таким же бесправным, как и все остальные группы советского населения.

Глава 3

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Частная инициатива и частные интересы внутри советского общества. — Частники и соучастники. — снабжение и снабженцы. — Неотменимые поправки к социализму.

Система ущемлений и привилегий, принцип социализма «каждому по его труду», т. е. по той пользе, которую он приносит советской власти, должна была бы пронизывать собой всю структуру социалистического общества. На самом деле это не так, и социально-экономическая жизнь в Советском Союзе отражается в ее официальном описании не больше, чем собственные мысли советского гражданина в его публичных выступлениях.

Это не значит, что социалистическое плановое хозяйство фикция. Но это значит, что оно уродуется фикциями. Это значит, что мероприятия власти наталкиваются на элементарное сопротивление самой хозяйственной стихии. Схематизируя, можно сказать, что в Советском Союзе существует две экономики, разумеется, тесно сплетающиеся: первая — экономика социалистическая, обеспечивающая армию и запуск спутников, вторая — экономика частного интереса, уродливо приспособляющаяся к условиям хозяйственной диктатуры партии. Первая отражена в торжественных сводках ЦСУ и громкозвучных замыслах Госплана; вторая обходит социалистическую статистику совершенно так же, как и социалистическую законность.

Первая способна удовлетворить тех, кто соглашается принимать валовую продукцию за действитель-

ность, а СССР за то, за что хочет выдать его КПСС. Вторая — существеннейший фактор в жизни народа, фактор, с которым надо считаться, несмотря на то, что по нему нет цифровых данных, что советская власть склонна вообще отрицать его существование и что выступает он то в виде скромного приработка на приусадебном участке и дополнительной работы, производимой в свободное время, то в виде хитроумных комбинаций, в которых почти всегда содержатся элементы хищения, взяточничества, спекуляции и коррупции.

Рассматривая жизнь советского общества, нельзя не заметить, что дополнительные приработки имеет добрая половина населения страны, а спекуляцией и коррупцией проедено все социалистическое хозяйство, — от сатураторщицы, не доливающей сиропа в газированную воду, и кондукторши, забывающей отрывать билет от квитанционной книжки, до управляющего трестом или директора завода, организующего незаконные обменные операции со смежниками, в результате которых, как побочный продукт, отстраиваются дачи и заводятся охотничьи угодья.

ЧАСТНИКИ

Никакого частновладельческого сектора в социалистическом хозяйстве, особенно теперь, на пороге коммунизма, казалось бы, не предусмотрено. Остатки капиталистического строя разгромлены, и пережитки капитализма в сознании следовало бы искать только у людей не моложе шестидесяти лет, так как советские граждане моложе этого возраста никакого капитализма, даже в виде жалких остатков эпохи НЭПа, помнить не могут.

А между тем и частная инициатива, и частновладельческие методы, и даже частные капиталы в СССР существуют и играют в социально-экономической жизни страны не столь уж малую роль. Роль

эта почти не отражена, да и едва ли могла бы быть отражена, статистически. «Частники и соучастники», да будет нам позволено здесь воспользоваться этим юмористическим, но очень точным термином Ильфа и Петрова, — проскальзывают сквозь сетку любой статистики хотя бы уже потому, что хотят проскользнуть и не отразиться. Они ведь как бы и вовсе не существуют.

Между тем, есть целые области хозяйственной жизни, функционирование которых просто немислимо без частной инициативы. Попробуйте представить себе советскую жизнь без индивидуального огородничества, колхозного рынка и барахолки! Ведь к тому и другому советскому обывателю приходится прибегать для удовлетворения насущнейших своих потребностей. Плохо ли, хорошо ли, но частная инициатива компенсирует уродливые недостатки государственного хозяйства, а в постсталинские годы показывает устойчивую тенденцию к расширению. Характерен рост частной инициативы даже в сравнительно трудных для нее областях, в строительстве и транспорте, о чем можно найти немало свидетельств даже в советской печати. И если трудно оценить ее объем, то совершенно ясна ее функция: сделать то, с чем не в состоянии справиться государство, заполнить пустоты и выравнять ритм социалистического снабжения.

Будучи явлением теоретически недопустимым, частная инициатива в советском государстве поставлена вне закона. На практике она, однако, всегда допускалась и допускается, и только масштабы ее то расширяются, то суживаются по произволу власти. В более или менее чистом виде она ограничена немногими областями, но в разного рода гибридных и замаскированных формах проникает также и в сферы социалистического хозяйства, казалось бы монополизированные государством, где носителями ее является совершенно особая категория служащих, так называемые «снабженцы». Начало частной ини-

циативы проявляет себя, разумеется, и в области свободных профессий, и в СССР, помимо художников, музыкантов или других артистов, имеются и частнопрактикующие врачи, и адвокаты, и преподаватели. Но начнем с частной хозяйственной деятельности, как таковой, проявляющейся прежде всего в землевладении, домовладении и домостроительстве, в ремесле и торговле.

Землевладение и домовладение. Спорует, что основная масса советской сельскохозяйственной продукции приходится на долю колхозов и совхозов. Однако с существенными оговорками. Ведь личные усадьбы под огородами и садами, под коровниками и курятниками в размере от одной десятой до полугектара имеет поголовно все сельское и добрая половина населения небольших городов.

В производстве зерна и технических культур эти усадьбы не играют роли, но есть области, в которых они, даже по советской статистике, заведомо неполной и условной, занимают немалое место. Большая Советская Энциклопедия в томе «СССР» сообщает, например, что в 1956 году 56,6% коров, 85,8% коз, 23,9% овец и 37,7% свиней находилось в частных руках, а площадь земли под плодоводством и производством овощебахчевых культур и картофеля на частных усадьбах составляла 6 300 000 га по сравнению с 7 380 000 га в колхозах и совхозах. Что же касается производительности этих площадей, то запись в «Деревенском дневнике» прямого наблюдения такого несомненного знатока колхозной жизни, как Ефим Дорош, достаточно ясно договаривает то, что не сказано в БСЭ: «Все приусадебные участки здесь сплошь засажены луком. Ни дерева, ни кустика, ничего, что сколько-нибудь напоминало бы все, что связано со словом «усадьба». Да это и не усадьбы, так как многие участки находятся в поле. Это товарные, промышленные плантации. Пожалуй, если соединить их вместе, то общая площадь окажется

больше, чем площадь, занятая луком в колхозе. А урожайность и подавно больше, потому что на усадьбах агротехника лука выше; его поливают и пропалывают в срок, а удобряют лучше; хотя лето нынче засушливое, лук на усадьбах зеленый, чистый. А в колхозе лук беднее, перо уже начало желтеть, да и зарос он изрядно сорняками... Выходит не усадьба при колхозе, а колхоз при усадьбах, поскольку они дают больше продукции».

Разумеется, далеко не все частные карликовые участки превращены в товарные промышленные плантации. Многие и огородничают и держат скот почти исключительно для себя и своей семьи. Но рентабельность частного сельского хозяйства в обоих случаях, несомненно, намного превышает рентабельность колхозов и совхозов. И если не в столицах, то в провинциальных городах снабжение населения овощами, фруктами, молоком, яйцами, а в значительной степени салом и мясом осуществляется в очень высоком проценте с приусадебных участков колхозниц и личных огородов рабочих и служащих, под которые предприятия добывают и распределяют участки земли, иногда в значительном удалении от городов. Формулировка Дороша «выходит не усадьбы при колхозе, а колхоз при усадьбах» неверна только в отношении зерновых и технических культур. В отношении огородничества и садоводства, а в значительной мере и животноводства ее даже нельзя считать преувеличенной.

Владение участком земли очень часто связано с владением домом. Та же Большая Советская Энциклопедия, в том же томе «СССР» сообщает, что «к концу 1955 года весь городской жилищный фонд составлял 640 миллионов квадратных метров, в том числе обобществленный фонд 432 миллиона квадратных метров». Отсюда позволительно заключить, что необобществленный, т. е. находящийся в частном владении жилищный фонд составлял в городах $640 - 432 = 208$ млн. кв. метров или около 30% целого.

В негородских же поселках он должен быть выше, так как они состоят в основном из деревенских домов и дач, находящихся в частном владении.

Не будем гадать, какая часть принадлежащей частным владельцам жилищной площади сдается жильцам и на каких условиях это делается. В глухой провинции дом в большинстве случаев просто дает его владельцу крышу над головой, но вокруг больших городов и в курортных местностях сдача углов и комнат в наем — безусловно, вполне весомый источник дохода домовладельца.

А чтобы получить понятие о характере и о размахе частновладельческой застройки, приведем справки, опубликованные в № 25 «Крокодила» за 1959 год: «Справка республиканской конторы Лесстройторга гласила, что за последние полтора года индивидуальным застройщикам в городе Алма-Ате продано различных строительных материалов примерно на 500 трехкомнатных домов. Справка городского бюро технической инвентаризации утверждала, что за это время в столице Казахстана принято на учет 3 685 новых домов, причем размеры их колеблются от трех до шестнадцати комнат. Начальник бюро технической инвентаризации Кожурин и старший инженер Колмогоров доверительно сообщили, что, по их данным, примерно такое же количество домов либо находится в процессе строительства, либо уже построено, но не взято на учет».

Из этой справки совершенно ясно: число построенных домов, по меньшей мере, в шесть раз превышает количество законно полученного на их постройку материала (вместо 500 построено 3 685 плюс примерно столько же домов, как правило, больших размеров, т. е. в сумме никак не менее 6 000). А это значит, что материал был добыт незаконным путем, иными словами, что пять шестых находящегося в частном владении жилищного фонда создано помимо воли, а зачастую и против воли социалистического государства.

Ремесло и торговля. Свободных ремесленников в социалистическом обществе не предусматривается. И в самом деле по справке все того же тома «СССР» Большой Советской Энциклопедии некооперированные кустари вместе с крестьянами-единоличниками составляют в Советском Союзе 0,5% процента населения, т. е. немногим больше миллиона человек. Но какой же советский гражданин без крайней к тому нужды станет регистрироваться кустарем-одиночкой? Как будто при небольшом размахе производства нельзя оформиться как-нибудь иначе?

Уж если кустарь регистрируется, то это значит, что у него налажено постоянно работающее предприятие, в котором в той или иной форме работают или принимают участие по меньшей мере еще несколько человек. Большинство кустарничающего населения предпочитает работать в меньших масштабах и в этом своем кустарном качестве никак не регистрироваться, оформляясь где-нибудь в пожарниках, сторожах, вахтерах, швейцарах, на должностях, которые позволяют иметь много свободного времени. Сколько людей в России занимаются сейчас кустарным приработком, или, как принято говорить, «шабашничают», и для скольких это действительно только приработок, а для скольких основной источник существования, не знает и сама советская власть. Но если вам понадобилось отремонтировать квартиру, обновить мебель, установить радиоприемник, быстро починить обувь, то любое из этих немудрящих житейских дел неизбежно заставит вас обратиться к шабашнику. И частновладельческие дома или личные дачи строятся ведь не государственными строительными организациями, а теми самыми каменщиками и плотниками, недостаток в которых так тормозит строительство социалистических жилищ. И когда «Комсомольская правда» рассказывает, что колхоз имени XX съезда КПСС вошел в соглашение с неким В. П. Беловым и по-

ручил ему постройку колхозной электростанции стоимостью в 330 тысяч рублей, то она рассказывает случай, может быть, и не слишком типичный, но и не такой уж исключительный.

Аналогично обстоит дело с торговлей. В Большой Советской Энциклопедии о колхозном рынке сказано, что «колхозная торговля является третьей формой советской торговли» (наряду с государственной и кооперативной) и что продажа продуктов на колхозном внедеревенском рынке составила 48,9 миллиардов рублей в 1955 году». О свободном же «рынке держанных вещей» в официальном наименовании, а в просторечии «барахолке», в ней совсем ничего не сказано. Зарегистрированных частных торговцев в СССР нет. Но это не значит, что нет частной торговли.

Причем существенно вовсе не то, что на барахолке можно купить любую, как подержанную, так и новую вещь. Существенно не то, что на барахолке продают и покупают одежду, домашнюю утварь, или рыболовные крючки, которые трудно найти в магазинах. Существенно то, что незримыми путями на этот «рынок держанных вещей» приплывают части автомашин, инструменты, редкие материалы, уникальные детали, скажем для цветного телевидения. А еще существенней то, что барахолка еще в большей степени, чем весь частновладельческий сектор в Советском Союзе, подобна надводной части айсберга. Под водой скрыта основа, благодаря которой он плавает и к которой нам и надлежит обратиться.

СОУЧАСТНИКИ

После ссоры с Москвой в Пекине стало принято обозначать советский социализм как «мелкобуржуазный». Обозначение это неверно, но направлено на некую сущность, выражающую себя в приусадебном участке, в индивидуальном огороде, в торговле на

колхозном рынке и барахолке. Но откормом личного поросенка советская мелкобуржуазность не исчерпывается. На другом, более высоком уровне, переставая быть мелкой, эта буржуазность выражается в собственной даче, в обстановке на этой даче и в делах, которые приводят владельца к обладанию обстановкой и дачей.

Разберемся в них. Потому что ведь до сих пор мы подержались только за некоторые узелки общественной ткани. Между узелками тянутся ниточки; ниточки связаны между собой. Это ниточки личных интересов, которые тянутся от садика к домику, от домика к автомашине, от машины к горючему и ремонту и т. д. и т. д., создавая базу для социально-бытовых отношений в стране, отнюдь не укладывающихся в официальную картину советской действительности.

У людей есть потребности, и чем выше стоит человек в общественной иерархии, тем они у него больше. Современный советский сановник не станет ходить в гимнастерке и жить в общежитии. Он проявляет только фиктивное сочувствие идеям «Коммунистического Манифеста», над духом которого он, вероятно, никогда всерьез не задумывался. Его идеал вполне буржуазен: собственная квартира в городе, собственная дача для воскресного отдыха, собственная мебель, радио, телевизор, стиральная машина, собственный автомобиль; всю эту собственность он хотел бы передать своим детям, будущая карьера которых особый предмет его отеческой заботы. Это он платит, если понадобится, немалые суммы за аттестат зрелости, обеспечивает учителям и начальству подарки — платками, коврами, сервизами, платками, часами. Но и рабочий и колхозник отнюдь не стремятся ни к общежитию, ни к общественному питанию, и каждая советская хозяйка мечтает если не о стиральной машине, то хоть о прилично оцинкованном корыте.

Социалистическое хозяйство с его принудительным регулированием рынка и мизерной зарплатой, не удовлетворяя естественных потребностей человека, оказывается не в силах и подавить их, и они растут вкривь и вкось, как задавленный камнем росток. Спекуляция и коррупция всех видов и оттенков, приработки налево и направо, туфта, блат, халтура, очковтирательство, фальсификация отчетности, — все это понятия, рожденные социалистическим строем, уродливые корректуры, вносимые самой жизнью в экономическую монополию государства, изуродованные проявления неистребимого стремления человека добывать себе то, что он хочет иметь. И не только советский колхозник значительную часть своего дохода получает с приусадебного участка. Известно, что на вопрос «Можно ли в Армении прожить на зарплату?» анекдотическое «Радио Ереван» отвечает «Не знаем. Спросите в Грузии». Картина доходов советского гражданина сложная, но исчислять его жизненный уровень на основе статистических данных о средней зарплате так же ошибочно, как воображать, будто колхозник живет на заработанные трудодни.

Так называемая сеть бытового обслуживания насквозь проедена изуродованными личными интересами. Утечка, усушка, утруска, недолив, недовес, виртуозные комбинации с превращением в брак полноценных товаров и продажей брака за полноценный товар, торговля из-под полы и из под прилавка, продажа только своим, элементарный товарообмен, и, наконец, обыкновеннейшее воровство, именуемое расхищением или разбазариванием социалистической собственности, настолько въелись в быт, что никого уже не возмущают всерьез. Приводить примеры просто излишне.

«Мы — вам, вы — нам». Частный интерес и частная инициатива, причем как раз в наиболее

болезненных и извращенных формах, проникают в социалистическое хозяйство и диктуют ему свои законы. Капиталистический принцип выгоды теснит партийную идею плана. И если газета «Индустрия», (в № от 31 декабря), подводя итоги 1938 хозяйственного года, в расцвет сталинщины, писала, что 50% поставок в Сталинграде, 33% в Днепропетровске и 30% в Москве были получены нелегально, то через тридцать лет, описывая положение с поставками, газета «Известия» поместила (в № 17 июля 1959) статью под выразительным заглавием «Мы — вам, вы — нам». Старый, как само хозяйствование, принцип взаимовыгодного обмена описан в ней в его советской редакции на частном примере не какой-нибудь выпускающей ширпотреб кооперативной артели, а Выксунского металлического завода, и описан так выразительно, что не нуждается ни в каких обобщающих добавлениях. Вот отрывок из этой статьи:

«...Металл раздавали направо и налево. Был устроен черный рынок, где металл менялся на всевозможные изделия и материалы: кабель, фанеру, цемент, пожарные рукава, краски, стекло, брезент, измерительные приборы, прицепы к автомобилям.

Чтобы придать этим сделкам видимость законности, заключались хозяйственные соглашения. В одних случаях это делалось под предлогом изготовления оборудования, в других — каких-либо полуфабрикатов. В частности, по такому соглашению строительное управление № 335 взялось изготовить для Выксунского завода пятнадцать тонн воздуховодов и сорок тонн трубной заготовки.

Соглашение было фиктивным. Хозяйственники подписали его, преследуя лишь местнические интересы. На самом деле строители, получив от завода

десятки тысяч газовых труб и кровельного железа, расплатились за металл керамическими изделиями, измерительными приборами, короче говоря продукцией, которая отпускалась строго по фондам.

Начальник строительного управления В. В. Пойгин вел обменные операции не только с Выксунским заводом. В эти сделки были вовлечены десятки предприятий. Часть добытых таким путем дефицитных материалов и изделий была не нужна управлению и употреблялась для других сделок. Так, за пользование автомобильным транспортом соседнего предприятия управление расплатилось выксунским металлом.

Проведав о нравах, процветающих в Выксе, некоторые хозяйственники стали загружать автотранспорт своими товарами и отправлять их в Выксу на обмен. Так поступил и начальник отдела снабжения Ярославского шинного завода т. Сухоручкин. «Пользуясь попутной машиной, — писал он заместителю директора Выксунского завода т. Серегину, — посылаю вам резину. Прошу отпустить газовых труб в прилагаемом ассортименте».

Коротко и ясно: «мы — вам, вы — нам!»

Разумеется, большинство сделок, производившихся в Выксе и производящихся и сегодня на каждом советском предприятии, служат интересам предприятия и помогают выполнению его производственных заданий. Но не только. Потому что газовые трубы в прилагаемом ассортименте нужны не только в цехах шинного завода. Они употребляются и для подводки газа к тем, как мы знаем немалочисленным домам и дачам, на которые государственные строительные конторы не отпускают никаких материалов. А откуда, спрашивается, приплывают на рынок держанных вещей уникальные детали цветных телевизоров или запасные части автомашин, если не приобретаются в результате отнюдь не короткой, но вполне коммерческой товарообменной цепи?

У частных есть соучастники, и интересы предприятия зачастую очень и очень крепко связаны с интересами его хозяйственных руководителей.

Совершенно независимо от зарплаты, в Советском Союзе есть места доходные и бездоходные. Уже доход сатураторщицы или лотошника, железнодорожного проводника или шофера нередко превышает заработок врача или учителя. Доходы же лиц, занимающих подходящие места в государственном аппарате, на транспорте и особенно в сферах снабжения и обслуживания представляют собой первоисточники накопления, вокруг которых вращается бодро насаждаемый сейчас новым классом партийной знати социалистический капитализм.

Люди, сидящие на доходных местах — не частники, но они и не скромные труженики, удовлетворяющиеся своей зарплатой. Это люди, которые «умеют жить», — выражение ныне очень ходкое, — и умеют давать жить другим, вступая с ними в сделки на основе взаимной выгоды. Внутри государственной социалистической системы они создают свою собственную систему, описание которой мы позаимствуем из повести советского автора И. Соловьева «Дом на Дворцовой»:

Система в системе. «Во всякой системе можно создать свою систему, важно только подобрать подходящих людей. Контролеры? Вот они где, контролеры. — Он легонько похлопал себя по левой половине пиджака, намекая на внутренний карман. Ну, а ОБХСС? На то щука в море, чтобы карась не дремал. Не-ет, если дело вести с умом, то жить можно. Меня лично не это ваше «но» беспокоит, у меня болячка — сырье. Удивительные вещи происходят на земле! Вы представляете, — оживился он, — спускают вам сверху план выработки продукции, а сырья на него дают 20-25 процентов, остальные — местная инициатива! За невыполнение плана к концу квартала трясут как хорошую

грушу в урожайный год. Где ты достанешь сырье, как достанешь, сколько заплатишь — никому дела нет. Люди, которые могут достать сырье и вытянуть план, на вес золота. Где тут до законности, дорогой? Если выполнил план — ты ангел, хотя где-то добыл сырье явно в обход закона. Не выполнил план — на тебя глядят хуже, чем на чёрта, хотя с точки зрения Уголовного кодекса ты чист, как младенец. Победителей не судят — за план самое принципиальное начальство всегда заступится. Вот так...»

Без описанной таким образом второй, поправочной системы хозяйствования, без этой действующей на вполне коммерческих началах организации, в которой партия не является никаким руководящим ядром, бюрократическую систему партийно-государственного хозяйства, вероятно, заело бы, как несмазанный механизм. И что нужды, если деятели этой второй, поправочной экономической системы, — партийцы и беспартийные, — порой оказываются на скамье подсудимых! Эта скамья входит для них в область калькулированного риска, на который они идут, подчиняясь необходимости делать дела в тех условиях, в которые они поставлены.

Наряду с полностью подчиненной государству бюрократической экономикой, описывать которую здесь нет надобности, существует и другая, не менее тесно сплетающаяся с нею хозяйственная жизнь, несомая частной инициативой и направленная на удовлетворение частных интересов. Эта жизнь сложилась уже при Сталине, но посталалинское ослабление террора значительно расширило ее возможности. Во-первых, несмотря на повторные попытки власти известить так называемых тунеядцев, у людей появилось больше времени для работы частным порядком, вплоть до возможности более или менее продолжительные периоды вообще нигде не работать, а во-вторых увеличилась возможность обогащаться, вкладывать деньги в дома, в землю, в автомобиль, строить собственное хозяй-

ство и передавать его детям. Наряду с партийными **сановниками** появляются новые категории **собственников**, директора магазинов, работники **промкооперации**, строительных организаций, **бытового обслуживания**. К ним примыкают артисты, художники, научные работники и даже **частнопрактикующие** врачи и адвокаты из юридических консултансий.

Современное советское частничество растет из двух корней. Один — безусловно **обывательский, капиталистический**, если хотите, **пережитковый**; другой — социалистический. Оба неистребимы; оба **потянутся** в коммунизм; оба погружены в **глубь хозяйства**; оба растут и питаются из души хозяйствующего человека. Из первого растет **колхозный рынок** и **барахолка**; из второго — **товарообмен** между **Ярославским** и **Выксунским** заводами: «**Посылаю вам резину**, прошу отпустить **газовых труб** в прилагаемом **ассортименте**».

Огородничество и садоводство, мелкое **скотоводство** в масштабе нескольких курочек, боровка и **буренки**, всевозможное ремесло и **розничная торговля** с рук находятся в **цепких руках** деревенского и городского **обывателя**, оформленного в виде **члена колхоза**, **весовщика** или **пожарного**. **Частная инициатива** на этом уровне — это **зажатый** и **изуродованный**, но упорно не **умирающий** **частнохозяйственный** сектор, **растущий снизу**, из **народной толщи**, **существующий** помимо социализма и **несмотря на социализм**, но **приносящий** и стране и власти **некоторую пользу**, так как он **обслуживает** **элементарнейшие потребности** граждан, которые **власть обслужить** не умеет, **дает людям возможность** приобрести в **розницу** **свежую курицу**, **десяток огурцов**, **починить телевизор** или **автомашину**.

Навстречу ему, **хочется сказать** **сверху**, **развивается** **инициатива** **иного**, **хочется сказать**, **оптового размаха**, **ворочающая** **немалыми делами** и **обслуживающая** уже не **отдельного потребителя**, а **госу-**

дарственные организации. Этого типа хозяйственной инициативе тесно на приусадебном участке и барахолке. Ее носители — работники государственного экономического и административного аппарата, которые знают природу социализма и умеют приспособляться к этой природе.

В большей или меньшей степени, в незаконных экономических операциях принимают участие все советские люди, а хозяйственники в особенности. Обменные операции, взаимовыгодные сделки и комбинации проводятся на всех предприятиях. В них участвуют и директора, и парторги, и цеховые мастера и, разумеется, плановики и бухгалтеры, причем соблюдаемый при этом официальный культ государственно-партийных интересов посылно уравновешивается заботой о собственном благополучии каждого, а достигается это зачастую путем, осуждаемым лицемерной буржуазной моралью, которой в этом вопросе вторит и моральный кодекс советского человека.

СНАБЖЕНЦЫ

Что советские граждане самый оборотистый народ на свете, не подлежит сомнению. Корешки есть у каждого, и блатом умеет воспользоваться каждый. В излишней мягкотелости там, где дело касается интереса, советских людей упрекнуть нельзя. Но есть категория граждан, поставившая эти свойства на службу не только себе, но и обществу. Это так называемые «толкачи» и «снабженцы». Численно эта группа не слишком велика, но она образует в советском обществе совершенно особую категорию, по уровню жизни приближающуюся к знати, но по своим взаимоотношениям с властью смыкающуюся с народом. Мы назовем эту группу по главной несомой ею функции и согласно с бытующим в советском языке термином «снабженцами».

Формально снабженцы представляют собой разновидность служащих. Они работники советского административного аппарата, они часть советской бюрократии, служащие всякого рода исполкомов, управлений, трестов, промышленных предприятий и торговых организаций. Они есть всюду, где ведется какое-нибудь хозяйство. Но они не конторские сидельцы, не те, которых можно прижать посредством какого-нибудь лозунга, вроде «из контор на производство!» Это работники, служба которых касается материального снабжения (отсюда и «снабженцы») и протекает по большей части в разъездах и командировках вне контроля партии и месткома, что дает при желании полную гарантию от общественных нагрузок.

Но не только свобода от общественных нагрузок, не только возможность без особых усилий уклониться от посещения надоедлого собрания или участия в очередном субботнике отличают снабженцев от прочих жителей страны строящегося коммунизма. Их не касаются никакие мероприятия по подъему трудовой дисциплины и повышению производительности труда, а займами и налогами облагается только их официальное жалование, покрывающее лишь малую часть их фактических расходов. Путевку на курорт, если она ему понадобится, снабженец достает совершенно иным путем, чем рядовой советский служащий, а очередные кампании, угнетающие трудящихся самой счастливой в мире страны, открывают все новые и новые возможности для деятельности снабженцев.

Советские снабженцы это не только агенты по снабжению в узком смысле этого слова. Это, например, толкачи, обязанность которых форсировать выполнение смежником заказа, протолкнуть поезд с грузом, вырвать вагоны и т. п.

Своим существованием группа снабженцев, так же как и активисты, обязана плану, соцсоревнованию и партконтролю. Но она создана не советской

властью, а советской жизнью. Она существует, чтобы как-то компенсировать схематический бюрократизм советского аппарата, преодолевать хронические прорывы в материальном снабжении, которые вызываются советским планированием, и залечивать раны, наносимые советскому хозяйству соцсоревнованием и партконтролем.

Единственная задача снабженца это — снабжать. Но снабжать не советское хозяйство вообще, не какую-либо отрасль промышленности в частности, а лишь то предприятие, в котором данный снабженец служит, и делать это любыми путями, законными, полузаконными и незаконными. Не снабжение граждан и не снабжение государства, а снабжение отдельных конкурирующих друг с другом государственных предприятий есть поле деятельности снабженцев. Их стихия это конкуренция, разумеется в тех уродливых формах, в каких она существует в СССР.

Конкуренции в сбыте своих изделий советские предприятия не испытывают, но борьба за сырье и рабсилу ведется между ними жесточайшая и ведется она силою и ловкостью снабженцев. Возникает она потому, что советское планирование принципиально исходит из стремления к максимальной эксплуатации любого объекта, находящегося в его распоряжении. Такой принцип планирования неизбежно ведет к диспропорциям и хроническому недостатку в сырье. Советское хозяйство оказывается в состоянии перманентного сырьевого кризиса, автоматически распространяющегося на всю его жизнедеятельность и порождающего кризисы и во всех остальных элементах хозяйствования — в организации, кадрах, орудиях производства, рабочей силе, финансах и т. д. Малейшее нарушение всеобъемлющего плана, составляемого в расчете на то, что непременно все и непременно в срок выполнят поставленные перед ними задачи, неизбежно распространяется по всем его элементам и создает про-

рывы и узкие места, на штурм которых бросают ресурсы с других участков, в свою очередь оказывающихся в прорыве и привлекающих к себе силы, опять-таки за счет следующих участков.

Достать недостающее сырье, оборудование, материалы, рабсилу, протолкнуть смету, вырвать подходящий лимит — вот сфера деятельности советского снабженца, этого единственного в своем роде толкача, комбинатора и блатмейстера. Дефицитный, остродефицитный, лимитированный, броня, разверстка, фонд — вот круг понятий, которыми он постоянно оперирует. Систему советского хозяйствования опытный снабженец знает не хуже, чем профессиональный взломщик систему запоров и охрану банка. Он обходит советские законы, как контрабандист знакомые заставы на границе.

Снабженцы это величайшие мастера блата. Они, т. е. наиболее квалифицированные из них, умеют иногда подарить своему предприятию десятки и даже сотни тысяч рублей экономии, и, конечно, часть этих сумм прилипает к их рукам законными, а чаще незаконными путями. Среди них встречаются настоящие виртуозы своего дела. Так, например, еще в тридцатых годах, при Сталине, один из агентов «Металлома» в Москве заметил, что плотно железных дорог на многих станциях огорожено еще с эпохи кровавого царизма железными столбиками с железными же перекладинами. На собственный счет он заменил эти изгороди деревянными, а железо получил как лом для своего треста. Вероятно не только он сам заработал порядочный куш на этой операции, но и начальникам станций кое-что перепало. При Хрущеве же правительственная газета «Известия» в номере от 24 августа 1958 года опубликовала незаконную сделку, согласно которой просто «означенный Крепс берет на себя обязательство заготовить металлом и сдать его от имени райпотребсоюза своим транспортом».

Именно советские снабженцы своей ловкостью и оборотистостью компенсируют схематический бюрократизм советского управления, от которого без их помощи социалистическое хозяйство пришло бы в состояние полного паралича. В советских условиях они вынуждены заниматься очковтирательством, нарушать государственные законы и работать на основе всеспасающего блата. Но по природе своей это сплошь да рядом смелые и инициативные дельцы, обдeldывающие порученное им дело не на основе партийно-правительственных директив, а на основе неписанных законов советской жизни, обходящей и нейтрализующей эти директивы.

Самим своим существованием преступая советские законы, снабженцы именно этим спасают советское хозяйство от гибели. Но они отнюдь не друзья советской власти. Они испытывают неодолимое отвращение к агитации, активу и всякой общественной возне. Благодаря характеру их работы, они и при Сталине не тосковали над «Кратким курсом истории ВКП(б)».

Что они совершенно свободны от трудового энтузиазма всякого рода и преданности, это руководство их учреждения, разумеется, знает превосходно. Но ведь оно знает также, что и остальные, оседлые служащие свободны от этих добродетелей. Но от оседлых можно требовать фиктивного энтузиазма и фиктивной преданности, что партийный актив с успехом и проделывает. А с этих, за их вечным отсутствием, ничего не возьмешь, и по этой же причине и ответственности за них нет. Поэтому партийцы и активисты с легким сердцем оставляют снабженцев вне сферы активной несвободы.

Положение снабженцев в советском обществе получается совершенно особое: советская власть не дает им никаких привилегий — свое сравнительно высокое материальное положение они добывают себе сами; с другой стороны, власть угнетает их меньше, чем другие социальные группы, но не по-

тому, что она не хотела бы их поприжать, и не потому, что она ценит ту специальную для нее деятельность, которой они занимаются, а лишь потому, что в силу целого ряда причин прижать их никак невозможно. Снабженцы это не привилегированный слой, но это и не угнетаемая масса советского населения. Они не рабы, но и не погонщики рабов.

Снабженцы весьма заняты своим личным благополучием и вообще личной жизнью. Никакими привилегиями они не пользуются: ни премиями, ни благодарностями, ни путевками на курорты и совершенно об этом не жалеют. Материальное положение их значительно выше положения рядового служащего и зачастую соответствует положению советской знати.

В знать снабженцы не попадают никогда, а в актив они не идут. И не только потому, что разъездная служба фактически мешает им сделать это, но потому, что работа в активе претит им и представляется собачьей службой. Снабженцы — единственная категория населения СССР (если не считать преступного элемента), которая не выделяет своих представителей в актив и занимает по отношению к власти относительно независимое положение. Как правило, снабженцы настроены антисоветски, хотя власть угнетает их сравнительно меньше, чем другие группы населения. Партийные фикции и все строительство коммунизма они глубоко и искренне презирают. Они знатоки именно неписанных законов советской жизни. Они умело используют эти законы и обеспечивают при их помощи свое личное благополучие. Но они очень хорошо понимают, что это за законы. Они знают, что им приходится все время жить и действовать в обстановке неоправданного риска, и что не только свой собственный неверный шаг, но и простая случайность в любой момент могут привести их на скамью подсудимых. Они чувствуют себя одаренными, ча-

сто талантливыми людьми, способными к большой коммерческой деятельности и осужденными заниматься полупреступными блатными делами и спекулятивными комбинациями даже не для себя, а для советских же учреждений. Почти все они — великие скептики и циники. Элементы «сознательности» в их психике отсутствуют начисто. Они отчетливо сознают преступность советской системы, но не считают себя призванными с ней бороться. Это крайние индивидуалисты и згоисты, заботящиеся только о собственном благополучии, и благополучии тех, кого они за что-либо любят. Очень часто это веселые люди с опустошенной душой.

Снабженцы — явление советской жизни во многом аналогичное активу и внутренней эмиграции, хоть они и не имеют прямого отношения ни к тому, ни к другому. Есть, конечно, снабженцы по специальности. Но явление, которое они воплощают, гораздо шире. С вопросами, которыми они занимаются, приходится ведь в большей или меньшей мере сталкиваться каждому советскому гражданину, и каждый советский гражданин в своей жизненной практике всегда хоть немножко снабженец. В вопросах снабжения должен ведь смыслить не только директор, но и главный инженер и парторг любого предприятия. Вопросы снабжения суть больные вопросы не только в промышленности и торговле. С ними сталкивается врач в больнице, учитель в школе, исследователь в научном институте, домашняя хозяйка, выходящая за покупками. Незаконные, несоциалистические методы хозяйствования пронизывают всю советскую жизнь, и социальная группа снабженцев не только не изолирована от остальных групп советского населения, но, напротив, подобно активу и антисоветскому элементу, пронизывает их все.

Теснее всего она, однако, соприкасается и смыкается с руководителями советского хозяйства. Среди нее есть люди, зарабатывающие не меньше

крупных советских сановников. Влияние ее при Сталине было ничтожным, но с воцарением олигархии, опирающейся на многочисленную бюрократию, призванную управлять производством, ее влияние растет, а положение становится более прочным. Разумеется, не снабженцы владеют производительными силами страны. Производительные силы — в монопольном владении партийных руководителей. Но без снабженцев им обойтись нельзя, а снабженца нельзя держать в черном теле: он соучастник общепринятых, но все же незаконных махинаций, с ним не следует портить отношений, он свой человек, и иной член КПСС, директор завода и член бюро обкома чувствует себя с ним в одной лодке, хоть и не встречает его на партийных собраниях.

Тесная, можно сказать «интимная» связь снабженцев с руководителями советского хозяйства неотменима, как неотменимы незаконные коммерческие операции, как неотменима личная инициатива и разного рода частничество. Соучастниками здесь являются решительно все, до крупнейших московских сановников. В послесталинские годы это частничество от сапожника дяди Триши и огородника дяди Вани до руководителей Выксунского завода и означенного Крепса с его металлоломом и своим транспортом завоевало прочные позиции, с которых его можно оттеснить только террором сталинского типа, вернуться к которому значило бы ударить не только по частникам, но и по соучастникам, по владельцам дач и автомобилей, не эксплуатирующих их в коммерческих целях только потому, что их положение в партийной иерархии делает эту мелкую эксплуатацию излишней.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Стихийное развитие частного предпринимательства и сращение этого предпринимательства как с

партийной коррупцией, так и с выполнением государственных планов, бесспорно играет сейчас в стране не только экономическую, но и политическую роль. Мы бесспорно имеем здесь дело с неуправляемой «организацией без организации» и во всяком случае без руководящего партийного ядра в ней. Развитие ее, однако, лишь в теоретически мыслимом пределе может стать опасным для диктатуры, и меры борьбы, которые время от времени предпринимает против нее правительство, носят скорее психологический, чем хозяйственно-политический характер.

Экономическая монополия новой знати никем всерьез не оспаривается, и если желающий работать не на партию, а на самого себя и свою семью мелкий частник-шабашник не только неистребим, но и полезен, то это еще не значит, что он представляет собой экономическую силу, способную угрожать партийной монополии. Больше того, частная инициатива, спекуляция и другие хозяйственные дела, проделываемые в обход директив и планов, в конечном счете, спасают государственное хозяйство от полного развала. И не стоит спрашивать, что случилось бы, если бы советские люди стали вести себя в хозяйственной области так, как им предписывает «ум, честь и совесть эпохи». И Косыгин и все его министры отлично знают, что вести они себя так не будут и неизбежные коррективы в партийные призывы и правительственные планы внесут.

Формально партия, как была, так и будет выступать против всякой частной инициативы, но фактически, отказавшись от сталинского идеала активной несвободы, она поставлена сейчас не перед задачей уничтожить шабашников и превратить снабженцев в стражей советской законности, а перед задачей сосуществования с ними, использования их в интересах господствующего класса.

Частная инициатива во всех ее видах и формах вполне готова к этому сосуществованию. Больше того, она практически уже осуществляет его к полному удовольствию властвующей партийной бюрократии. Советский частник скромн и готов удовлетвориться малым. Конечно, он хотел бы стабильности своего положения и, как знатные люди при Сталине, жестоко страдает от того, что то, что допускалось сегодня, запрещается завтра и партия продолжает по отношению к нему сталинскую тактику колебаний, то разрешая разводить частных коров и коз, то снова обобществляя их, то глядя сквозь пальцы на спекулятивные операции какого-нибудь управляющего заготконторой, то сажая его за это на скамью подсудимых. Но до сих пор он не смеет протестовать и не ставит никаких требований.

Веда послесталинского советского хозяйства не в частничестве, а в том, что без сталинских методов принуждения, без рабского труда, в самом прямом смысле слова, государственная экономика не в состоянии производить достаточного количества благ и, в первую очередь, элементарных продуктов питания. При сегодняшнем положении вещей сам по себе частник в Советском Союзе ничего не добьется, и как бы далеко ни заходили подпольные экономические операции, сколько бы ни скапливалось подпольных капиталов, сколько бы ни было в стране шабашников, тунеядцев, спекулянтов, сколько бы ни поступало на рынок молока от индивидуальных коров, — принципиально в советском хозяйстве от всего этого ничего не изменится. Партия как была, так и останется закрытым распределителем для господ из нового класса, а партийный билет — правом на вход в этот распределитель, в который и частник вносит свою долю.

Трудность послесталинской экономики не в конкуренции частника. Частник отлично поддается тактике закручивания и отпускания гаек. Труд-

ность в неудержимом общем развале, вызванном стихийным отказом населения работать на партийных хозяев.

Что это отказ не отдельных лиц, а именно всего населения, сказывается не только в фактах стихийных забастовок, называемых безобидно «вольниками». Эти факты — лишь крайнее выражение господствующего в угнетенных классах настроения, которое можно выразить антисоциалистическим лозунгом «кто не ест, работать не должен». Это настроение совершенно срывает колхозное производство, сказывается на промышленных планах и во весь рост ставит центральную проблему экономической политики партии после Сталина: как увязать личный интерес производителя с экономической монополией партии, план с рынком, многопроцентные наценки с реальной стоимостью, хищническую эксплуатацию народа со сносным жизненным уровнем.

Стихийное уклонение от работы, работа в полсилы везде, где не удастся создать так называемую личную заинтересованность трудящегося, при существующих условиях начинает уменьшать уже не столько долю народа, сколько долю государства в социальном продукте и заставляет партию, удерживая хозяйственную монополию, расплачиваться за нее уменьшением государственного дохода.

Конечно, пока политическая и административная монополия твердо в руках партийной олигархии, пока беспощадной партийной эксплуатации противостоит лишь стихийное нежелание населения работать даром, партия может надеяться, что даже при безобразно низкой производительности труда какое-то количество времени на государство работает не только индустриальный рабочий, но даже и несчастная колхозница. И какое-то, пусть даже пониженное количество продукта и в промышленности, и в сельском хозяйстве партия получит, а этого количества хватит и на хорошую жизнь для

господствующего класса и на ведение, пусть нерентабельного, но зато монополистического партийно-государственного хозяйства.

Оценивая советскую экономику, важно учитывать, что хозяйственное банкротство Советскому Союзу не угрожает. Это банкротство наступило уже при Сталине. Советское хозяйство уже давно хозяйство банкротов, но это не мешает ему существовать. Уклоняясь от работы на государство, прирабатывая направо и налево, шабашничая и торгуя по мелочишке, отворовывая у государства хоть часть производимой продукции, разводя индивидуальных коз и засаживая индивидуальные огороды, население несколько снижает процент государственной эксплуатации и ухитряется не сдохнуть с голоду. Отрабатывая же в колхозе какие-то трудодни, хотя бы только, чтобы не потерять дом и участок, даже самая нерадивая колхозница вносит свою долю зерна в так называемые закрома Родины.

Сталинская тактика колебаний производится, таким образом, в конечном счете, лишь между тем, сколько продукта законно и незаконно идет в пользу партии, а сколько так же законно и незаконно достается народу. Задача этой тактики простая: во-первых, удерживать частничество в границах, не угрожающих партийной монополии, т. е. не дающих возможности возникновения в стране опасного количества людей, материально независимых от государства, а, во-вторых, не допускать организационного оформления стихийного уклонения от работы, не давать этому уклонению возможности превратиться в сознательно организованную забастовку.

Глава 4

СОВЕТСКАЯ ЗНАТЬ

Привилегированный слой советского общества. — Декоративная политическая и деловая знать. — Ее функции. Ее настроения и требования. — Проблема стабильности положения и пополнения советской знати.

НОВЫЙ ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КЛАСС

Смерть Сталина и последовавший за ней отказ от «культа личности», введение коллективного руководства и ограничение полномочий органов террора коренным образом изменили положение верхнего слоя советского общества, который мы будем называть «советской знатью».

Доклад Хрущева о культе Сталина на закрытом заседании XX съезда КПСС подвел итог социальному сдвигу первых послесталинских лет. Он был демонстрацией воли первого секретаря ЦК к ограниченному распространению ограниченной свободы мнения за пределы руководящей верхушки. Засекреченность этого доклада означала, что даруемая собравшейся знати вольность отнюдь не должна распространяться на интеллигенцию и народ. Указание на преступный характер сталинского террора и квалификация ряда сталинских расправ, как нарушений советской законности были иносказательным обещанием не трогать партийную знать, оставив за ней все полученные при Сталине привилегии, доходы и власть над людьми.

В социальном плане это означало, что не только члены руководящей верхушки, но также и совет-

ской знати могут спать спокойно: отправка в концлагерь по заведому ложному обвинению им больше не грозит. Но это означало также, что в некотором круге вопросов знать получала право на собственное мнение, что пробитая в правящей олигархии брешь в системе активной несвободы в некоторой мере распространяется и на руководителей партии и на интеллектуальную элиту (объем этого «некоторый» не был и, совершенно очевидно, и не мог быть никак определен). Это означало, что неудачи и даже неправильное направление в работе, основанное на неверном толковании директив, отныне могло вести к смещению с должности и даже к выводу на пенсию, но уже больше не к потере имущества, связей и положения в обществе. Сталинскую власть, опирающуюся на всеобщий страх, Хрущев предложил заменить властью, основанной на взаимном доверии и взаимной поддержке. Своим докладом на закрытом заседании XX съезда он открыто стремился снискать популярность и поддержку советской знати и, пусть ненадолго, он получил ее.

При Хрущеве советская знать превратилась в то, во что она страстно желала и не могла превратиться при Сталине: в новый господствующий класс, стоящий у рычагов государственного устройства и материального благополучия, в носителя сначала хрущевской диктатуры, а затем брежневской олигархии. Властвующая партия и правительство стали его партией и его правительством.

Этот новый класс воспринимает сложившийся при Хрущеве общественный строй как свой политический строй, видит в России страну, которой он призван распоряжаться, и хотел бы увековечить существующие порядки. Он отнюдь не стремится вернуться к сталинщине, и реабилитация исторического значения личности И. В. Сталина не является в его глазах реабилитацией сталинизма. Он хочет сохранить то, что он приобрел при Сталине, но он хочет сохранить и то, что он приобрел при

Хрущеве. Он хочет сохранить принцип социализма, при котором его партийное государство является монопольным работодателем, распределяющим жизненные блага и односторонне устанавливающим размеры заработной платы, как единственного источника дохода. Но он хочет безнаказанно нарушать этот принцип там, где это диктуется ему обстановкой, в соответствии со своими личными и классовыми интересами. Он готов бороться за план, но он хочет иметь возможность планировать так, чтобы не рисковать все время головой за соучастие в реальной экономической жизни страны, направленной на то, чтобы «себе урвать побольше, а государству дать поменьше». Именно этот послесталинский строй люди нового класса называют «нашим социалистическим строем» и «нашей советской действительностью».

В социалистический характер этого строя действительность внесла существенные поправки. Новый господствующий класс отлично понимает, как был прав Ленин, утверждая, что сам по себе рабочий класс не способен подняться выше тредьюнионистской психологии и идеологии. Но он так же отлично понимает, что рабочий класс ничем не отличается от других слоев подвластного народа, к которому вполне в сталинской традиции, он относится как к чистейшему объекту властвования.

В пылу спора с одним из соавторов этой работы во время случайной встречи за рубежом советский дипломатический работник бросил по адресу новой эмиграции, отказавшейся вернуться на родину в 1945 году: «Все это были или трусы или предатели, а что их такое количество, то это понятно. Наш народ большой, больше других народов, и предателей у него больше, понятно».

В глазах воспитанной Сталиным политической знати, подвластный ей народ насквозь пронизан не только трусостью и предательством, но чуть ли не целиком состоит из людей, падких на буржуаз-

ную идеологию, готовых слушать заграничные радиопередачи и читать антиправительственную литературу. Народ думает о себе, а не о партии и государстве. Народу дай волю, так он сейчас же уйдет в личное стяжательство, тотчас же начнутся разговорчики и расшатывание основ социалистического строя, пропадут великие достижения. «Нашему народу необходимо еще показывать, что хорошо и что плохо. Сейчас наш народ никакой самостоятельной роли играть не может». Таковы порой даже высказываемые, а тем более не высказываемые убеждения новой советской элиты. В ее представлении, народ — аморфная масса, которой она призвана управлять. Люди, стоящие у власти, расценивают народ не как субъект свободы и права, но и не как объект благожелательной опеки. Как и при Сталине, они видят в народе, прежде всего, массу строптивых рабов. Это мироощущение укрепляется традиционным материализмом и инерцией диктатуры, но еще больше собственным положением в обществе, сохранение которого предполагает приниженное положение масс и ту или иную форму авторитарной власти.

Убеждение, что история решается наверху, сопровождается внутренним презрением к воспитательной работе, к агитации и пропаганде. Агитация нужна для психологического давления на народ, но и только. Все остальное «зависит от желания или нежелания той публики, которая договаривается наверху».

Свою ответственность за судьбы мира советский правящий слой сознает вполне. Но идея мировой революции больше не входит в его программу. Зато в нее входит идея коммунистической империи, не обязательно всемирной, но такой, в которой их господствующее положение было бы окончательно закреплено.

Патриотизм нового класса совершенно несомненен, но несомненен и классовый характер этого

патриотизма, совершенно лишённого народолюбия. Интересы и чаяния советского населения воспринимаются правящим слоем как нечто, мешающее величии коммунистической империи, как проявление эгоизма, несознательности и готовности разложиться и променять социалистическое первородство на чечевичную похлебку житейского благополучия. Само слово «народ» употребляется в этой среде большей частью псевдонимически. Когда партийный работник говорит вам, что «народ пятьдесят лет работал», или что «народ пятьдесят лет шел по коммунистическому пути», он имеет в виду сказать, что «мы, коммунисты, пятьдесят лет работали», «мы, коммунисты, пятьдесят лет вели народ по коммунистическому пути». А когда он говорит, что «вы работаете на врагов нашего народа», он хочет сказать, что «вы работаете против коммунистической партии, против нас и наших интересов». Коммунистический путь привел сталинскую знать к государственной власти, а Советский Союз сделал мировой державой. Это и есть в ее глазах те достижения, которые она призвана защищать.

«Подход с государственных позиций» в устах современного советского правящего слоя означает подход с позиций сложившегося в стране авторитарного государства, в благополучии которого они кровно заинтересованы и которое в его глазах является законным наследником как исторической России, так и сталинского тоталитаризма. Патриотизм этого слоя окрашен в классовые, шовинистические, эгоистические тона. Но он искренен и, несмотря на свою глубокую порочность, является, пожалуй, единственным связующим звеном между правящим слоем и народными массами. Он служит идейным стержнем существующего строя и оправдывает в глазах его защитников безобразное отношение к ценностям свободы и права, а равно и ряд политических действий, которые им самим вов-

се не кажутся благовидными, как, например, кровавую расправу над Венгрией, оккупацию Чехословакии или преследование инакомыслящих внутри страны.

Основой государственного строя в представлении во меньшей мере работников партии и государственного аппарата, составляющих идейное и организационное ядро господствующего класса, должна остаться однопартийная система с ее олигархическим возглавлением. Против допущения оппозиционных группировок выдвигаются аргументы, весьма напоминающие доводы Гитлера и Муссолини: многопартийность нарушает единство власти, ведет к ненужным спорам, интригам и проволочкам, разжигает групповые стремления. В государстве необходима сила, которая способна была бы одерживать верх над любыми частными интересами, и партия представляет собой такую силу. Многопартийность может быть и не так плоха для стран с устоявшейся демократической традицией, но у нас «народ не привык к оппозиции, и право на оппозицию будет воспринято нашим народом, что, значит, можно митинговать». «А если начнется митинговщина, то все цели, которые стоят сейчас, будут поставлены под угрозу, произойдет настоящая свалка, которая может кончиться гражданской войной. Гражданская же война ни в какой степени не выгодна нашему народу, а выгодна она лишь империалистам, которые только и ждут момента, чтобы напасть на нас, разгромить Советский Союз, разгромить Россию».

Поражает в правящем слое полнейшее равнодушие не только к мировой революции, о которой даже и разговор не поднимается, но и к коммунистической теории, используемой только фразеологически. Люди господствующего класса научились диалектике еще при Сталине и прекрасно понимают и технику, и цену теоретического обоснования и цитатного оснащения того или иного практически полезного или вредного утверждения. Не только в

физике и генетике, но и в любой области знания они готовы оправдать любую теорию, лишь бы она приводила к нужным, по их мнению, результатам. Пересмотр того или иного вероположения марксизма они по-прежнему охотно именуют диалектическим, творческим развитием марксизма-ленинизма, который, ведь, не есть догмат, но руководство к действию. Они многому научились от Ленина, но в них нет и следа ленинской страстности, ленинского фанатизма, ленинской готовности отстаивать принятую догму. Марксизм-ленинизм нужен им как средство торможения самостоятельной мысли, но сами они относятся к нему как римские царедворцы, воздававшие божеские почести императору, убийство которого было уже делом решенным. Хрущевский волюнтаризм и брежневский деловой настрой всего лишь проявления именно этого отношения к коммунистической науке.

Неудивительно поэтому, что лишь как розовый туман, как одежды голого короля, а, главное, как испытанный способ оглупления народа, сохраняется тонкий покров марксизма-ленинизма и безобидный культ Ильича с сусальным прищуром и сахаринным «идет... веселый, светится», сохраняются трескучие фразы и громкие лозунги, сохраняется большая часть сталинских мифов и фикций, функция которых, однако, в силу ослабления террористического начала, существенно деформируется...

Кроме того, господствующий класс не только не един внутренне, но раздирается непримиримым противоречием между политическими работниками партии и государственного аппарата, с одной стороны, и верхушкой интеллигенции, с другой. Ведущая роль принадлежит в настоящее время, конечно, политикам, и все вышесказанное относится именно к ним; но и другая, политически пока мало влиятельная часть советской элиты, творческая и техническая интеллигенция, уже начинает осознавать свои политические интересы и предъявлять требо-

вания, отнюдь не радующие их партийных товарищей... Но об этом позже. Рассмотрим сначала среду, из которой возник современный господствующий класс, — советскую знать при Сталине.

ПОНЯТИЕ ЗНАТИ ПРИ СТАЛИНЕ

Сталин дал своей знати ряд немаловажных привилегий, а отдельным ее представителям и большую власть над людьми. Но к решению принципиальных политических вопросов эта знать никогда и ни в какой форме не допускалась. С ее чаяниями и интересами Сталин не считался, да и не мог считаться. На его политические целепостановки знать не оказывала ни малейшего влияния. Положение ее в стране не было гарантировано ничем. Каждый, ныне знатный советский вельможа, мог завтра оказаться врагом народа. Стремления и чаяния знати не были стремлениями и чаяниями Сталина.

Советская знать, как и весь остальной советский народ, была лишь орудием в его руках, но сам Сталин ни в какой мере не был ни орудием в руках советской знати, ни выразителем ее воли.

Разница между знатью и остальным населением заключалась в том, что знать служила сталинской власти *поневоле*, тогда как остальной народ *против воли*. В условиях сталинского владычества разница эта была существенна и только она могла позволить иногда называть советскую знать в определенном и очень узком смысле социальной опорой сталинской власти.

Впрочем, советская знать во всех ее видах и сегодня еще есть явление складывающееся и не сформировавшееся окончательно. Состав ее, как мы увидим, неоднороден, а в ее положении есть противоречия, вряд ли устранимые.

Само понятие «советской знати» было создано первоначально лишь для того, чтобы поднять зна-

чение низового производственного актива. В своем стремлении максимально повысить производительность труда — в советском понимании этого слова — нужно было выделить из рабочих особую группу, на которую власть могла бы опираться. Группа эта и была создана в течение первой пятилетки в лице всевозможных ударников и передовиков социалистического производства. Впоследствии эти люди получили эпитет «знатных».

По замыслу власти они должны были отличаться от остальной массы рядом свойств, делающих их образцом советского человека, а именно:

1. заслугами в области производства,
2. материальным положением, значительно более благоприятным, чем положение остальной массы,
3. повышенной политической благонадежностью (преданностью делу Ленина-Сталина по официальной терминологии),
4. уважением и почетом (пусть совершенно фиктивным) со стороны своего коллектива и населения,
5. некоторой очень относительной устойчивостью положения в обществе.

Термин «знатные люди» был позднее распространен на всех, кто, вследствие услуг, оказываемых власти, был ею отмечен, награжден и так или иначе выдвинут в передние ряды советского общества.

Развитие привилегированного социального строя шло параллельно распространению термина «знать». По мере того, как эпитет «знатный» стал применяться не только к стахановцам, но и к генералитету, профессуре, крупным хозяйственникам и администраторам, видным деятелям социалистической культуры, в СССР образовался особый социальный слой, слой советской знати, резко бросающийся в глаза каждому наблюдателю и уже при Сталине занявший командные высоты советской жизни.

Первоначально знатные люди Советского Союза — это выслужившиеся активисты, сначала от станка и сохи, а затем от науки, искусства, хозяйства, партии, комсомола, от всех областей советской жизни, включая и органы государственной безопасности. По сталинскому замыслу, знать должна была быть только *верхним слоем актива*. Этот замысел формально действителен и сейчас, и то, что обстоятельства заставили власть принять в состав знати людей, либо никогда не проявлявших активности, либо подменяющих ее бюрократическим управлением, или какими-либо иными заслугами, делает понятие советской знати заведомо многосмысленным, ибо оно вынуждено объединять в себе различные категории людей, не только различного социального происхождения, но различных политических и социальных функций.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ФУНКЦИИ ЗНАТИ

Сталин по-своему очень заботился о своих знатных людях, и расходы на них, если учесть крайнюю скарредность советской власти, следует признать значительными. Месячный заработок знатного стахановца или крупного советского функционера уже при нем превышал нередко в десять раз заработок рядового рабочего. Стахановец точно так же, как и директор предприятия и любое иное высокопоставленное лицо, получал премии и имел различные недоступные простому советскому гражданину источники (в том числе незаконные) дополнительного дохода, или экономии. Советская знать уже при Сталине расселилась в комфортабельных квартирах, раззнакомилась с жакетами и равнодушно смотрела на общежития, бараки и землянки.

(К ее услугам в свое время был создан так называемый ФОН — факультет особого назначения —

своеобразное культурно-просветительное мероприятие советской власти. Это преподавание учебных предметов среднего и высшего учебного заведения знатым людям на дому, куда к ним обязаны были ездить учителя и профессора. Такая индивидуализация преподавания была неизбежна, вследствие чрезвычайной пестроты в образовательной подготовке знатных людей. Эта система, разумеется, связана с величайшим неуважением к профессуре, с временем и рабочей нагрузкой которой при этом совершенно не считались. Конечно, начальство не забывало при каждом удобном случае напомнить обучаемому, какой беспредельной заботой он окружен со стороны партии и правительства и что он обязан отблагодарить их новыми производственными подвигами.)

После Сталина материальное положение советской знати еще улучшилось, причем значительно. Наряду с заботой об ее материальном обеспечении со стороны партии и правительства, выделяющей ей львиную долю социалистического вознаграждения по труду, у новой знати немало побочных источников дохода и немало возможностей приобретения благ с помощью экономического подполья, о котором мы говорили выше.

Привилегированный класс ныне может достать в Советском Союзе все, что ему захочется. Любой шабашник любого масштаба всегда к услугам новых хозяев. Предприимчивые грузины возят им в Москву клубнику из Грузии на собственных автомашинах. Из Риги, а то и из Финляндии с помощью оборотистых снабженцев им доставляется стильная мебель, а, если угодно, то и антикварные вещи. Из заграничных поездок они возвращаются с туго набитыми чемоданами, следующими за ними багажом. Не доставляя владельцу особых хлопот с таможенным досмотром.

В 1961 году советским судом слушалось нашумевшее дело своеобразного частного банкира Рокото-

ва, который широко развернул валютные операции, имел целую сеть агентов по сбыту и покупке валюты, в том числе летчиков гражданского воздушного флота, доставлявших ему эту валюту из-за границы.

Оценить частные состояния отдельных представителей современной советской знати, конечно, нельзя, но им есть, на что жить и есть, что оставить детям. И когда кто-либо из носителей режима, член партии, занимающий хорошее положение в советском аппарате, заявляет эмигранту «нам есть, что защищать!» — он говорит вполне искренне. Он защищает свое общественное положение, свою квартиру в Москве, свою дачу под Москвой, свою автомашину марки «Победа» (или другой не худшей, хоть и менее символической марки), свой рабочий кабинет с полированным столом и мраморным чернильным прибором, свою жизнь большого сановника, барина, свое положение человека с весом, с голосом, с властью.

Вокруг руководящего ядра КПСС, Политбюро, Секретариата и Центрального Комитета расположился круг номенклатурных работников. Вокруг номенклатуры ЦК — работники районного масштаба, вокруг них — начинающие служители диктатуры, парторги, комсорги и прочая мелкая братия. Вокруг КПСС — слой нужных власти людей, хозяйственные руководители, ученые, писатели, артисты, готовые считаться с руководящими указаниями, ученые, исследования которых нужны, инженеры, без которых не обойтись, словом, верхушка интеллигенции. Как и работникам аппарата, партия не может отказать этой верхушке ни в жалованье, ни в гонорарах, ни даже в заграничных поездках.

Эта советская знать, этот новый класс ставит своему правительству задачу закрепить завоевания Октября. Новая программа КПСС, развернутое строительство коммунизма должно закрепить сложив-

шуюся сейчас структуру советского общества. Недаром на вопрос «будут ли деньги при коммунизме?» популярный анекдот отвечает «у одних будут, у других нет, всем по разумным потребностям».

По первоначальному замыслу, слой знатных людей должен был нести на себе три основных функции, а именно:

1. Служить образцом трудового энтузиазма и психологии советского человека, свободного от пережитков капитализма в сознании и гордого своей принадлежностью к великому советскому народу и своим участием в социалистическом строительстве. Одновременно, знать должна являть собою образец зажиточных и счастливых людей, на примере которых иллюстрируется фикция зажиточной жизни в СССР.

2. Подтягивать отстающих до уровня передовых, т. е. обеспечивать выполнение и перевыполнение планов, или, иначе говоря, технически осуществлять беспощадную эксплуатацию всего населения страны.

3. Руководить той или иной отраслью государственной, хозяйственной или культурной деятельности в строгом соответствии с установками и заданиями партии и правительства.

Замысел этот уже сталинскому руководству удалось осуществить, однако, только отчасти. Поправочная, нарушающая все принципы социализма вторая система хозяйствования, вместе с деятелями этой системы, наметилась уже при Сталине. С нею в жизнь сталинской знати вошло комбинаторство, коррупция, работа по принципу «мы — вам, вы — нам» и все знакомые нам по предыдущей главе преступления, за которые, однако, в то время могла последовать жестокая кара. Трудно сказать, в каких случаях и в какой мере хозяйственные и административные нарушения были причиной падения того или иного знатного человека при Ста-

знати, ибо нередко они служили лишь поводом для репрессий, основанных на чисто политических соображениях. Но несмотря на связанный с этим риск, знатные люди (как, впрочем, и остальные граждане) уже тогда жили отнюдь не только вознаграждением, которое давала им власть, и уже тогда стремились эксплуатировать свое привилегированное положение, отлично понимая, что если материальная честность уменьшает опасность заслуженного наказания, то от незаслуженных, диктуемых политикой репрессий у них все равно нет и не может быть ни малейших гарантий.

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ЗНАТИ

Естественно, что для успешного выполнения своих функций слой знатных людей должен обладать известной социальной устойчивостью. Чересчур быстрая и полная смена состава такого слоя приводит его к невозможности отправлять свои функции. Кроме того, это неизбежно ведет к отсутствию преемственности и невозможности накопления традиций. Все это грозит значительным, если не полным, обесцениванием самой идеи привилегирования.

Стремительное мелькание кинематографических кадров мало имеет общего с этой идеей, и если знатный человек является не более, как кандидатом на звание врага народа, а ордена и премии — только этап на пути в концлагерь, то его роль в жизни страны существенно деформируется. Как обстоит в этом отношении со знатными людьми в СССР?

Несомненно, руководители сталинизма уже при Сталине чувствовали потребность в создании устойчивого руководящего слоя. Но Сталин по-видимому ясно сознавал опасности, связанные с его образованием, и одной рукой создавая этот слой, дру-

гой сам же его разрушал. На пути к образованию в СССР устойчивой аристократии лежало:

1. Ревнивое отношение Сталина и его ближайших соратников к своей власти, принципиальная невозможность разделять ее с кем бы то ни было и вытекающая отсюда подозрительность, с которой сталинцы относятся как друг к другу, так и к исполнителям своих велений. Советская знать, а в особенности знать политическая, как умела приспособилась к этой подозрительности, но заслужить подлинное доверие верхушки она не могла, ибо само понятие доверия было для Сталина фикцией.

2. Чрезвычайно бурный, если хотите, катастрофический темп развития советской жизни, когда одно поколение проходило через несколько эпох. Нужные на данном этапе знатные люди оказывались неприспособленными к следующему и гибли вследствие этой своей неприспособленности.

3. Исключительные трудности в разрешении тех заданий, которые тот или иной знатный человек получал от партии и правительства. Трудности эти заставляли знатного человека, как и рядового советского гражданина, в большей или меньшей степени сознательно обманывать власть. Немало знатных людей погибло жертвами этой системы обманов.

4. Резкие повороты в советской политике и зашифрованная форма, в которой власть сообщает о своих желаниях. Люди, отнюдь не лишённые специфического советского чутья, — знатные и незнатные — тем не менее, допускали ошибки и при Сталине гибли, не угадав желания руководства, в результате уклонов, загибов, самоуспокоенности или головокружения от успехов.

Ныне бесславная гибель в концлагере уже не грозит знатному человеку. Советская знать превратилась в привилегированный господствующий класс, и устойчивость социального положения стала одной

из важнейших его привилегий. Люди этого класса стали хозяевами советской жизни и осуществляют идейное, экономическое и политическое господство над бесправными массами трудящихся. Они пользуются властью и распоряжаются всеми богатствами страны, угнетают народ именем народа, контролируют все стороны его жизни и наделяют себя правами и привилегиями, источником которых является власть. Они закрепляют свое господствующее положение в законах, уставных нормах и административных традициях.

Одна из важнейших норм, гарантирующая устойчивость положения современного крупного советского или партийного работника, это положение о номенклатурных работниках ЦК КПСС и ЦК союзных республик. Кто однажды попал в списки руководящих кадров, утверждаемых ЦК, тот не может быть снят с работы и передвинут с места на место без его ведома. При Сталине состояние в этих списках, разумеется, никого ни от чего не гарантировало, да и объем их был относительно невелик. При Хрущеве номенклатурные кадры стали практически неприкосновенными, а списки были быстро расширены, охватив уже значительную массу работников среднего звена, включая директоров предприятий общесоюзного значения и даже отдельных директоров совхозов или колхозов-миллионеров.

Второй немалой гарантией было возвращение к ленинской норме, согласно которой КГБ потеряло право арестовывать членов партии, а тем более руководящий кадр без ведома партийных комитетов. Уполномоченный КГБ периодически докладывает комитетам партии о своей деятельности и поддерживает с ними постоянную связь. Точно так же и прокурор не может теперь дать санкцию на арест или возбудить уголовное дело против члена партии без согласия того комитета партии, в списках которого состоит привлекаемый к ответственности.

Положение знати стало не только фактически вполне устойчивым, но закрепляется и юридическими нормами.

КАТЕГОРИИ ЗНАТИ

Продвигая и награждая своих знатных людей, советская власть довольно отчетливо обнаружила тенденцию к проведению принципа ранга.

Степени знатности советского человека суть всегда комбинации занимаемого положения и полученных наградений — Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской (государственной, Ленинской) премии (дважды, трижды лауреат), орденосец (дважды, трижды орденосец), занесенный в книгу почета, занесенный на доску Почета и т. д. Вышперечисленные наименования представляют собой официальные звания, пожалованные властью в официальном порядке. В них имеется иерархический принцип, но до конца он не выдержан: например, лауреат Сталинской премии может быть в одно и то же время Героем Советского Союза или Социалистического Труда.

Официально советская знать не делится ни на какие категории, но в ней тем не менее легко рассмотреть три группы, различные и по своему характеру и по своим функциям, но равно являющиеся материалом, из которого сталинская власть строила себе опору. Говоря о советской знати, нужно различать:

1. знать декоративную, смыкающуюся в своем нижнем слое с доярками и стахановцами,

2. знать политическую, с примыкающей к ней партийной бюрократией и

3. знать деловую, с примыкающим к ней верхним слоем интеллигенции.

Декоративная знать. Происхождение декоративной знати ясно из вышесказанного. Первоначальный замысел о знати воплощен здесь наиболее полно. Декоративная знать — это добрая половина депутатов Верховного совета и нижестоящих представительных учреждений, Герои Советского Союза и Социалистического Труда, получившие эти звания за акты личного мужества или стахановские рекорды, отдельные герои войны, своеобразная элита, подобранная по принципу декоративных заслуг, представительной внешности и предполагаемой верности власти. К этой категории надо отнести и некоторые крупные имена, как, например, Калинина или Буденного.

Здесь до сих пор царят абсолютно несамостоятельные, но сугубо советские настроения. Власть вознесла этих людей более или менее случайно и нуждается в них, главным образом, для пропаганды. Живется им хорошо и при всякой другой власти будет житься хуже, так как культурный и деловой их уровень обычно низок. Они это понимают и охотно помогают власти в создании столь необходимого ей мира иллюзий, о которых мы уже говорили. Если у них и есть сомнения в правильности политического курса, который они представляют, то эти сомнения лежат глубоко в тайниках души и не только нигде не высказываются, но даже и не осознаются. *Это элита не мыслящая и боящаяся мыслить.* Сущности сталинизма она не понимает. Она не может считаться особенно устойчивой опорой власти, хотя, повторяем, как правило, настроена к ней не только лояльно, но и очень сочувственно.

Несмотря на все благоволение к ним власти, люди этой категории чувствуют себя неустойчиво. Некоторые из них знают, что их возвышение основано на пропагандных соображениях и что каждый из них в любой момент может быть заменен другой, вполне подобной ему, фигурой. Поэтому они бояз-

ливы и способны лишь к незначительным, чисто исполнительским ролям. Они больше, чем кто-либо в СССР, верят официальной пропаганде и охотно повторяют выбрасываемые ею лозунги.

Это, пожалуй, единственный слой населения СССР, сознание которого и до сих пор заполнено почти целиком исповеданием мифов и фикций. Уровень советской жизни кажется им намного выше, чем он есть на самом деле, а газетные статьи, особенно направленные против империалистов и проводимой ими идеологической диверсии, оставляют глубокое впечатление.

Если верхний слой политической знати после смерти Сталина сумел взять в свои руки власть, то представители декоративной знати не сыграли в этом никакой роли. Ни малейшей реальной властью они не обладали и не обладают. В глазах действительных властителей советской страны они существуют для того, чтобы заполнять учреждения и места, нужные не для реальных задач, а во имя фикций. На них именно лежит иллюзия знатности, и они должны блюсти эту иллюзию. Они являются, прежде всего, гарантией того, что сидящие с ними рядом представители политической и деловой знати не смогут втянуть представительные учреждения СССР в сферу реальной политики. Они — то непременное большинство, которое заставляет голосовать «за» всех остальных простым фактом своего заранее predeterminedого большинства. Сталин не слишком высоко расценивал и без церемонии освежал состав этой знати, убирая в небытие засидевшихся в ней представителей и заменяя их новыми.

Сама группа декоративной знати, однако, как при нем, так и после него представляет собой конститутивный элемент советского общества. Она социальный носитель мира мифов и фикций. Ее основная функция — демонстрировать фикцию советского человека, с его счастливой и зажиточной жизнью,

трудовым энтузиазмом, преданностью партии и правительству и всеми прочими атрибутами его иллюзорного бытия.

Политическая знать. Люди, входящие в эту категорию, выдвинулись благодаря своим политическим заслугам перед властью. Они почти сплошь политические выдвигенцы, старые или новые члены партии или, в случае молодости, комсомола. Среди них все еще немало людей не только малокультурных, но и плохо разбирающихся в технике того дела, которое им поручено. Они выдвигаются из актива по партийно-политическому признаку и руководствуются в работе исключительно политическими соображениями, строя свою карьеру на том, чтобы *как можно лучше угодить власти.*

В противоположность декоративной знати, они обладают достаточным здравым смыслом и по своему ценными деловыми качествами: способностью быстро ориентироваться в политической обстановке (в советском смысле, конечно) и умением быстро организовать любое дело на основе напористости, исполнительской ретивости и полного равнодушия к расходам и жертвам. Они никогда не задумываются над вопросом, стоит ли то, или иное дело затрачиваемых на него сил и средств. Если оно угодно власти, оно будет ими сделано, без оглядки на его объективную целесообразность.

Тем не менее, они далеко не всегда настоящие сталинцы: они большей частью *фактопоклонники*, а не служители власти как высшей ценности. Уже они *поклоняются не столько идее, сколько факту властвования.* Они служат делу коммунизма недобросовестно, ибо совесть ни в какой мере не руководит их поведением, но тем не менее отдаются ему всецело. Они как бы загипнотизированы простым фактом существования власти.

Эти люди, обладающие волчьей хваткой и железными нервами, представляли для сталинской

власти огромную ценность и пользовались большими привилегиями. В сталинской технике властвования эта группа играла огромную, едва ли не решающую роль. Она возглавляет и венчает собой актив, из нее, и только из нее пополняется руководящая верхушка.

Людей, способных пойти на жертвы ради каких бы то ни было идеалов, в этой среде, по-видимому, нет. Она предана советской власти, главным образом, в силу своего принципиального фактопоклонства. Чувства коллегиальности к себе подобным, взаимной выручки, а тем более сплоченности здесь не встречаются. При Сталине здесь царило правило: «падающего толкни», и каждый стремился в порядке большевистской самокритики отмежеваться и заклеить своего вчерашнего товарища, если он попал почему-либо в немилость. Каждый из этих людей и из страха, и из личной выгоды был твердой опорой сталинской власти. В своей верности власти члены политической знати были монолитно едины. В своих недовольствах ею каждый из них был одинок и не представлял поэтому опасности.

Обстановка полнейшей зависимости от власти и глубочайшее фактопоклонство расшатали мораль сталинской политической знати. По существу люди этой категории — это эгоисты чистейшей воды, озабоченные исключительно личной карьерой и личным благополучием. Немудрено поэтому, что коррупция, совершенно незначительная в СССР до закрепления власти Сталина, с середины тридцатых годов начала развиваться и захватывать все более широкие круги. Блат и стихийное непризнание фиктивных норм партийной морали снизу встретились с хищничеством и коррупцией сверху. После войны этот процесс вышел на поверхность и бросается в глаза даже самому поверхностному наблюдателю. Попойки в своем кругу, распоряжение государственной собственностью, как своею, лакейское отношение к начальству и хамское к подчи-

ненным, обеспечение себе и своим всяческих житейских благ, соучастие в темных махинациях с темными людьми — бытовое явление в среде политической знати.

Разумеется, уже и при Сталине какой-то вполне реальный процент этих людей репрессировался в результате вполне обоснованных судебных преследований. Но та текучесть состава советской знати, о которой мы говорили выше, имела в своей основе, конечно, не уголовщину. Сталин мог смотреть и смотрел сквозь пальцы на любую коррупцию и не шел дальше отеческих внушений, если считал данного работника нужным для себя, хотя бы на данном этапе. Совершенно реальные преступления в среде знати и сейчас могут быть использованы большей частью как поводы, но не как причины для возбуждения уголовного преследования. И каждый знатный советский человек это знает и боязнь правосудия не удерживает его от коррупции.

Люди из категории политической знати обладают чрезвычайно острым, хотя часто совершенно не осознанным, пониманием сущности сталинизма, обладают классовым или партийным чутьем и всегда умеют правильно оценить политическую выгоду. Посмотреть на сталинизм извне (а без этого невозможно окончательное осознание его сущности) они, однако, по большей части не способны. Они сравнительно мало подвержены гипнозу пропагандных мифов, в распространении которых многие принимают деятельное участие. Они охотно подчиняются своим начальникам и стремятся угадать и выполнить их малейшее желание, требуя такого же отношения к себе от своих подчиненных. Они не ценят ни чужой, ни своей свободы, они даже не представляют себе реально ее возможности и являются поэтому надежной опорой диктатуры. Они, как показывает их реакция на кампанию борьбы с культом, в своем роде даже эмоционально привязаны к сталинщине, что, однако, вероятно не помешает им

подчиниться любой другой власти и выполнять по ее приказам любые другие задачи, постоянно критикуя и браня ее лишь за отсутствие твердости.

Значение политической знати в сталинской системе властвования огромно. Оно далеко превосходит значение всех остальных социальных групп и, в частности, значение только что описанной нами декоративной знати. Ведь *политическая знать* — это *руководящий кадр сталинского аппарата властвования*, пусть равнодушный к коммунистической идее, но вполне достаточно надежный и дееспособный.

а. *Аппаратчики*. Большинство политической знати — это так называемые «аппаратчики» крупного и среднего масштаба, неприметно смыкающиеся с низовыми работниками органов властвования. И хотя, конечно, отнюдь не все работники огромного бюрократического аппарата СССР могут рассматриваться как знатные люди, но функции, которые они несут в советском обществе, стиль их работы, психологические свойства и, что самое главное, отношение к ним власти делает их по существу нижним слоем политической знати. Принципиальной грани между ними и политической знатью вообще нет. Аппаратчик высокого ранга — это, несомненно, знатный человек; мелкий низовой работник аппарата — это уже простой советский служащий. Но и тот, и другой, работая в аппарате, служат технической опорой советской власти, тем более существенной, что переход от диктатуры идейно-партийной, через диктатуру технически-партийную, к диктатуре, опирающейся на аппараты политической полиции, вполне бюрократизированной партии и государственной администрации завершился уже перед войной, заменив идеократию Ленина и Троцкого бюрократией сталинского и послесталинского периода.

Время, когда взаимоотношения между партией и государственным аппаратом определялись недо-

рием первой ко второму, давно прошло. В современной советской жизни «спец» уже давно не противостоит «комиссару». Дуализм партии и административного аппарата в тридцатых годах был изжит очень своеобразным способом: *партия сама превратилась в жестко централизованный и совершенно безыдейный аппарат.*

Роль людей, лишь формально партийных, т. е. обладающих партийными билетами и подчиненных партийной дисциплине, но вполне равнодушных к партийной идеологии, чрезвычайно возросла. За тридцатые годы воспиталось и некоторое число людей, получивших достаточное образование, чтобы совмещать в себе качества «спеца» с качествами «комиссара». С другой стороны, к политическому работнику уже с начала тридцатых годов стало так же, как и ко всякому советскому гражданину, предъявляться только одно требование: безусловной преданности генеральной линии партии. От былого противопоставления партии государственному аппарату не осталось ровно ничего; и там и здесь оказались одни и те же люди, вышедшие из одной и той же сталинской школы. И те и другие обладают необходимыми для своего дела навыками, и те и другие получают сверху однотипные, большинству из них наперед известные инструкции, предписывающие им определенные, хорошо знакомые действия. Партийная работа стала такой же специальностью, как и всякая иная.

Сталинская партия перестала быть идейной, а потому особо надежной опорой советской власти. Сталинская власть предпочла опереться на весь морально-политически единый советский народ, или (в переводе с языка фикций) на применяемый в равной степени ко всему народу аппарат принуждения, в составе которого мог быть использован любой гражданин, совершенно независимо от его взглядов и настроений.

(Три параллельных аппарата властвования, аппарат партии, аппарат государства и аппарат органов террора, особенно в своих руководящих звеньях, были отстроены, в результате, из одного и того же человеческого материала. Раздельное ведение, а иногда и конкуренция этих трех аппаратов составляли весьма важную характеристику сталинской техники властвования. Оно обеспечивало постоянный и эффективный контроль, решающим звеном которого были, однако, органы террора).

Советские партийно-политические, да и просто административные работники — это отнюдь не чиновники в классическом смысле этого слова. В Советском Союзе вообще нет социальной группы, находящейся на положении чиновничества, т. е. состоящей на постоянной, в идеале пожизненной, службе в особо определенных учреждениях, несущих государственно важные функции, хотя бы потому, что советские граждане все поголовно работают на партийное государство. Советская власть тотчас же после революции отменила чины, и возрождение их сначала в армии, а затем в ряде министерств не коснулось аппарата партии и советов. Положение партийного аппаратчика при Сталине было в высшей степени неустойчивым. Выслуга лет и пенсия (иногда преждевременная) замаячили в конце его жизненного пути только при Хрущеве. Но в своей деятельности он и теперь не является блюстителем закона, соблюдение которого гарантировало бы его от жизненных бурь. Как при Сталине, так и теперь он служит не закону и даже не государству, а тому, что при Сталине называлось «делом Ленина-Сталина», а теперь называется «строительством коммунистического общества». Единственный закон для него — генеральная линия партии. Линию же эту и обращение с нею надо угадывать чутьем, вычитывать как раз не в строках, а «между строк» непрерывного потока директив и распоряжений, вникая в эзотерический смысл формулировок. В проведении ее надо

отчитываться не пунктами и параграфами, а успехом (иногда реальным, иногда очковтирательским). Советский аппаратчик несет полную ответственность за выполнение спускаемых ему директив (в этом он вполне подобен дореволюционному чиновнику), но если эти директивы окажутся практически вредными, то его могут наказать за это же самое выполнение. Знаменитое «головокружение от успехов» в марте 1930 года — первое и классическое тому доказательство.

Советская политическая знать, ответственные работники аппарата партии, а отчасти и государственного управления представляют собой огромное бюрократическое сословие, в руках которого находится администрирование советской жизни. Это, прежде всего, работники всевозможных «...комов» и управлений, барахтающихся в бурном море циркуляров, директив, планов и форм отчетности, и, с одной стороны, усиленно вздымающие волны этого моря, с другой — спасающие рядового советского обывателя от окончательного затопления.

Аппаратчики в провинции (самая жизнь в центрах Советского Союза есть уже привилегия), конечно, далеко не пользуются благами, которые имеет верхний слой знати, но живут все же гораздо лучше трудящихся масс и чувствуют себя хозяевами страны. По отношению к советской интеллигенции и массе, они безусловно, знать, безусловно, люди привилегированные. Власть опирается на них и компенсирует их за это. Они накрепко срослись с советской системой, являются ее становым хребтом, умеют работать только по-сталински и знают это. Они интересуются политикой и по-советски политически подкованы, т. е. знают на память несколько мест из Ленина (а прежде — Сталина), реже из Маркса, в свое время изучали «Краткий курс истории ВКП(б)» (большинство застряло на 4-ой главе), а ныне знакомы с программой и уставом КПСС и решениями последнего Пленума ЦК. Весь этот багаж

не делает их идейными коммунистами, но дает возможность обосновать очередные мероприятия и сделать оргвыводы в плане очередной кампании. Знакомство с коммунистической доктриной для них житейская необходимость, ничего общего не имеющая с удовлетворением их духовных запросов. Они исповедуют ее ровно настолько, насколько это нужно, чтобы уметь выразить свою мысль на языке фикций и штампов. Коррупция, о которой мы уже говорили выше, в их среде развита чрезвычайно, и слова произносятся ими, либо чтобы сделать ненужными мысли, либо чтобы оформить какой-нибудь, по существу, антигосударственный акт.

В органах политической власти и при Сталине, и сейчас работают по готовым директивам. Задача здесь только одна: провести в жизнь полученную директиву. Здесь царствует бюрократия, отличающаяся от классического чиновничества тем, что советскому аппаратчику предоставляется право и обязанность измыслить способ усиления и ускорения заключенных в директиве требований, а если нужно, то в опоре на актив изобрести и новые способы давления на окружающие людские массы в целях вызвать очередной приступ энтузиазма и, путем дополнительной нагрузки, обеспечить выполнение, а по возможности и перевыполнение полученного задания.

Несмотря на то, что аппарат управления страной это и есть советская власть и что люди, его составляющие, рассматриваются населением и сами себя чувствуют представителями власти, сталинские «аппаратчики» были лишены политического голоса совершенно так же, как и все остальное население, и приобрели политический вес и влияние только после смерти Сталина. При Сталине страх перед органами террора довлел над ними не меньше, хоть и не больше, чем над другими гражданами.

Тем не менее, уже при Сталине они работали, если и не за совесть, то и не только за страх. Они

просто не могут иначе. У них нет ничего, что они могли бы противопоставить власти — они зависят от нее целиком, и материально, и духовно. И не внутренняя преданность, а полнейшая внешняя зависимость делает их покорным орудием и опорой любого начальства, носителями начала активной несвободы, даже и после смерти Сталина.

б. П а р т р а б о т н и к и. Наиболее характерна для советской политической знати группа так называемых «партработников», т. е. работников аппарата партии. Именно здесь выработался тип партийного бюрократа по специальности, выученика Сталина в полном смысле этого слова. Из наиболее активных и наиболее талантливых представителей этой среды, и только из них, и до настоящего времени пополняется руководящая верхушка.

Работники партийного аппарата отличаются друг от друга только по масштабам. Стиль и приемы работы по существу одинаковы и в колхозной парторганизации и в ЦК республиканской компартии.

Кабинет почти всякого партийного работника (недоступный, правда, секретарям мелких парторганизаций, но появляющийся уже на крупных предприятиях и имеющийся во всяком случае, в каждом райкоме) меблирован всегда по одному образцу с неизменным (обычно длинным) столом для конференций, покрытым красным или зеленым сукном, с графином воды и стаканом на нем, с голым письменным столом, на котором стоит массивный, и по своей массивности соответствующий важности данной парторганизации и знатности ее секретаря, письменный прибор с двумя чернильницами и висящим над ним портретом генерального секретаря ЦК, с повешенными в *pendant* к генеральному секретарю соответствующими данной местности или данной отрасли производства портретами менее значительных вождей.

Несмотря на попытки ввести новый тип высококультурного партработника-джентльмена, прием

посетителей происходит под знаком подчеркнуто грубоватых (единственный оставшийся пролетаризм), стереотипных фраз, наполненных специфическими, чрезвычайно выразительными и в то же время ничего не говорящими оборотами речи, вроде «создать обстановку», «взять на буксир», «обеспечить условия», «пристально следить» и т. п. Всякие переговоры и действия имеют всегда две стороны: внешнюю трескуче-официальную, в которой ни с чем не соразмерные похвалы и лесть перемежаются с безобразнейшими нападками, нередко совершенно клеветническими, и внутреннюю, касающуюся существа дела. В этом внутреннем взаимопонимании партработники проявляют изумительное понимание своего положения и умение понять друг друга с самого незначительного намека. Это — мастера большевистской фразеологии, вероятно, ничуть не меньшие, чем их кремлевские владыки. Их разговоры между собой даже за рюмкой водки ведутся так, что неискушенный в местных делах и взаимоотношениях наблюдатель непременно должен посчитать их за идейнейших и жертвеннейших коммунистов, в то время как самим им совершенно ясно, — хотя ни один из них не мог бы доказать этого ни одним произнесенным словом или совершенным действием, — что не только они, но и вообще решительно никто во всем Советском Союзе не принимает за чистую монету решительно ничего из того, что здесь говорится, что настоящая жизнь не имеет решительно ничего общего с официальным ее описанием, что только в интересах строжайшего этикета источается трескучее пустословие, в то время как думать и делать надо совсем другое — то, о чем никогда не говорится и так, как об этом никогда не говорят.

Читая газету, а тем более очередные директивы, аппаратчик умеет сделать из прочитанного вполне закономерные и совершенно ясные выводы, о которых он умеет дать понять всем тем, кому надлежит дать понять. Он умеет особым, специально натрени-

рованным чутьем различить, где именно проходит генеральная линия партии и какие именно фикции следует применить в данных условиях.

При Сталине его тактика руководилась обычно стремлением сделать по возможности так, чтобы и «волки были сыты, и овцы целы», создавая при этом лично для себя максимально благоприятные условия существования. В ходе так называемой борьбы с культом это переменялось: «овцы» сами начали качать права и проявлять непокорность. Решения XX съезда стали толковаться расширительно: возвращение к ленинским нормам внутрипартийной демократии стало рассматриваться просто как демократизация и беспартийные начали претендовать на вольности, которые XX съезд даровал партийно-политической знати. Работникам партийного аппарата пришлось встать на защиту руководящей роли партии, в прямой зависимости от которой оказались приобретенные при Сталине привилегии и полученные при Хрущеве права и вольности. Эта защита ведется с позиций восстановления исторической правды о личности И. В. Сталина и сохранения сталинизма как метода властвования над беспартийной массой. Эта позиция получила название «догматической». В партийном аппарате и в органах государственной безопасности она была очень сильна уже при Хрущеве и стала господствующей при Брежневле. Именно здесь люди готовы грудью стоять за коммунистическую правду века, а, в переводе на человеческий язык, отстаивать неприкосновенность сталинской системы мифов и фикций, без которой им попросту невозможно работать.

Работники партийного аппарата — от секретаря комсомольской ячейки небольшого завода и до секретаря обкома или крайкома — это люди, не только умеющие проводить организационную и агитационную работу в массах за партийные лозунги и решения и мобилизовать их на выполнение производственного плана. Нет, — это люди, умеющие, прежде

всего, требовать от подчиненных выполнения полученных ими директив так же властно, как этого требуют от них вышестоящие органы. В подавляющем большинстве они связаны с политической полицией, являются ее глазами и ушами и, хоть боятся ее не менее всех остальных советских граждан, гораздо лучше их осведомлены о характере и размерах ее работы и умеют привлечь ее на помощь там, где им это кажется целесообразным.

После сказанного нет смысла останавливаться на других сферах деятельности политической знати. Представители ее руководят политработой в армии, всеми видами политического образования, занимают практически все командные высоты в советском государственном управлении, хозяйстве и культуре. Они же поставляют кадры для работы советских органов за границей и для руководства службой государственной безопасности. И как бы ни были различны обязанности и должности, занимаемые политической знатью, они суть всегда и в первую очередь обязанности *политические*. Замещающие эти должности люди составляют политический кадр сталинизма. Они ответственны за проведение в жизнь требований руководящей верхушки. Работа их на самых различных должностях, по существу, остается одной и той же, и именно этим объясняется та легкость, с которой партия перебрасывает их из театра в колхоз и из армии в Академию наук.

в. Ч е к и с т ы. Несколько особое место занимают только работники органов государственной безопасности, ибо здесь мы сталкиваемся уже не просто с проводниками генеральной линии партии, а с людьми, посвятившими себя делу организованного террора, обеспечивающего самую возможность генеральной линии, со своеобразными специалистами этого дела, создавшими жуткую славу сталинского НКВД и ГУЛАГа.

Этот кадр обладает одним весьма редким и высоко ценимым в системе сталинизма качеством, кото-

рого не хватает многим представителям даже политической знати: абсолютным равнодушием к страданию и страху других людей. Если этого свойства нет, оно может быть заменено садизмом, но только временно, так как рано или поздно садистические склонности в среде этих людей приводят их к катастрофе. Сталинские карательные органы вовсе не были учреждениями, в которых мучение подсудимых и заключенных представляло собой самоцель. Жестокость здесь только путь к цели, и новосибирский следователь, любивший наворачивать на карандаш волосы допрашиваемого и затем вырывать их, как это делают с мягкой щетиной у свиньи, наверно закончил свою карьеру признанием, если не в подготовке к покушению на одного из вождей, то по меньшей мере в шпионаже в пользу какой-нибудь иностранной державы.

В органах и при Сталине и теперь требуется не жестокость, а равнодушие, отношение совсем особого рода; в практике сталинского застенка известен, например, многочасовой допрос — «конвейер» или «парилка», жарко натопленное помещение, в котором подсудимого томят, как капусту в духовке, не чтобы причинить ему страдания, а потому, что практика оправдала этот элементарнейший метод — прошедшие парилку люди подписывают любые протоколы, мало интересуясь даже тем, сколько лет принудительных работ они получают за эту самую подпись.

Дело Бери, переход карательных органов в подчинение Комитета Государственной Безопасности, контролируемого всем руководством партии и, главное, отказ от незаконных методов следствия (хоть и неполный, конечно) повели к серьезному пересмотру всей работы системы террора. Превентивный террор, стремившийся уничтожить даже потенциальных врагов режима и выражавшийся в произвольном репрессировании запланированного процента определенных категорий граждан, сменился

стремлением нащупать и репрессировать реальных врагов советского строя.

Изменение задачи потребовало изменения методов работы. Вместо палачей, понадобились сыщики и следователи, способные раскрывать не вымышленные, а реально опасные для власти деяния, распознавать активных врагов режима и репрессировать их при соблюдении хотя бы внешних форм советской законности.

В отношении кадров и методов работы карательных органов руководящая олигархия до сих пор, однако, отделяется полумерами, и даже назначение в декабре 1958 года Александра Шелепина на пост председателя КГБ не столько изменило характер этих кадров, сколько дополнило их некоторым, хоть и недостаточным, количеством более интеллигентных и более образованных людей, способных доискиваться истины. Многие из этих новых людей окончили юридические институты и работали следователями, прокурорами, судьями; другие тоже окончили вузы и были на советской, комсомольской, профсоюзной и партийной работе. Среди них, очевидно, немало карьеристов и даже авантюристов и очень мало людей, пожелавших служить в органах из идейных побуждений. Фанатиков и идеалистов среди этой категории чекистов тоже нет или почти нет. Но, может быть, есть отдельные люди, не утратившие собственную оценку добра и зла, любознательные и неудовлетворенные существующим порядком вещей. Они редки, конечно, но наличие их подчеркивает тот факт, что именно люди всегда были самым слабым местом в работе карательных органов, а послесталинские перемены лишь усилили эту слабость.

Дальнейшие качества чекиста — невероятная работоспособность (для руководителя здесь вообще нет границы между днем и ночью), расчетливость и чуткость, не вообще, конечно, а в отношении к желаниям ближайшего начальства, если они не расхо-

дятся с генеральной линией партии, умение разбираться в делах, формулировать устно и на бумаге нужные (но отнюдь не свои) мысли, организаторские способности, умение приказывать и т. д. и т. д. — нужны ему, как и всей прочей политической знати и не составляют его особой характеристики.

Деловая знать. Третья категория лиц, входящих в группу советской знати, это люди, занимающие более или менее значительное положение в силу своих высоких деловых качеств, сочетающихся с достаточной политической выдержкой и умением лавировать.

Происхождение этой категории знати сложно. Она сложилась из людей совершенно различных и по своему социальному прошлому и по своим политическим убеждениям. Привилегированное положение большевики с самого начала вынуждены были создать для некоторых высококвалифицированных специалистов, часть которых была настроена нескрывая антисоветски. В высший слой тогдашнего советского общества, в будущую советскую знать вошли, в результате, наряду с людьми, выдвинутыми партией, ценнейшие руководительские кадры, принимавшие советскую власть лишь как неизбежное зло. Достаточно назвать хотя бы отца русской авиации Н. Е. Жуковского, будущего маршала Шапошникова, знаменитого физиолога И. П. Павлова, создателя золотого рубля нэповского периода Кауфмана и целую плеяду поневоле ставших советскими русских хозяйственников, военных, писателей, артистов, ученых...

В категории деловой знати с самого начала оказались, таким образом, и беспартийные, т. е. люди, вовсе не сочувствующие делу Ленина-Сталина.

Группа деловой знати пополняется отнюдь не из актива, но, главным образом, из наиболее талантливых и достаточно гибких представителей интеллигенции. Она пестра по своему составу, и советская

власть относится к большинству составляющих ее лиц с постоянным и зачастую обоснованным подозрением. Здесь и еще уцелевшие остатки дореволюционной русской интеллигенции, сохраняемые в силу их незаменимости, здесь и порой блестяще одаренные выходцы из рабочих и крестьян, талантливые и ловкие люди, сумевшие стать видными специалистами в той или другой области.

Грань между этой группой и рядовой советской интеллигенцией проходит значительно резче, чем граница между руководящими и низовыми работниками советского аппарата, но отнести, например, Илью Эренбурга, или маршала Рокоссовского к деловой или политической знати безусловно затруднительно. Между обеими группами вклиниваются, конечно, и специалисты партийной теории, вроде академика В. М. Кедрова. Несомненно также, что сталинской власти удалось привить своей политической знати ряд специальных навыков и знаний, а деловую знать и в советском смысле слова сделать политически грамотной. В результате представители политической знати могут иногда с успехом отправлять и специальные функции, в то время как крупные специалисты не могут уже полностью отгородиться от политики.

Тем не менее, деловая знать — это, в основном, крупные специалисты в какой-либо неполитической области, это ученые, сотрудники научно-исследовательских учреждений, выдающиеся инженеры и организаторы хозяйственной жизни страны, писатели, артисты, генералы.

Преклонение перед фактом диктатуры и безусловный страх перед ней — эти основные психологические предпосылки тоталитаризма в России — очень сильны в этой группе.

Даже если исключить из нее крупнейших, часто беспартийных, специалистов, членов Академии наук, заслуженных деятелей науки, техники или искусства и других ведущих представителей интелли-

гентных профессий, которые эксплуатируются властью, но никак не могут рассматриваться, как ее непосредственная опора, а тем более ее носители, то остальные члены деловой знати — генералитет советской армии, командиры социалистической экономики и социалистической культуры — несомненно, являются опорой власти, хоть и менее надежной, чем знать политическая.

Деловая знать, как правило, не любит и избегает политики. Она отдает дань славословию и общественно-политической работе, но никто в ней не делает карьеры при помощи этой работы. Эти люди всегда до отказа загружены своим прямым делом, несут огромную ответственность и очень высоко ценят оплачиваемый немалой ответственностью некоторый личный комфорт. Они оказывали сталинской и оказывают теперь брежневской власти драгоценнейшие услуги.

Именно эта группа дает деловые кадры для организации жизни страны. В этом ее огромное значение.

Разумеется, все представители деловой знати находятся под неусыпным контролем (на каждого имеется в органах личное дело). Они окружены лишь фиктивным почетом. Они не чувствуют себя властителями дум и хозяевами своего дела. Они вошли в советскую знать только силою обстоятельств и не пользуются доверием правящей олигархии. Им приходится работать в атмосфере подозрений, окриков, подхлестывания, а при Сталине и демагогического натравливания на них народных масс. Статьи в газетах и огромные плакаты на улицах говорили в то время о слепоте специалистов, о консерватизме оторвавшихся от масс ученых, об устарелых нормах, установленных робкими специалистами и смело ломаемых стахановцами, и прочее. Статьи и плакаты — знак применения репрессий, зачастую очень суровых.

Сталинизм и наука. Происходило это, да и происходит сейчас вследствие совершенно особого

отношения сталинизма к Добру, Красоте, Истине и ко всем тем, кто стремится послужить этим ценностям. Это отношение можно было бы охарактеризовать, как простую враждебность, если бы эта враждебность не была по самому своему существу вторичной, не вытекала бы лишь как следствие из духовной сущности сталинщины. Ибо сам по себе сталинизм не враждебен ни Добру, ни Красоте, ни Истине, а лишь совершенно к ним равнодушен. Враждебность появляется в нем как следствие невозможности поставить эти ценности на службу тотальному властвованию. Оружием в борьбе за активную несвободу может служить лишь поверхностное, кажущееся добро, лишь пошлая, обманчивая красота, лишь частичная, ложная истина. Полноценная истина враждебна сталинизму, потому что она стоит над ценностью власти, потому что она самоценность, которая не может никому и ничему служить, но сама требует служения.

Сталинизм враждебен истине, потому что не может над нею властвовать. Он склонен подменять ее мифом и фикцией не только в политической практике, но и в научном исследовании. Научно-исследовательские учреждения нужны ему только постольку, поскольку их деятельность может быть использована в технической или пропагандной практике. Участие в социалистическом строительстве входит в сталинский «моральный кодекс советского ученого», и каждый научный работник в СССР отлично знает, что кредиты на научно-исследовательскую работу распределяются в строгом соответствии с нуждами строительства коммунизма, в результате чего стиль работы советских научно-исследовательских учреждений лишен духа свободного научного исследования, и в нем не чувствуется внутренней логики науки. Задачи исследования ставятся партией и правительством, подчинены требованиям пятилеток и находятся в опасной зависимости от меняющейся оценки этих требований. Работа исследо-

вателя всегда связана сроками, изуродована обязательными темпами и заранее предписанными результатами.

Кроме того, она в огромном большинстве случаев засекречена. Эта сплошная засекреченность приводит к полной духовной изоляции, к своего рода ученой робинзонаде. Интересоваться тем, что делается в родственном научно-исследовательском учреждении — преступно. Происходит вырождение деятельности научно-исследовательских институтов, которые сплошь и рядом превращаются в большие лаборатории заводского типа.

Чрезвычайно отрицательное значение имеет критика и самокритика, т. е. культивируемое партией взаимное подсиживание, стремление скомпрометировать работу товарища. Активистов, людей, делающих карьеру на самокритике, среди интеллигенции не много, но достаточно для того, чтобы отравить существование большинству мыслящих людей в Советском Союзе.

На почве своеобразных условий исследовательской работы возникает явление научных теорий, почему-либо выгодных сталинизму и потому фаворизируемых. Эти теории исключают всякое другое течение научной мысли, господствуют безраздельно, и от ученых требуется работа именно в духе этих теорий. Они совершенно неизбежно оказываются ложными, ибо вместо того, чтобы служить истине — стремятся угодить партии и правительству. Когда надобность в них проходит, они объявляются грубейшим заблуждением или даже контрреволюционными измышлениями. Такая судьба, например, постигла историческую теорию академика М. Н. Покровского. На его четырехтомной истории России воспитывалось в обязательном порядке историческое мышление целого поколения, а если нужно было репрессировать какого-нибудь историка, то ему вменялось вредительство на идеологическом фронте, т. е. отклонение от концепций Покровского. Но в

1934 году учение Покровского было объявлено несостоятельным научно и контрреволюционным политически. Аналогичная судьба постигла литературоведческие концепции Переверзева, а позднее и лингвистическую теорию академика Н. Я. Марра, отмененную летом 1950 года гениальным трудом И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». И то и другое было сделано без всякой предварительной дискуссии. При Сталине смена научных убеждений происходила мгновенно, по команде.

В области русской агрономической науки роковая роль досталась Т. Д. Лысенко. Идеи Лысенко встретили резко отрицательную оценку со стороны русской агрономии во главе с Н. И. Вавиловым, крупнейшим ученым, оказавшим великие услуги русской агрономической науке. В спор вмешался НКВД, и русские научно-исследовательские селекционные и агрономические учреждения были разгромлены от Волги до Одессы. Вавилов и ряд других ученых погибли. Русская агрономическая наука была обезглавлена, и только много лет спустя после смерти Сталина, уже в шестидесятых годах, разгрому подверглась, в свою очередь и созданная Лысенко так называемая «мичуринская биология».

На вопрос об отношении ученой интеллигенции к сталинизму следует ответить, что подлинное отношение этих кругов вскрылось лишь после того, как, в ходе борьбы с культом, с них был снят гнет активной несвободы. Вскрылась естественная потребность в свободе исследования, вскрылось вполне человеческое желание послужить людям и родине, вскрылось обычное интеллигентское равнодушие к привилегиям, которыми окружило их партийное государство. Все это сделало деловую советскую знать носителем антисталинизма, крайне опасной для советского строя. Но об этом ниже. Обратимся сначала к советской литературной и художественной среде, как она сложилась при Сталине.

Сталинизм и искусство. Отношение сталинизма к художеству совершенно подобно его отношению к науке. Искусство для сталинской власти не более как средство пропагандного воздействия на человека. Талантливые писатели, артисты и художники сравнительно легко попадают поэтому в ряды советской знати, зарабатывают по советским масштабам большие деньги и окружаются почетом и уважением. Предпосылкой для этого, однако, является активная несвобода творчества, иными словами, творчество с партийных позиций, создание пропагандно выгодных власти произведений, отражающих жизнь не такой, какова она есть, но такой, какова она должна была бы быть, если бы мир мифов и фикций был действительностью.

Это выдвигает в первые ряды советской творческой интеллигенции людей, способных поставить себя на службу сталинизму, но, поскольку сила пропагандного воздействия прямо пропорциональна художественности произведения, то власти приходится принимать в ряды своей знати также и просто талантливых художников, согласных лишь «отдать кесарево кесарю», т. е. принимающих партийный заказ как некое неизбежное зло, как непреодолимый факт, как условие возможности вообще писать, играть, издавать что-нибудь.

Артистическая и писательская среда зажата в тисках партийного заказа. Но это обстоятельство далеко не делает ее коммунистической. Торжество активной несвободы имеет невыгодные стороны: от художественного творчества вынужденных энтузиастов веет мертвечиной и скукой. И руководство пробует время от времени ослабить строгость партийных позиций в надежде поживиться за счет более свежих и искренних произведений. В результате, получается нечто похожее на эпизод в одном из романов Всеволода Соловьева. Авантюрист Калиостро домогается любви девушки, которая его ненавидит. Потерпев полное поражение, он пускает в

ход силу гипноза и заставляет девушку полюбить себя. Время от времени он снимает с девушки гнет гипноза в надежде найти у нее не вынужденную, а свободную любовь, и каждый раз встречается с еще большей ненавистью.

Так и здесь. Стоит ослабить требования партийного заказа, и происходит скандал, который вызывает возврат к активной несвободе в еще более свирепой форме.

Еще при Сталине знаменательный опыт такого ослабления пресса был произведен в годы войны. В результате, дело дошло до того, что в ведущих ленинградских журналах «Звезда» и «Ленинград» стали печатать молчавшую уже более двадцати лет Анну Ахматову.

Для сталинизма Ахматова — поэтесса, у которой круг тем и их идеологическое разрешение определены буржуазно-ограниченным сознанием и которая не способна подняться выше любовно-эротических и мистически-религиозных мотивов. И вот, стоило Ахматовой начать печататься в «Звезде», как популярность этого журнала, который никто не хотел читать, начала стремительно расти. Книжка «Звезды» со стихами Ахматовой стоила 10 рублей. Для советского интеллигента это были большие деньги, и вот он их тратит ради двух страничек стихов Ахматовой.

Произведен любопытный эксперимент: советской интеллигенции разрешили высказаться, что она хочет читать, и она дружно проголосовала за Ахматову. Это была настоящая демонстрация против социалистического реализма, и она произвела впечатление скандала.

14 августа 1946 года ЦК ВКП (б) принял по отношению к журналам «Звезда» и «Ленинград» осуждающее постановление. Через несколько дней состоялось собрание актива Ленинградской партийной организации.

После этого состоялось собрание писателей Ленинграда, на котором нужная партии резолюция была принята единогласно. В этой резолюции писатели соглашались безусловно с точкой зрения ЦК ВКП (б) и признают, что «Редакция журналов оказалась в плену у дутого авторитета Ахматовой, угодливо предоставив ей возможность протаскивать насквозь чуждые советской литературе теориейки «искусства для искусства», и проглядели политически вредное направление ее творчества».

Несомненно, случившийся еще в разгар сталинщины инцидент с Ахматовой и Зощенко — поучительный эксперимент, позволивший на мгновение увидеть внутренний душевный мир советской интеллигенции. За беспредельным унижением уже тогда ясно почувствовалось желание освободиться от этого унижения и писать не произведения, достойные великой сталинской эпохи, а то, что подсказывает свободная творческая потребность.

За рамки партийных условностей во время войны вышли, разумеется, не только журналы «Звезда» и «Ленинград», печатавшие стихи Ахматовой. «Предчувствие свободы», по выражению Пастернака, Сталин считал тогда спасительным и допустил его, сохранив, однако, за собой положение абсолютного владыки, позволившее ему, как только миновала опасность, беспощадно разбить все надежды и вернуть страну и народ к режиму активной несвободы. И советская творческая интеллигенция, особенно в своем верхнем слое, покорялась и служила ему, хоть в значительной мере и против воли.

Перелом в ее судьбе обозначился только тогда, когда бывшая сталинская знать стала господствующим классом и получила от Хрущева привилегии и вольности. Как только появилась возможность, в среде творческой интеллигенции стали возникать различные направления и распространяться идеи, подрывающие самые основы господства нового класса, интегральной частью которого она является.

Сталинизм и деловая знать. После всего сказанного уже нет необходимости останавливаться на подробном описании наиболее многочисленной категории советской деловой знати, на людях, практически направляющих не только экономику, но и всю жизнедеятельность страны и народа. На плечах этой категории людей лежит техника, хозяйство, образование и здравоохранение, социальное обеспечение, всякого рода администрация, оборона и внешние сношения.

Представители деловой знати смыкаются здесь с интеллигенцией и с работниками аппарата, и, несмотря на то, что большинство их имеет партийный билет в кармане, находится под постоянным гнетущим давлением руководящего партийного ядра, призванного бдительно следить за тем, чтобы их деятельность шла всегда и во всем на пользу строительства социализма и коммунизма во всем мире. Эти люди хорошо знают советский строй и постоянно видят перед собой все практические варианты и редакции, все частные проявления неизбежного антагонистического противоречия, в котором находится сталинизм со своим месторазвитием — Россией. Они вынуждены делить свою работу и ответственность с представителями политической знати, зачастую менее квалифицированными, чем они сами, и сплошь да рядом вынуждающими их делать не то, что им представляется нужным, и не так, как им кажется правильно. И при Сталине, и после Сталина они снова и снова пытаются противодействовать заведомо вредным стране и народу предприятиям, вроде разведения коксагыза, движения из контор на производство, распашке целины, или обоготворению кукурузы.

Хрущев снял с них страшные сталинские обвинения в слепоте и вредительстве. Это заметно облегчило их положение и позволяет им лучше, чем в период культа, амортизировать вред партийного управления. Вместе с политической властью они по-

лучили, в результате послесталинских сдвигов, некоторые ограниченные возможности отстаивать свое мнение и влиять на развитие дел, которыми они занимаются. Их положение прочно. Многие из них незаменимы, а без них как социальной группы государство обойтись не может. Они знают это, и освободительное движение в их среде набирает силу. В своем нижнем слое именно эта категория советской знати тесно смыкается с интеллигенцией и, в противоположность ученым и художникам, знает жизнь и понимает нужды и чаяния народных масс не из творческих командировок и не из встреч с лучшими представителями этих масс, то есть с активом. В лице именно этой группы догматически настроенные представители политической знати встречают своих наиболее сильных противников, людей, которые не в порядке теоретических деклараций и требований, а в порядке упорной повседневной практической борьбы оттесняют их от сталинского наследия.

В силу своей многочисленности, в силу значения мест, которые она занимает и в силу своего каждодневного соприкосновения с партаппаратом, с которым ей постоянно приходится воевать и мириться, деловая знать может претендовать и претендует на влияние и вес, по меньшей мере равный влиянию и весу политической знати. Она готова мириться с партийным паразитизмом, но прекрасно знает, что страна могла бы обойтись и без него. И это делает ее чуть ли не главной опасностью для послесталинского строя, тем более, что в пополнении советской знати за последние два десятилетия обозначился довольно определенный сдвиг именно в ее пользу.

ПОПОЛНЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЗНАТИ

Мы знаем уже, что по замыслу знатные люди — это лишь верхний слой сталинского актива. Согласно этому замыслу декоративная знать, а в значи-

тельной мере и политическая знать и до сих пор пополняется за счет выдвинувшихся активистов. Принципиальной грани между активом и политической знатью и теперь нет, и разница между ними носит скорее количественный, чем качественный характер. Выступление какого-нибудь оратора на заводском митинге и речь того или иного депутата Верховного совета в своей основе тождественны, а каждый низовой активист рассматривается властью (да и сам себя чувствует), как некоторого рода «знатный человек в миниатюре». Доступ в ряды советской политической знати — ныне в меньшей степени, чем при Сталине, но все же принципиально — открыт каждому талантливому и ловкому советскому гражданину при условии:

а) незапятнанной репутации в органах государственной безопасности,

б) горячего желания активно послужить делу строительства коммунизма, не считаясь ни с какими этическими нормами.

Механика пополнения знати из актива имеет следующий характер: каждая группа населения, каждый трудовой или бытовой коллектив выделяет из своего состава некоторое, практически достаточное для целей власти, хоть принципиально и всегда слишком малое, количество активистов, т. е. людей, готовых во имя улучшения собственного положения быть опорой власти во всех мероприятиях, касающихся данного коллектива. Мероприятия эти, за ничтожными исключениями, означают повышение коэффициента эксплуатации данного коллектива или ухудшение его бытового положения. Актив становится орудием власти в деле угнетения своих товарищей. Активисты своим собственным примером и путем всякого рода нажима на «сознательность» окружающих их людей должны обеспечить добровольное подчинение требованиям власти. Дело активиста — на основе указаний власти составить для

своего коллектива социалистическое обязательство и затем провести его на производственном совещании. Дело активиста в писательской среде бороться с безидейностью и формализмом или с низкопоклонством перед гнилой буржуазной демократией. Делом активиста среди биологов было в свое время бороться с реакционными теориями вейсманизма и морганизма, ориентируясь при этом даже не на передовую мичуринскую биологию, а лично на академика Т. Д. Лысенко, доклады которого одобрялись ЦК.

Активист, удачно справляющийся со своими задачами, карабкается по лестнице советской знатности. Сначала вступление в партию ему не нужно и даже вредно. Если он еще не коммунист и даже не комсомолец, он начинает именоваться беспартийным большевиком, являя собой ценное властью воплощение блока коммунистов и беспартийных. Затем он получает какую-нибудь награду, имя его упоминается сначала в местной, а затем и в центральной прессе, положение укрепляется, и появляются виды на продвижение. Тогда он вступает в партию, открывая себе доступ к закрытым для беспартийных товарищей ответственным, а следовательно и выгодным должностям, пока не окажется в привилегированном кругу людей безусловно знатных.

Пополнение знати из числа чистых активистов оказывается, однако, недостаточным, особенно тогда, когда для замещения той или иной руководящей должности требуется специальная квалификация.

Конечно, и интеллигенция, и бюрократия, как и прочее население, выделяет из себя актив, быстро пробивающийся в ряды знати. Этот актив, однако, оказывается недостаточным и по количеству и по качеству. В актив, как это легко усмотреть из всего вышеизложенного, идут отнюдь не лучшие из лучших. Действительно талантливый ученый или художник, а равно инженер или администратор, как правило, не хочет быть активистом. Выполнение заданий партии и правительства, а особенно штам-

пованные разговоры об этих заданиях он обычно воспринимает как совершенно ненужный для дела ритуал. Он просто знает, что иначе нельзя и терпеливо ожидает, когда очередной активист закончит свое тщательно отштампованное выступление, чтобы по возможности молча признать его слова за несомненную истину и поскорей приняться за свое дело. Он выдвигается исключительно в силу деловых качеств, и механика этого выдвижения выглядит совершенно иначе.

Умный и честный советский специалист прекрасно знает действительную цену коммунистической фразеологии, он достаточно ясно видит гнусные стороны деятельности актива и с полным основанием его презирает. Он не хочет мараить своего имени славой большого общественника. Он оказывается в верхнем слое советского общества не потому, что он добивается этого, а потому, что в силу своих деловых качеств занимает крупные посты в советской жизни. Академик Павлов, если бы он дожил до наших дней, наверно, попал бы в знатные люди, и вынужден был бы терпеть наименование непартийного большевика. Таких людей уже сталинская власть вынуждена была *насильно втягивать в ряды своей знати*. Для этой цели на них со всех сторон насаждает начальство и, главным образом, актив.

Другая категория, в основном военные и крупные технические и административные работники, чувствуют себя людьми гораздо более советскими. Они члены партии, но члены ровно постольку, поскольку партбилет нужен им, чтобы иметь право занять руководящее место в жизни. К специфически партийной работе они относятся с презрением и пользуются коммунистической фразеологией лишь как условным языком, которым в их положении нельзя не пользоваться. ореол знатности их не чарует. Они хотят заниматься своим делом и соглашаются кривить душой лишь в интересах (другой вопрос, действительных или мнимых) именно этого дела.

Можно смело сказать, что значительно больше половины деловой знати пополняются не из актива, а из интеллигенции. Эти люди принесли советской власти огромную пользу, ибо каждое серьезное дело делается именно под их руководством и их руками. Без них социалистическое строительство уже давно, вероятно, потерпело бы провал. Они не прямые наследники антисоветски настроенных «незаменимых специалистов» начала большевистского властвования, но они и не сталинцы. Действительно своих деловых людей сталинизм так и не сумел создать, и сам Сталин должен был поэтому терпеть в среде своей знати лиц, имеющих пусть тщательно скрываемые, но свои собственные, в конечном счете, антисоветские взгляды, и пополнять эту знать не только из актива.

Повторим еще раз: по сталинскому замыслу и первоначальному смыслу понятия, советская знать есть только верхний слой актива, актив же — преддверие знатности. Этот замысел Сталин не смог реализовать. И тот факт, что он был вынужден терпеть в рядах своей знати людей иного морального и политического облика и, даже больше того, был вынужден втягивать их в ее состав, означает бесспорную его неудачу: знать оказалась не тем, что он хотел.

Выросший из сталинской знати современный господствующий класс не только не однороден. Он раздирается антагонистическим противоречием между политической знатью, вышедшей из актива и заинтересованной в сохранении активной несвободы, и деловой знатью, поднявшейся в силу своей квалификации и стремящейся преодолеть сталинщину. Эта категория знати признала в свое время сталинщину только как факт и служила советскому государству только как факту, принуждаемая к этому силою обстоятельств, а не внутренним убеждением. Люди этой категории только формально члены КПСС. Убеждения их различны, но всегда расходятся с теми, которые предписываются им пар-

тийной принадлежностью. По внутреннему убеждению почти каждый из них хотел бы — и этим лишним раз подчеркивается, что он человек, а не коммунистический робот — служить своему предмету: хозяйственник — хозяйству, ученый — науке, врач — медицине. Каждый из них видит в своем предмете объективную ценность и страдает, когда к ней подходят с партийных позиций, иначе говоря, низводят ее на степень средства. Они продолжают строить коммунизм лишь в силу внешних условий и, в случае изменения этих условий (что многим из них представляется желательным), непременно изменяют. *Деловая категория советской знати — потенциальный изменник и враг как сталинизма, так и брежневского строя.* Каждый из них может оказаться генералом Власовым и перейти на сторону освободительного движения.

Подлинная элита сталинизма — актив. И тот факт, что Сталин не мог добиться того, чтобы знать стала лишь верхним слоем актива, может расцениваться только как крупнейшая неудача сталинизма, неудача, свидетельствующая о том, что силы сопротивления ему в области социальной перестройки России оказались сильнее его, что начавшееся тотчас же после смерти Сталина разложение созданного им строя закономерно и что выросшие из него классовые структуры едва ли могут быть долговечными.

ДВА ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕЧЕНИЯ В ГОСПОДСТВУЮЩЕМ КЛАССЕ

Резкий политический антагонизм внутри выросшего из сталинской знати господствующего класса показателен. Как только, после XX съезда КПСС, люди этого класса получили возможность частичного выражения своих мнений и чаяний, в нем тотчас же проявились две антагонистические тенденции: охранительная и прогрессивная. Первая обычно не вполне точно обозначается как «догматическая» и

представляет собой господствующее настроение в политической знати и аппарате. Вторая, широко распространенная среди интеллигенции и деловой знати, под знаком «демократизации» стремится к коренным изменениям унаследованного от Сталина общественного строя, в пределе — к полному преодолению сталинщины.

Представители этой тенденции в советской знати совершенно сознательно используют свое положение и влияние для расширения сферы прав и свобод и разрушения мешающих этому мифов и фикций. В глазах догматиков они изменники дела коммунизма как в фиктивном, так и в реальном его аспекте, ибо путь проповедуемой ими демократизации не только по форме, но и по существу равнозначен отказу от культурной и политической монополии, составляющей основу привилегированного положения как раз руководящего ядра нового класса, работников бюрократического аппарата.

Привязанность последних к сталинизму нельзя поэтому расценивать как сентиментальную склонность к идеализации прошлого, свойственную всем охранителям. Время сталинщины недаром представляется им временем стройного порядка, единомыслия и целеустремленности, временем ясных директив и прямолинейного проведения в жизнь указаний, в мудрости которых не допускалось сомнений. *Политической бюрократии начинает подчас казаться, что при Сталине было лучше.* Кое-кого сажали зря, это правда, но зато не было ни строптивых законников, настаивающих на каких-то правах, ни доморощенных мудрецов, готовых усомниться в правильности спускаемых директив и назойливо указывающих на всякого рода нетипичную для нашей советской действительности неприглядную правду фактов. Служение активной несвободе при Сталине стало специальностью, и служители ее правы, указывая, что при нем работать им было легче.

Их собственное положение несомненно и резко изменилось к лучшему. Им не только не угрожает тюрьма и каторга, они не только достигли положения, в котором при Сталине находились разве что его ближайшие ученики и соратники. Они не только материально обеспечены и свободны от забот о будущем своих детей. Они оказывают осязаемое влияние на политику партии и государства, обладают, пусть неоформленным, но вполне реальным политическим голосом и весом. Власть Брежнева это их власть, и политика теперешнего Политбюро — их политика. При Хрущеве советская политическая бюрократия получила гарантии личной безопасности и личного благополучия и превратилась в ядро господствующего класса. При Брежневе ей удалось закрепить свое господство и приостановить распространение вольностей и прав на другие слои советского общества. Дудинцевские дроздовы и солженицынские кнорозовы ныне хозяева земли русской. А они недовольны и тоскуют по сталинщине. Почему?

Внешних объяснений несомненной нервности и недовольства в рядах партийной бюрократии можно найти немало. Тут и весьма неприятные для нее факты падения трудовой дисциплины, отказа от поклонения фикциям и готовности отстаивать свои права среди широких масс населения. Тут и проявления презрения и враждебности со стороны прогрессивно настроенной интеллигенции. Тут и всевозможные трудности в торможении требований последовательной либерализации или, как принято говорить, «демократизации» строя.

Решает, однако, думается, не это. При Сталине было не легче, но при Сталине каждый работник аппарата и каждый работник органов, если и не всегда осознавал, то неизменно чувствовал: он служит осуществлению тотального властвования. В условиях активной несвободы он плавал в родной ему стихии. Он жил под постоянной угрозой тюрьмы и

каторги, он понимал, что, если он поскользнется, его жена окажется в Средней Азии, а дети в дет-доме. Но зато он мог цитировать слова Сталина о том, что «сын за отца не отвечает», и никто не мог бросить ему обвинение во лжи. Разоблачение преступлений Сталина (хоть и ограниченное преступлениями по отношению к нему и ему подобным) открыло такую возможность. И современные охранители тоскуют не по абсолютной диктатуре Сталина, а по увенчанной культом личности системе активной несвободы, по миру мифов и фикций, без которого им, по собственным их словам, «трудно» или «невозможно» работать.

В самом деле, положение работников политической полиции и партийного аппарата из года в год становится все труднее. Как прикажете мобилизовать трудящихся на выполнение очередного сверхпланового задания, если отсутствие трудового энтузиазма не является больше проявлением чуждых советскому человеку, иждивенческих настроений? И какой смысл бдительно следить за *происками*, когда даже совершенно очевидные *вылазки* остаются без должной критики и самокритики, а антипартийные и даже прямо-таки антисоветские настроения проявляются чуть ли не совершенно открыто, когда разговоры о них на страницах печати, в кабинетах начальствующих лиц и даже в органах наталкиваются на возражения с позиций абстрактного гуманизма и формалистической законности?

При Сталине советские люди уважали коммунистическую партию, советское правительство и тех, кто стоял на страже завоеваний социализма. А что прикажете делать, если тут же рядом, в аналогичном кабинете с аналогичной зарплатой и премиальными восседает тоже член партии (!), поставивший себе задачей постоянно указывать на отставание нашей советской науки, на недочеты в нашем планировании, недоделки в нашем строительстве, прорывы в нашем сельском хозяйстве и пробелы в нашем образовании? Что делать, если такой руководящий

работник, ссылаясь на достижения капиталистических стран, требует разбудить инициативу широких масс и вернуться к якобы ленинским нормам демократического управления делами? При Сталине было ясно, куда ведет и куда приводит антипатриотическое низкопоклонство перед гнилой буржуазной культурой с ее антимарксистской наукой и техникой. Антинародные выступления разоблачались, пресекались и вырывались с корнем. Вся партия, весь актив, вся честная и прямодушная советская общественность давала сокрушительный отпор всем враждебным выпадам и вылазкам. А что прикажете делать, когда пойманные с поличным антисоветские элементы на открытых судах отказываются признать себя виновными?

И партийное руководство и вся партия делают все возможные усилия, чтобы сохранить сталинскую систему мифов и фикций. Печать и пропагандный аппарат в последние годы почти полностью мобилизованы на эту задачу. Фикция непогрешимости гениального вождя перенесена обратно на Ленина; все остальные основополагающие положения сталинской псевдорелигии оставлены в силе. Но с отказом от сталинской системы репрессий не исключена возможность открытого, а порой даже и демонстративного отказа от каких бы то ни было проявлений активной несвободы, и эта возможность используется не только в непривилегированной и угнетенной части советского общества, но и в среде самого господствующего класса, в первую очередь в среде советской деловой знати, в которой этот отказ подается как прямой вывод из критики культа личности на XX и XXII съездах партии и кладется в основу требований коренного пересмотра сложившегося при Сталине государственного и общественного устройства.

В ядре нового господствующего класса, в среде политической знати хорошо понимают, что любой пересмотр представляет собой угрозу партийным

привилегиям. В нем хотели бы закрепить свое господство, сохранив для всех остальных сталинскую систему террористического поклонения фикциям. В нем хотели бы (как это и было задумано первоначально) пользоваться хрущевскими вольностями для себя, не распространяя их на других. Но как руководящая верхушка вынуждена была отказаться от сталинской методики всеобщего превентивного террора и посчитаться со стремлениями своей знати, так и аппаратчики вынуждены считаться со стремлениями и требованиями, если не беззащитного перед ними народа, то по меньшей мере деловых руководителей советской жизни — хозяйственников, ученых, писателей, тоже входящих в состав привилегированного класса в силу того, что без них нельзя обойтись.

Положение деловой знати после смерти Сталина изменилось автоматически, как следствие перерождения надклассовой единоличной власти Сталина в олигархический строй, а сталинской знати — в господствующий класс, гарантированный от бессудных репрессий и определяющий основное направление политики властвующей олигархии. С одной стороны, деловая знать — интегральная часть в составе этого класса; с другой — в нее входят не только профессиональные служители активной несвободы, вроде писателя Кочетова или академика Федосеева. Наряду с этими носителями сталинизма определенный политический вес приобрела и подлинная верхушка интеллигенции, талантливые ученые и художники, техники и хозяйственники, люди, не нуждающиеся ни в каком культе и заинтересованные не в том, чтобы сохранить, а в том, чтобы сбросить иго активной несвободы. Свое положение, свое влияние и вес они используют прежде всего для разоблачения мифов и фикций и изживания сталинских методов жизнеустройства. Под лозунгами «борьбы с культом» и «демократизации» они требуют свободы дискуссии и увлекают за собой интеллигенцию, в

опоре на которую им уже удалось сделать совершенно явным многое из того, что при Сталине, — пусть лишь под прессом террора, но представлялось тайной. «Оттепель» Эренбурга и статья Померанцева «Об искренности в литературе», написанные еще до XX съезда, были лишь первыми проявлениями процесса, выражающегося сейчас в деятельности так называемого Самиздата, и в создании политических программ, требующих радикально покончить со сталинщиной.

Достигнув политического господства, принудительно созданный конгломерат сталинской знати, распался на сторонников и противников системы активной несвободы, и *властвующая олигархия стала терять социальную опору*, которую пытался создать для нее Хрущев. Материально обеспеченный и могущий теперь не бояться за свое будущее и будущее своих детей верхний слой советской интеллигенции, бывшая сталинская деловая знать отнюдь не удовлетворена своим положением и в своих надеждах и чаяниях смыкается не с правящей бюрократией, а с все увеличивающейся массой мыслящей интеллигенции.

Глава 5

УГНЕТЕННЫЕ КЛАССЫ

Непривилегированные слои советского общества. — Интеллигенция. — Рабочий класс. — Колхозное крестьянство.

Если привилегированный слой советского общества, включая сюда и актив, можно рассматривать как новый господствующий класс, влияющий на политику партии и правительства, то все остальное население Советского Союза совершенно лишено политического голоса. Ослабление террора после смерти Сталина коснулось, конечно, всех. Без страшного усатого Хозяина жить стало легче и веселей. Но широкая масса советского населения и после XX съезда, как была, так и осталась несвободной, низко оплачиваемой и жестоко эксплуатируемой рабочей силой, не оказывающей на судьбы страны и государства никакого прямого влияния.

Распространять на нее какие-либо вольности никто не собирался, и доставшиеся ей послабления были лишь крохами с не слишком, впрочем, богатого барского стола.

Взаимоотношения между властью и народными массами лишь внешне представляют ослабленную копию взаимоотношения с привилегированным слоем. Они существенно отличаются от них внутренне. Если в привилегированной части общества фикциям покоряются *не по своей воле*, то здесь это делают определенно *против воли*. Антисоветские настроения здесь вполне естественное нормальное явление, только внешне, фиктивно скрываемое и всем отлично известное. Ведь, встав на путь создания фикций, Сталин тем самым отказался от стремле-

ния действительно перевоспитать народ, а наследники его никогда и не думали об этом.

Те привилегии, которыми пользуются знатные люди, идут за счет народа и не могут быть распространены даже на мало-мальски широкие круги интеллигенции.

Техника сталинского и послесталинского властвования заключается здесь поэтому в том, чтобы подавить волю к сопротивлению и поставить народ в такие условия, в которых он вынужден был бы строить коммунизм даже против собственной воли. До сих пор сталинизму удавалось этого достигнуть. Его многочисленным противникам не хватало и не хватает идейного единства, организованности и, что самое главное, элементарнейших материальных условий для ведения сколько-нибудь эффективной борьбы. *Ненавидя большевиков, все советские граждане все-таки вынуждены творить их волю.* В этом, несомненно, величайшее достижение сталинизма, — та единственная основа, которая позволяет партии прокламировать морально-политическое единство советского народа и говорить о том, что в СССР нет классового антагонизма. Антагонизма между социальными группами, действительно, почти нет. Но нет его только потому, что в каждом трудовом и бытовом коллективе власть умеет создать группу актива, численно ничтожную, но вынуждающую весь коллектив делать то, что угодно власти.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Большевизм и интеллигенция. Под наиболее жестким давлением находится, безусловно, интеллигенция. Презираемая при Ленине, репресслируемая при Сталине, она и сейчас лишь в лице своих наиболее мужественных представителей решается, наконец, поднять голос протеста.

Отношение большевиков к интеллигенции определялось первоначально их доктринерской марк-

систской точкой зрения, а затем, главным образом, практическими соображениями.

С доктринерской марксистской точки зрения, интеллигенция обладает ярко выраженными отрицательными чертами. Интеллигенция — на чем решительно настаивают марксисты-ленинцы — не класс, а прослойка между классами, которая присоединяется по своим взглядам и мироощущению к крупной или мелкой буржуазии. В качестве редких необъяснимых исключений, отдельные интеллигенты способны становиться на пролетарскую точку зрения. Там их роль огромна, ибо они создают социалистическую и революционную идеологию, чего сам пролетариат сделать не в состоянии.

Прочая интеллигенция вредна, особенно мелкобуржуазная. Мелкий буржуа, с точки зрения марксизма, существо презренное, ибо он бессилён перед натиском крупной буржуазии и не способен встать на спасительную пролетарскую точку зрения. Среди этой мелкобуржуазной интеллигенции, утверждал Ленин, широко распространяются половинчатые, эклектические воззрения, мешанина противоположных принципов и точек зрения, стремление подняться на словах в превыспренние области и затушевывание фразами исторических конфликтов между классами. Интеллигенция, согласно марксизму-ленинизму, дрябла и неустойчива, неспособна к дисциплине и организации, потому что «условия ее существования и заработка приближаются в очень и очень многом к условиям мелкобуржуазного существования».

В результате ленинских и сталинских репрессий, старая русская интеллигенция в значительной мере физически истреблена. Согласно сталинскому докладу «О проекте Конституции СССР», «80-90 процентов советской интеллигенции — это выходцы из рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся». Новая интеллигенция, по словам того же доклада, «является теперь равноправным членом

советского общества, где она вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведет стройку нового бесклассового социалистического общества».

Новая советская интеллигенция. Новая интеллигенция продукт уже советской школы, с ее непрерывной ломкой профилей, программ и учебных планов, введением марксистского подхода к преподаванию, хроническим недостатком и, главное, постоянной сменой учебников, отражающих изменения в партийном мышлении, с постоянной сменой преподавателей, зачастую плохо подготовленных, с бесконечными общественными нагрузками, взрывающими бюджет времени не только студентов, но и школьников.

В результате, созданная таким образом интеллигенция в значительном большинстве состоит из лишенных методологических навыков, систематических знаний и широкого кругозора, узких специалистов той или иной области умственного труда. Этим узким специалистам, зачастую имеющим лишь смутное понятие об общей системе человеческих знаний, привито немало предрассудков, существенно затрудняющих им самостоятельное мышление. Если бы замысел сталинизма удался полностью, мы имели бы, вероятно, вполне роботоподобные существа, способные только к проявлению активной несвободы.

Несмотря, однако, на колоссальные усилия, сталинизм бесконечно далек от достижения этого замысла. Высокая квалификация даже в самой ограниченной области учит человека ряду мыслительных навыков, а постоянное соприкосновение с советской жизнью приучает отличать фикции от действительности. Новая советская интеллигенция, несмотря на свой гораздо более узкий кругозор (в чем она, конечно, никак не виновата), понимает природу советской власти гораздо лучше, чем старая, разносторонне образованная русская интеллигенция.

А понимать сталинизм — значит сознательно или подсознательно его ненавидеть.

Современный новый советский интеллигент, в противоположность старому, плохо разбиравшемуся в отношении к нему большевиков, превосходно знает, что он принадлежит к прослойке между классами крестьян и рабочих и должен строить социализм в одной упряжке с ними. Он знает, что находиться под решающим влиянием пролетариата означает для него беспрекословно выполнять волю этого пролетариата, воплощенную в его авангарде, т. е. в коммунистической партии. Современный советский интеллигент знает, что он, прежде всего, слуга режима, а затем уже врач, инженер, учитель. Он знает, что первейшая его обязанность — проведение в жизнь генеральной линии партии, независимо от того, полезно это или вредно народу.

Вместе с тем, советская интеллигенция — инженеры, агрономы, врачи — по самому роду своей деятельности находятся в тесном соприкосновении с народом. Все они видят изнанку советской действительности. Все они вынуждены своими руками проводить мероприятия, направленные на ущемление жизненных интересов народа.

Врачи очень хорошо знают то явление, которое можно назвать «партийной медициной»: они не имеют права ставить ряда диагнозов, потому что по официальному пониманию болезни эти могут иметь место только в буржуазных странах, а в социалистическом государстве, благодаря высокому уровню жизни трудящихся, болезней этих быть не может. Они вынуждены отказывать больным и переутомленным людям в освобождении от работы, потому что социалистическое хозяйство не может иметь на предприятии больных выше определенного количества. Эта политика власти воспринимается врачами — по крайней мере, лучшими из них, — тем болезненнее, что в СССР не совсем еще забыты традиции

дореволюционной земской медицины, в своем роде единственной в мире.

Агрономы вынуждены проводить обязательный севооборот в колхозах, они отвечают за состояние агрономии в колхозах и хорошо знают, что это означает.

Инженер должен наладить рабочий процесс и всю свою деятельность подчинить выполнению и перевыполнению плана. Ему ли не понимать, что пятилетки, как бы их ни обосновывали идеологически, строятся на костях рабочих.

Педагоги — это парии советской интеллигенции. Заработная плата их ничтожна, прожить на нее невозможно, и учитель берет вторую нагрузку, т. е. находится на уроках чуть ли не по сорока часов в неделю. К этим часам нужно прибавить часы по исправлению ученических работ, по бесконечным педагогическим совещаниям, по курсам повышения квалификации, по общественной нагрузке. Жизнь сплошь занята каторжным трудом. А тут еще бытовые потребности: транспорт, состояние которого всегда по меньшей мере неудовлетворительно, очереди в магазинах, индивидуальный огород. От учителей требуется особенно марксистско-ленинская выдержанность и идеологическая вооруженность, чтобы они способны были выполнить свою важнейшую функцию воспитания будущих строителей коммунизма. Учителя живут в атмосфере вечного подозрения и сыска, под особенно тяжелым партийным прессом.

Средний культурный уровень советской интеллигенции невысок. Происходит это не только потому, что большинство советских средних и высших заведений выпускает лишь узких специалистов, но и потому, что у рядового советского интеллигента не остается времени ни для удовлетворения своих духовных запросов, ни даже для поддержания своей квалификации. Мы уже говорили о нагрузке совет-

ского учителя, постепенно превращающей его в совершенно измученное существо, неспособное подумать ни о чем, кроме своей сегодняшней нужды. Но и рабочий день инженера, врача, или агронома никогда не кончается часами производственной работы. Как только закрываются за ним двери завода или лечебного кабинета (очень часто гораздо позднее конца рабочего времени), его ждут всевозможные общественные нагрузки, заботы о дровах, одежде и пище для семьи, квартирная теснота, работа по совместительству или на дому ради приработка и т. д. и т. п. Хорошо, если он успеет бегло пробежать газету, просмотреть журнал или послушать радио, забивающее ему мозги осточертевшими фикциями. На книгу у него уже не остается времени.

Колоссально выросшая численно советская интеллигенция не только не повышается в своем культурном уровне, но находится в процессе непрерывного культурного вырождения. Советские учителя на периферии, как правило, безграмотны и не умеют преподавать. В результате, средняя школа выпускает людей, заведомо неспособных воспринять и без того уже неполноценный курс советского высшего учебного заведения. Оставив в стороне вопрос, выгодно это или невыгодно власти, отметим здесь пока только голый факт: наскоро созданная из рабочих и крестьян интеллигенция в условиях сталинщины была совершенно не в состоянии пополнять себя в нужном объеме собственными силами.

Получивший образование на периферии советский агроном из крестьян через несколько лет работы становится чистейшим практиком, по общему культурному уровню мало чем отличающимся от крестьянской массы. Он обладает рядом навыков, позволяющих ему более или менее справляться со своей текущей работой, но совершенно неспособен подойти к проблематике современной агрономической науки и способен иметь собственное мнение только в узких вопросах своего каждодневного опыта.

То же следует сказать о низовом враче, учителе или инженере. И здесь, в нижнем слое интеллигенции в течение всей эпохи культа можно было наблюдать отчетливую тенденцию к деквалификации, и здесь интеллигент отличается от рабочего или колхозника почти исключительно профессией, навыками и кругом деятельности, а вовсе не кругом интересов и не культурным горизонтом.

Студенчество. Система советского образования — грандиозное явление, тем более импонирующее, что оно создано в короткий срок. Рост численности студенчества, достигшего восьмисот тысяч в последний предвоенный 1940/41 учебный год и цифры порядка трех миллионов в настоящее время, безусловно велик, в сравнении с менее чем полуторастами тысячами студентов перед первой мировой войной. Но советское высшее образование страдало и страдает тяжелыми дефектами, которые, несмотря на огромную работу и преподавателей и студентов, резко снижает его ценность. Достаточно здесь назвать:

— Бесперывную ломку профилей, программ и учебных планов. (Особенно вредными были колебания между профилями узкого специалиста и универсально образованного инженера.)

— Требование подачи материала обязательно под углом зрения марксизма-ленинизма, мешающего усвоению студентом объективно научной методологии и внушающего ему вместо этого ряд наукообразных предрассудков.

— Хронический недостаток учебников, объявление одних из них вредительскими, других методологически невыдержанными.

— Недостаточная подготовка профессорского и преподавательского состава, а при Сталине и бесконечные аресты профессоров и пустование кафедр.

— Комсомольские и общественные нагрузки, которые непропорционально велики.

— Отрыв от научного и технического развития некоммунистического мира. При Сталине полное, а после Сталина почти полное отсутствие обмена преподавателями и студентами с иностранными университетами. Совершенно недостаточное внимание к изучению иностранных языков и иностранной научной литературы.

— Отрыв от научных и культурных традиций в результате ленинского и сталинского гонения на старую русскую интеллигенцию и так называемой «пролетаризации вузов».

От современного западного и дореволюционного образования советское отличается, однако, не только программами и характером даваемых в его процессе знаний. Прежде всего, важно то, что сталинизм рассматривает учебу в вузах как службу и стремится поставить студентов совершенно в такое же положение, как и любого другого трудящегося.

По смыслу идеологии сталинизма государство, будучи организующим и финансирующим началом в жизни высшей школы, имеет право требовать от студентов не только величайшей благодарности, но и по меньшей мере такой же трудовой дисциплины, как и от любого рабочего или служащего. Советский студент отлично знает, что поступление в вуз или втуз аналогично поступлению на любую другую службу и что он подчиняется той же статье 12 Конституции («кто не работает, тот не ест»), что и любой другой советский гражданин. Академическая дисциплина при таком подходе покоится не на любви к науке; она строится на трудообязанности, и об академической свободе не может быть и речи.

Положение советского студента это отнюдь не положение человека, свободно воспринимающего преподаваемые ему предметы. Его могут лишить стипендии не только за неуспеваемость, но и за нарушение трудовой дисциплины. Сравнить его положение с положением дореволюционного студенчества совершенно беспредметно. Советский студент с са-

мого начала знает, что он попал в вуз только потому, что советской власти нужны специалисты, что на учебу он командирован партией, что возможность учиться есть привилегия, за которую он должен быть благодарен государству, что, наконец, он вооружается знаниями отнюдь не для себя, а лишь для наиболее плодотворного участия в строительстве коммунизма.

Его положение скорее напоминает положение военнослужащего в мирное время. Он целиком подчинен расписанию. Он непрерывно совершенствуется, однако, лишь в тех областях, в которых это найдет необходимым академическое руководство. Он изолирован от внешней среды, но зато живет в коллективе и находится под постоянным воздействием коммунистической идеологии, причем не столько в плане практических лозунгов, сколько в плане теоретических построений, которые он не может проверить и которые кажутся ему в силу этого убедительными. Его общение с внешней средой регулируется руководством и носит в значительной мере иллюзорный характер. Шефство над заводом или колхозом, в котором он принимает участие, общественные нагрузки, которые он несет, гораздо в большей степени насыщены пропагандными иллюзиями, чем повседневная жизнь, ожидающая его по выходе из учебного заведения.

Советский университет это отнюдь не храм науки. Вузы и втузы СССР это скорее мощные лаборатории, в которых партия готовит нужные ей кадры. Набор в высшие учебные заведения есть отнюдь не привлечение молодых людей к служению науке, технике или искусству, а откомандирование наиболее подходящих лиц для подготовки из них строителей коммунизма нужной квалификации.

Преподавание марксизма-ленинизма, партийная и комсомольская работа, участие в общественной, недоступность книг и материалов, могущих возбудить какие бы то ни было сомнения, подход с партийных

позиций ко всем преподаваемым дисциплинам должны обеспечить верность будущего строителя коммунизма партии и правительству.

Б отошедшую ныне в прошлое эпоху пролетаризации вузов большевики пытались, кроме того, обеспечить себе верность подрастающей интеллигенции путем социального отбора кандидатов на получение высшего образования. В то время они еще, очевидно, сами верили, что пролетарские слои населения настроены к ним сочувственно или что молодых людей из крестьян и рабочих, а особенно из отсталых народностей можно купить, давая им образование. Они очень энергично, не пугаясь материальных затрат и снижения общего академического уровня, привлекали к учебе представителей этих категорий.

Пролетаризация вузов была, конечно, косвенным признанием, что не вся молодежь поголовно воспитана в советском духе, но создание послаблений и преимуществ при приеме в вузы, материальная помощь в его стенах студентам пролетарского происхождения, а также обеспечение по окончании института более быстрого продвижения по службе, казалось, действительно воспитывали кадры специалистов, обязанных во всем советской власти и поэтому одобряющих или, во всяком случае, поддерживающих советское правительство в его мероприятиях.

Немалое значение сыграла и романтика масштабов строительства и та высокая роль в их достижении, которая отводилась специалистам, закончившим советскую высшую школу. Юношество, легко привлекаемое заманчивыми лозунгами и хлесткими фразами, не могло критически оценить их фактическое содержание. Не зная ни иностранной жизни, ни дореволюционной России, оторванная от непосредственной действительности интенсивной учебной, пролетарская молодежь не имела возможности критически разобраться в явлениях советской жизни и поэтому дольше других находилась под влиянием иллюзий социалистического строительства. Немалую

роль в дезориентации студенчества играла и настойчивая его политическая обработка.

Наличие значительного количества энтузиастов советской индустриализации позволило партии и комсомолу вербовать в свои ряды представителей вузовской молодежи в крупных масштабах. Нигде в Советском Союзе, за исключением армии, так не высока партийно-комсомольская прослойка, как в вузах. Однако наличие других мотивов играло также немалую роль в этом явлении. Только принадлежность к партии и комсомолу открывала и открывает действительные возможности продвижения по службе. Это обстоятельство было советским студентам, несмотря на значительную их оторванность от действительной жизни, уже тогда очень хорошо известно.

«Пролетаризация вузов» сломала костяк российской интеллигенции. И катастрофа полуобразованности не смогла быть изжита даже в результате коренного изменения политики Сталина в вопросах высшего образования, когда, в результате индустриализации и коллективизации, низшие классы перестали быть опорой революции и советская власть стала опираться на «весь морально-политически единый советский народ», т. е. на актив, выделяемый всеми слоями населения СССР. Право на высшее образование из привилегии пролетариата превратилось в привилегию, которую может получить каждый, проявивший активность в служении делу Ленина-Сталина.

В идеале, сталинская власть хотела бы, чтобы высшее образование получали только активисты, чтобы советская интеллигенция так же, как знать, пополнялась исключительно за счет актива. Достичь этого, ей, однако, не удалось, как не удалось в свое время достичь и полной пролетаризации вузов. Больше того, сейчас можно уже с уверенностью сказать, что это принципиально недостижимо. Активист по самой своей природе учиться не хочет: он хочет

продвигаться путем политической работы, ценой политических услуг, оказываемых им власти. Он, если можно так выразиться, «принципиально выезжает» на своей активности. Он и в вузе, и куда бы он ни попал, будет заниматься партийной и общественной работой, компенсируя ею пробелы в академических знаниях. Из него, в лучшем случае, может получиться администратор и организатор, разбирающийся в той или иной области, но никогда не преданный своему делу специалист.

Пополнение высших учебных заведений СССР как за счет низших классов, так и за счет актива потерпело провал. Никакие курсы по подготовке в вуз, никакие факультеты особого назначения и промакадемии не оказались в состоянии разрешить проблему пополнения интеллигенции.

К концу тридцатых годов сталинизму пришлось примириться с фактом: действительно своей интеллигенции он создать не может. Ему остается только лицемерно называть «своей» ту интеллигенцию, которую может выпускать советская высшая школа, и заставлять ее служить себе. Соответственно этому, набор студенчества, а следовательно, и основное пополнение советской интеллигенции стало осуществляться из нормальной средней школы, за счет еще не определивших свое мировоззренческое и политическое лицо юношей и девушек.

Постановление (позднее аннулированное) об отмене стипендий и введение платы за обучение в последних классах средней и высшей школ было поэтому не только элементарным сокращением правительственных расходов на народное образование (сокращение это было невелико). Оно было, прежде всего, отказом от действительного овладения интеллигенцией. Сознательно или бессознательно Сталин отказался тогда от стремления добиться преданной большевизму интеллигенции, как уже раньше отказался от опоры на идейного члена партии. Из социальной группы, на которую большевизм хотел

опереться, интеллигенция превратилась в такой же материал для властвования, как и все остальные слои советского населения. Молодежь и студенчество, вплоть до 1939 года благодарные советской власти за то, что она дала им возможность хотя бы куцего образования (ведь далеко не все понимали, что оно куцее), и сочувствовавшие ей за это, с тех пор стали быстро терять это сочувствие. Мирозренческий пресс и суровая дисциплина по-прежнему давят на студенчество. Но сопротивление этому прессу дело уже не героических одиночек. Недоверие к партийному руководству и прямая к нему враждебность становится в студенческой среде не исключением, а правилом. В этом тоже есть судьбоносный сдвиг послевоенных и послесталинских лет.

Отношение сталинизма к интеллигенции с момента его прихода к власти и до сего дня остается поэтому в основе своей неизменным и навряд ли когда-нибудь может измениться. Это отношение враждебной подозрительности. Своей, преданной ему интеллигенции, Сталин воспитать не смог. Бозложенные на нее функции служения власти интеллигенция выполняет, как правило, против воли, ибо понимает, что делает. *Подлинное образование образует врагов активной несвободы.* Подменить же его фикциями невозможно. Надо стараться использовать для умственного труда людей полуобразованных, хорошо знающих свою специальность, но не способных, да и не желающих, разобраться в вопросах, лежащих вне этой специальности. Советское высшее образование и стремится создать людей именно такого профиля, явно толкая российскую интеллигенцию на путь дегенерации, в конце которого маячит торжество отнюдь не привлекательной фигуры немыслящего интеллигента.

Интеллигенция и власть. Говорить о немыслящей интеллигенции может показаться внут-

ренным противоречием. В Советском Союзе, однако, именно немыслящая и отказывающаяся мыслить интеллигенция существует и составляет численно очень значительную часть образованного класса. Появление и распространение ее — результат подмены жажды знания и понимания тягой к квалификации, к приобретению информации и навыков, открывающих возможность хорошего заработка.

Специальное среднее и специальное высшее образование, даваемое советскими вузами, в значительной мере настроено на создание работников умственного труда именно такого склада. Множество техников, экономистов, врачей никогда самостоятельно не думали ни об истории, ни о философии, ни о литературе и не проявляют ни малейшего интереса к какому бы то ни было движению мысли. Они, правда, сдали положенные зачеты по марксизму-ленинизму, но ухитрились начисто забыть весь проработанный материал. Занятия же литературой социалистического реализма в зародыше задушили в них все эстетические наклонности. Достижения современной науки занимают их ровно постольку, поскольку это касается непосредственно производимой ими (в том числе и научно-исследовательской!) работы. Они не интересуются никакой политикой, не интересуясь заодно и никакими даже отдаленно связанными с политикой общественными вопросами. Немыслящему интеллигенту некогда задумываться о судьбах своей страны и о своей собственной роли в этих судьбах. Он слишком озабочен тем, какое место ему предложат и какую зарплату обеспечит ему это место. Поездка в заграничную командировку интересует немыслящего интеллигента, главным образом, с точки зрения вытекающих из нее материальных выгод, и таможенный досмотр сможет найти у него любые запрещенные предметы, кроме запрещенных книг.

Если ему придется занять ответственное место, он сумеет повести дело так, чтобы на него не легло

и тени ответственности. Он не станет спорить о пороках однопартийной диктатуры, но отметит, что они были следствием культа личности Сталина, преодолеваются вместе с этим культом и, следовательно, принадлежат прошлому, о котором не стоит вспоминать. Он не станет доказывать, что советская власть хороша, но скромно укажет, что жизнь теперь стала без сомнения лучше и, слава Богу, порядочный человек, если он не требует невозможного, может сводить концы с концами.

Он работает добросовестно и если и занимается неблагоприятными делами (а что ж ему делать, раз без того или иного участия в преступной поправочной экономике не обойдешься?), то делает это умеренно и осторожно, ни в коем случае не больше, чем общепринято.

У него есть личные и семейные интересы и некоторые вполне почтенные духовные запросы: шахматы, спорт, электроника, коллекционирование...

Советская власть и партийная государственность для него — атмосфера, климат, к которому он привык, который от него не зависит и разговаривать о котором ему просто неинтересно. Он буржуазен, как французский или немецкий буржуа начала нынешнего или конца прошлого века. И даже еще буржуазней.

Немыслящий интеллигент — безусловная опора партийной диктатуры, не потому что он готов ее защищать, но потому что никак и ни в чем не намерен ей противодействовать. Он не считает существующую власть своей властью, он отнюдь не любит ее и ни на грош ей не верит. Но он склоняется перед ней, как перед непреодолимым фактом, а брежневский иммобилизм кажется ему воплощением уравновешенности и устойчивости.

Борцов за права и свободу он отнюдь не считает преступниками, но неосновательными и опасными мечтателями, нарушающими общественное спокойст-

вие и навлекающими на себя ненужные и неприятные репрессии.

По советским понятиям он, как правило, неплохо зарабатывает. Он, конечно, не наверху, но и не внизу общественной пирамиды. Он — тот самый, чья хата всегда и при всех режимах с краю. Его немецкие собраты при Гитлере говорили: «меня зовут зайчик, я про это не знаю».

В этой немалой массе безмысленных и бесчувственных работников умственного труда вязнут многие партийные начинания, и решения партии и правительства немыслящие интеллигенты проводят совсем не активно. Но в их косной, живущей обывательскими интересами среде вязнут и попытки осмысления и преодоления существующего порядка вещей.

Большинство этой многомиллионной массы, составляют, понятно, технические специалисты и преподаватели технических дисциплин. Трудно представить себе, однако, как именно их растущая численность и, безусловно, растущая роль в техническом развитии может привести к политической технократии..

Но оставим работников умственного труда. Обратимся к тем, кого по русской традиции принято называть интеллигентами. Средняя и низовая советская интеллигенция это тот же народ. Она вышла из народа, почти не отличается от него своим материальным уровнем и бытовыми интересами, связана с ним в своей каждодневной деятельности, знает его заботы и нужды, сочувствует его радостям и горестям.

Ее отношения с властью внешне напоминают отношения низовых аппаратчиков: так же, как и они, она вынуждена проводить в народ решения партии и правительства. Каждый инженер так или иначе должен содействовать повышению производительности труда, каждый землеустроитель обязан следить за соблюдением устава сельскохозяйственной арте-

ли, каждый учитель должен растить из ребят настоящих марксистов-ленинцев. Низовой советской интеллигенции так же, как низовой бюрократии, досталась незавидная роль приводного ремня от партии к массам. Но, в противоположность аппаратчикам, покупаемым властью за отнюдь не густую похлебку, интеллигенция играет свою роль по большей части совершенно против воли, тем более, что по природе своей она народолюбива и, часто даже не отдавая себе в этом отчета, почитает народное благо высшей нравственной ценностью. Она, даже с большим для себя риском, стремится всегда сделать так, чтобы и овцы были целы, где только возможно обманывая власть в интересах народа.

Интеллектуальный и моральный уровень советской интеллигенции пестр. В ней есть люди, неспособные полностью освободиться от внушаемых им пропагандных мифов и фикций. Есть делающие карьеру и во имя этой карьеры ищущие внутреннего примирения с режимом. Есть администраторы, нашедшие свое призвание в организационно-административной деятельности и принимающие советскую действительность как неустранимый факт. Но даже наиболее партийно настроенные среди них хотели бы некоторых изменений в режиме и какого-то минимума гражданских прав. Для них достаточно ясно, что эти скромные пожелания не могут быть осуществлены без глубокого изменения природы режима. Понимание это долго не находило поэтому отчетливого внешнего, да, пожалуй, и внутреннего, выражения и начинает сказываться только в последние годы.

Но есть среди советской интеллигенции прослойка, которая много и упорно размышляет о внутри-российских проблемах и определяет свое отношение к сталинщине как вполне отрицательное. При Сталине это делалось в одиночку, теперь — совместно с друзьями, как об этом свидетельствует непрерывный рост подпольных кружков и содружеств.

Среди этой политически наиболее активной части интеллигенции всегда был очень велик интерес к европейскому и американскому западу, интерес, удовлетворявшийся подчас чрезвычайно своеобразными способами. Основная методологическая предпосылка их верна: не верить ни одному слову партии. Но ведь других источников, кроме советской информации, нет: изоляция СССР от остального мира при Сталине была полнейшая. И все же среди этой группы интеллигенции уже и тогда были люди, далекие от фантастических представлений о Западе. Этому им удавалось достичь упорной и сложной работой. Нам известен кружок, состоявший в конце 30-х годов из студентов последних курсов высших учебных заведений и молодых инженеров. В основу своей работы они положили изучение журнала «Иностранная литература», в котором помещались рецензии на художественные и публицистические произведения, недоступные советскому читателю. Рецензии были написаны, разумеется, с партийных позиций. Но идеи произведения кое-как уловить было можно, кроме того попадались цитаты, которые читатель тщательно переписывал. В результате, удалось составить перечень течений и проблем Запада, путем сопоставления разных рецензий сделать ряд дополнительных открытий, научиться под условные штампы рецензента подставлять перевод на общечеловеческий язык. Работа дополнялась использованием старых иностранных энциклопедических словарей, которые брали в библиотеке под предлогом получения справок специального характера. Таким образом удалось приоткрыть краешек занавеса, отделявшего сталинскую Россию от Запада. Знания, полученные столь странным путем, члены кружка дополняли неизбежными элементами фантазии и остроумными догадками. Нужно прибавить, что члены кружка в своей работе руководились не чисто теоретическими интересами,

а вопросом о силах, которые могли бы принести освобождение от диктатуры.

Если только очень немногие могли найти какие-то суррогаты познания западного мира, то интерес к нему уже и при Сталине был свойствен самым широким кругам интеллигенции. В последние годы перед войной в Ленинграде не сходила со сцены комедия Пристли: «Опасный поворот». Трудно понять, зачем понадобились реперткому перевод и постановка этой комедии, можем быть затем, чтобы иностранцам не слишком бросалось в глаза полное отсутствие переводных пьес в советском репертуаре. Советские театральные критики старались внушить зрителям, что пьеса свидетельствует о величайшем моральном разложении западного мира. Но зритель этому не верил. Он видел в комедии Пристли проблемную пьесу, слышал со сцены людей, которые говорят о живых человеческих чувствах, о конфликтах человеческой совести, то есть о том, о чем в свободнейшей стране в мире говорить не положено, и рвался на пьесу неудержимо.

Социальная функция пьесы оказалась совершенно различной в Лондоне, где она была не больше, чем интересным явлением сезона, и в Ленинграде, где она оказалась большим и крайне неприятным для сталинской власти событием и вызвала настоящее паломничество в театр.

Военные и послевоенные годы принесли в этом отношении глубокие и судьбоносные сдвиги, и в настоящий момент уже никак нельзя сказать, что средний советский интеллигент не осведомлен о жизни вне социалистического мира. Он узнал о ней из трех вполне несоветских источников и составил себе о ней не во всем верное, но достаточно ясное представление.

Источниками его знания были, во-первых, встреча с Европой в результате военных событий 1939-1945 годов и введения на восточно-европейские территории народно-демократических режимов, во-вторых

— иностранное радио на русском языке, которое при Сталине слушали тайно и с величайшей робостью, а при Хрущеве начали слушать открыто, обсуждая сообщаемые им материалы, и, в третьих, хоть и все еще худосочный, но все же введенный в порядке мирного сосуществования государств с различным общественным строем культурный обмен и туризм, позволяющий хотя бы верхушке советской интеллигенции не только на собственном опыте сравнивать описание капиталистической действительности, получаемое из советских и несоветских источников, но и доставать книги, недоступные в Советском Союзе. Раскладывать пасьянс из набранных в советских рецензиях цитат тому, кто интересуется Западом, больше нет надобности, и так называемый Тамиздат (книги, изданные на русском языке вне пределов Советского Союза) служит органическим дополнением к Самиздату.

Из своего знания Запада советский интеллигент вынес совершенно определенное впечатление. Его поразили две вещи: свобода и высокий материальный уровень капиталистической жизни. Демократическую свободу он понял очень верно. Она не оказалась для него чуждым и непонятным миром: слишком сильно и слишком сознательно он хочет ее для себя, и ему невыразимо горько, что все народы на Западе свободны, а вот русский, которого он не может не ощущать великим народом, свободы лишен. В конце войны он не мог не видеть и не понимать, что свобода Франции, Англии, Италии спасена не без его участия. Он приносит свободу другим, а сам остается в цепях. Его чувства напоминали те, с которыми возвращались в Россию офицеры Александра I после низложения Наполеона. Только чувства эти носили гораздо более всеобщий характер. Они охватили не только офицеров, но и солдат, и были горше, острее, обоснованней и в то же время необоснованней. Ведь в 1815 году русские были подавлены превосходством Европы. Все тогда

в западном мире дышало молодой, свежей, растущей свободой. Теперь этого нет, и свободу в Европе либо не замечают, как не замечают воздуха, которым дышат, либо, — и это, увы, советские люди видели очень хорошо, — отрекаются от нее. Советский человек видел немецкий национал-социализм и боролся с ним, неся сталинский коммунизм на его место, но он видел и европейцев всех наций, вполне добровольно поддерживавших Гитлера и с радостью бросившихся служить Сталину. И он понял, что те европейцы, которые стоят за свободу, стоят за нее для себя, а отнюдь не для всех, и что действительной помощи русской свободе с Запада ждать не приходится. Банку консервов на рыло, конечно, пожертвуют, когда нужна русская кровь, и по радио, пожалуй, поговорят, но к русской свободе на Западе равнодушны, а может быть даже предпочитают ей русское рабство.

Русский человек все это очень хорошо рассмотрел. Несмотря на железный занавес и заведомую неполноту информации, он понял — повторим здесь герценовское выражение — «оскорбительно много», и в результате этого понимания окончательно отбросил активное пораженчество начала минувшей войны. Место этого, когда-то распространенного настроения, занимает сейчас требование демократизации и готовность бороться и пострадать за свои убеждения. Поведение Солженицына далеко не единственный тому пример, и не говоря о несомненных героях освободительного движения, имена которых мы не будем здесь перечислять, отметим, что ведь в конечном счете каждый верующий, открыто исповедующий свою веру, и каждый работник Самиздата, распространяющий свободное слово или передающий его для распространения за границу, проявляет эту готовность.

Отношение к Западу в антикоммунистических кругах советской интеллигенции вовсе не то, каким оно было при Сталине в среде внутренней эмигра-

ции. Тогда, сознавая собственное бессилие, люди ждали освобождения с Запада. Теперь — Запад, а в особенности западное радио на русском языке всего лишь желанный тактический союзник. На Запад стараются доставить самиздатовский материал, чтобы радио рассказало о нем тем, кто не может его достать. Запад, прежде всего, — драгоценный источник информации. Ворцам за права и свободу интересно и нужно знать о последнем движении философской мысли, о новых открытиях социальных и исторических наук, о новых решениях вопросов государственного и общественного устройства. В современной советской интеллигенции очень сильна вера в знание и силу знания. И она готова учиться у Запада, но слепо подражать едва ли...

До самых последних лет советская интеллигенция была почти начисто лишена классового сознания. То, что Ленин именовал затушевыванием фразами классовых конфликтов, уже в старой русской интеллигенции было проявлением отсутствия ясно очерченных интересов. Новый советский интеллигент и теперь очень часто верит, что принадлежит лишь к некоторого рода прослойке между классами. Как и старому русскому интеллигенту, ему свойственно думать в категориях всей страны, всего народа, а то и всего человечества в целом, и не придавать значения своему собственному положению в нем.

Сейчас это начинает меняться. Мысль о науке (вернее, о знании) как производительной силе вместе с автоматикой и кибернетикой вошла в интеллигентскую массу и сильно поубавила традиционного народнического преклонения перед простым трудовым народом. Некрасовское «чьи работают грубые руки» ныне теряют, если еще не совсем потеряло свое былое обаяние. Интеллигенция, особенно в своем верхнем слое, начинает иначе смотреть на самое себя. Она сознает свою силу и свое общественное значение, чувствует себя творческим классом и претендует на социальное водительство. Партийная

опека ей надоела, а бюрократическое сословие, распоряжения которого ей приходится проводить в жизнь, воспринимается ею как сборище тупоумных догматиков, тормозящих всякое благое начинание.

Отсюда недалеко до сознания, что господствующая политическая знать с подчиненным ей бюрократическим аппаратом совершенно не нужный стране и народу паразитический класс, и до желания занять его место и по-своему разрешить бесчисленные вопросы, поставленные перед Россией ее историей. Материалы современного Самиздата порой очень ясно говорят об этом.

Мыслящая интеллигенция — несомненная социальная опора деловой знати, либеральные стремления и требования которой находят в ее среде горячую и искреннюю поддержку. Вольше того, у отдельных наиболее активных ее представителей и особенно в среде студенческой и учащейся молодежи эти требования принимают еще куда более острый и революционный характер и сопровождаются полным пониманием необходимости срочной ликвидации режима активной несвободы.

Сохранение партийной монополии в области духовной жизни оказывается, поэтому, более трудным, чем в области материального хозяйства. Сохранение сталинского принудительного фикционализма становится невозможным вследствие отказа от сталинской системы террора. Марксистско-ленинское учение, социалистический реализм и все прочие элементы партийной идеологии потеряли свою убедительность и сохраняются не в силу их превосходства, а лишь в качестве традиционных гарантов культурной монополии партии. Средний советский интеллигент начинает понимать это, и полное его освобождение тормозится не фикциями, а мифами, среди которых есть несколько, с которыми ему трудно расстаться хотя бы в силу того, что он, — и с достаточным основанием, — убежден, что сталинское время прошло и не вернется, что так уж совсем ни за что его,

пожалуй, больше сажать не будут, и что, — пусть лишь медленно и с печальными рецидивами болезни, — но страна находится на пути изживания сталинщины. В его глазах, это изживание, в конце концов, лишь вопрос сроков, и уже в ближайшие годы (или в ближайшие десятилетия, это вопрос темперамента), в стране установится некий «нормальный» человеческий общественный строй и от советской власти останется лишь исторически оправданное (или неоправданное, смотря по личным взглядам) официальное уважение к Ленину, его идеям и внесенным в результате этих идей социалистическим началам в русской жизни.

Миф об эволюции советской власти стар, конечно, как сама советская власть. Но он типичное порождение врожденной человеку склонности принимать чаемое за сущее. Он неистребим в силу именно этой склонности. Он оказал немало услуг сталинизму, хоть при Сталине он был лишь вспомогательным оружием и высказывать его открыто значило совершать враждебный высад или вылазку. Ныне этот миф стал, тоже не высказываемой, разумеется, открыто, но едва ли не главной психологической опорой власти, а в тактике колебаний, смены оттепелей и заморозков, завинчивания и отпускания гаек, он играет едва ли не центральную роль.

С ним тесно связаны такие, в сущности противоречащие марксизму-ленинизму, мифы, как миф об искренности советского миролюбия, миф о том, будто все прогрессивные силы мира сочувствуют коммунистам, миф о том, что, если бы не диктатура партии, при коммунизме могло бы быть очень хорошо, миф о том, будто Ленин хотел добра народу, будто Октябрьская революция была оправдана и толкнула страну вперед, будто большевики сделали много полезного для России, будто ошибки Сталина исправлены или постепенно исправляются его наследниками, будто эти наследники вольно или не-

вольно ведут страну по пути постепенной, но неизбежной эволюции к правовому строю и будто в партии есть силы, обеспечивающие эту эволюцию. С помощью этих мифов миролюбиво настроенный интеллигент может убедить себя, что хоть партийная диктатура и не хороша, но не абсолютно плоха, что следует примириться с ней в надежде, что будет лучше, и, критикуя отдельные большие и небольшие недостатки, стараться придать социализму некое «человеческое лицо».

Активная проповедь всей этой мифологии, демонстрация веры в то, что партия хочет добра народу, что с коммунистами можно жить, что преступления можно забыть, а ошибки исправить, в течение всего периода властвования Хрущева господствовали во всей открытой творческой деятельности советской интеллигенции. Ни один советский писатель, ни один публицист, ни один режиссер не пытался поколебать эти мифы. Всеобщее их признание составляло тот самый оптимистический фон (социалистический реализм), присутствие которого так характерно и для эпилога «Доктора Живаго» и для «Одного дня Ивана Денисовича».

Материальная база: печать, радио, телевидение, кино и театры, аудитории и кафедрные совершенно так же, как и при Сталине, монополизированы партией, и издать колеблющее партийные мифы произведение можно только в Самиздате или Тамиздате, т. е. рискуя попасть в сумасшедший дом или концлагерь. Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» было сознательным отступлением на ясно намеченный оборонительный рубеж.

Линия, за которую новый класс не может отступать в политике, ясна: не только о второй партии, но и вообще ни о каком-либо оформлении политической оппозиции, даже в виде либеральной фракции внутри КПСС, не может быть и речи. Линия, за

которую нельзя отступать в хозяйстве, тоже ясна, хотя бы из косыгинской реформы: ценообразование при всех обстоятельствах должно остаться государственным. На идеологическом фронте эта линия именуется верой в коммунизм или верой в руководящую роль коммунистической партии, неофициально же трансформируется в миф об эволюции советской власти с выводом: потерпим и подождем этой эволюции.

Но если в политической и хозяйственной областях освободительные силы народа ведут бои лишь на дальних подступах к оборонительным рубежам диктатуры, то в области культурного творчества они подошли к этим рубежам вплотную. И если солженицынская повесть «Для пользы дела» не противоречит тезису о том, что партия хочет добра народу, то не только не напечатанные «Раковый корпус» и «В круге первом», но даже и напечатанные в «Новом мире» «Случай на станции Кречетовка» и «Матренин двор» скорее расшатывают, чем укрепляют миф об эволюции советской власти.

Властвующая олигархия отлично знает, что в России немало людей, зачастую талантливых, которые не хотят даже лежать на одном кладбище с коммунистами, как это в свое время броско выразил Есенин-младший. Так же хорошо там понимают, что никакого особого добра народу партийная бюрократия не желает и ни к какой либерализации своей диктатуры не стремится. Господа из нового класса хотят пользоваться завоеваниями революции; они не собираются углублять ее, но и о «реставрации капитализма» не помышляют ни в каком случае.

Задача борьбы на идеологическом фронте понималась при Хрущеве, как задача обмануть народ, внушив ему, что перерождение режима в желательную сторону обеспечено, и показав, что лучшие авторитетные силы творческой интеллигенции стремятся жить с властью в мире и что политический и идейный радикализм, поэтому, не нужен и опасен.

Врежневская реакция вызвана прежде всего тем, что этот обман не удался. Намеченный Хрущевым рубеж в борьбе с культом оказался не пригодным для обороны. В опоре на политическую знать, догматический аппарат и актив руководства КПСС демонстрирует ныне нестигаемость своей воли к сохранению хотя бы фиктивной идейной и культурной монополии, разбивая при этом лучшие надежды и озлобляя лучших представителей мыслящей интеллигенции. Пропагандный аппарат начинает работать при этом почти целиком вхолостую. Мифы превращаются в фикции, и живой мысли и живому чувству можно выразиться только в Самиздате, приобретающем все растущее влияние на умы. Анекдотическая бабушка, переписывающая «Войну и мир» для внуков, отказывающихся читать печатные книги, все больше становится действительностью.

В настоящий момент еще нельзя сказать больше. Мы присутствуем только при начале по всей видимости необратимого общественного процесса: так ярко описанный Джиласом новый господствующий класс социалистического общества раскалывается надвое: с одной стороны, политическая знать, опирающаяся на бюрократический аппарат, с другой, — деловая знать, опирающаяся на интеллигенцию. Первые — носители охранительного, консервативного, догматического начала, стремящиеся сохранить как можно больше из сталинского наследства; вторые — противники системы активной несвободы, носители так называемой «демократизации», ищущие выхода из тупика, в который сталинский социализм привел Россию.

РАБОЧИЙ КЛАСС

Большевизм и рабочий класс. Согласно официальной коммунистической фразеологии, современный СССР был создан рабочим клас-

сом путем диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, в которой пролетариат являлся гегемоном. В настоящее время беднейшего крестьянства уже не существует, а есть зажиточные колхозники, социализм построен, жизненный уровень пролетариата не только выше, чем в любой капиталистической стране, но имеет еще свойство непрерывно возрастать бурными темпами...

Все эти фикции не имеют, разумеется, ничего общего с действительностью. Правда, пролетариат имеет кое-какие жалкие привилегии по сравнению с колхозным крестьянством, но о сколько-нибудь достойном существовании для рабочего люда не может быть и речи. Как и все остальное население СССР, он лишен какого бы то ни было влияния на политику партийного государства. Он лишен свободы слова, собраний и союзов, а стачка, это основное средство борьбы рабочих за свои интересы, рассматривается как прямое нарушение социалистической законности.

Правда, рабочий класс страдает от обилия собраний; нет крупного завода, который не издавал бы собственной газеты, и существует почти необозримая профсоюзная печать; существует множество профессиональных союзов, объединяемых верховным органом — Всесоюзным Центральным Советом Профессиональных Союзов (ВЦСПС). Но собрания — лишь проявления принудительной несвободы: говорить на них надо с партийных позиций. Печать находится в руках партии, а профессиональные союзы представляют собой приводной ремень той же партии к массам, т. е. органы партийно-административной машины, имеющие единственной целью способствовать усилению эксплуатации рабочих под фикцией свободного волеизъявления самих рабочих. В условиях сталинской диктатуры была немыслима и тень протеста против такого порядка вещей. Отказ от культа Сталина в принци-

пе ничего не изменил в положении рабочего класса, и проявляющиеся в настоящее время элементы протеста стали возможны лишь в силу ослабления так называемых «незаконных репрессий», т. е. сталинской техники превентивного террора. Как при Сталине, так и после Сталина рабочие для партийного государства как были, так и остались объектом совершенно бесконтрольной эксплуатации.

Рабочий класс России и по своей исторической судьбе и по своему характеру отличается от рабочего класса Европы и Америки. К 1917 году он еще далеко не успел сложиться. Налицо имелась только тонкая прослойка потомственных рабочих, металлистов и текстильщиков, в начале революции пошедших за меньшевиками, а по мере ее развития присоединившихся к большевикам. Пополнялся рабочий класс почти исключительно за счет крестьянства. Подавляющее большинство русских рабочих были недавними выходцами из деревни и чувствовали себя кровно с ней связанными. Они посылали деньги в деревню, ездили туда на праздники, принимали у себя в городе деревенских родственников. Вольное значение в балансе русской рабочей силы имели сезонные рабочие, являвшиеся в город на заработки, но отнюдь не порывавшие с сельским хозяйством.

В императорской России рабочий класс был лишен возможностей легальной организации. Рабочее движение как и теперь, было подпольным движением, и это, конечно, играло на руку революционерам. Классовое самосознание только начинало зарождаться в рабочей верхушке. Названная «пролетарской» Октябрьская революция развивалась в то время, когда российский пролетариат был еще в пленках и был неспособен понять смысла событий, в которых принимал участие.

Полукрестьянской, точнее полуколхозной, является низовая часть советских рабочих еще и сегодня.

Конечно, кадровый, потомственный квалифицированный рабочий класс за полвека не мог не вырасти численно. Но в такой же пропорции в него вливались все новые и новые выходцы из деревни.

Современный советский рабочий, как и дореволюционный, тесно связан с крестьянином, он знает его быт, его заботы и интересы и несмотря даже на очень острый в СССР антагонизм между городом и деревней, сочувствует ему как родному и близкому человеку.

Смычка города с деревней действительно имеет место, однако вовсе не в той форме, в какой ее описывала большевистская фразеология. Эта смычка вовсе не есть ни победное шествие крестьянства под водительством пролетариата, ни союз дружественных классов. Эта смычка определяется кровным родством и общим рабством. И те и другие понимают это, и совершенно ничтожные, кстати сказать, постепенно упраздняемые привилегии, которые имеют рабочие по отношению к колхозникам, являются, правда, предметом зависти последних, но не служат основой враждебного отношения.

В 1917 году рабочие, а в значительной мере и крестьяне, восприняли советскую власть как свою и народную. В период гражданской войны рабочие почти повсеместно поддерживали большевиков. Они выделяли из своих рядов действительный актив, — главным образом, молодежь, но часто и пожилых рабочих, искренне убежденных, что «большевики — это наши люди».

Связь советской власти с рабочим классом существовала вплоть до укрепления власти Сталина. В течение всего этого периода большевики по-видимому совершенно серьезно считали рабочий класс своей социальной опорой и подчеркнуто стремились продвигать рабочий молодняк к руководящим ролям в социалистическом строительстве.

Первые пятнадцать лет большевистского управления были годами, когда трудовое законодательство еще пыталось считаться с интересами рабочих, когда советская власть пела им дифирамбы и, главное, когда все пути и все двери для людей от станка действительно были открыты.

Поворот в настроениях рабочих начался, однако, уже в первую пятилетку. Миф о своей и народной власти, правда, не скоро выветрился, но, даже считая советскую власть своей, никто уже не считал ее хорошей. Сталинцы поняли это и из «власти пролетариата» переименовались во «власть трудящихся». С исключительным положением рабочего класса как авангарда социалистической революции было кончено. Начиная с 1929 года, социализм строится на крови и поте рабочих, и рабочие знают это. Выделяемый ими актив это, как и во всех остальных слоях населения, прежде всего карьеристы, выслуживающиеся перед властью за счет своих товарищей. Это изменники своего класса, покупающие себе привилегии ценой этой измены. Это, как мы уже говорили, рабы, страстно стремящиеся стать погонщиками.

Сталинская власть, и это мы тоже уже говорили, находит целесообразным задерживать их как можно дольше в их первоначальном состоянии и не давать им слишком быстро продвигаться. Вспартийные в рабочем активе даже имеют некоторое преимущество, ибо благодаря им актив как бы лишается своего партийного облика и демонстрирует единение партии и беспартийной массы.

Актив в период созревшей сталинщины стал вполне инороден рабочей массе, и представляет собой как бы опухоль на теле рабочего класса. Но именно он, в плане организационном, имеет монопольное представительство рабочих в плане социологическом. Рабочая масса молчит. От лица ее говорит, вернее, истошно вопит, актив. Вопли его на языке мифов и

фикций, конечно, совершенно ясно обозначают генеральную линию партии по отношению к рабочему люду. С чувствами и чаяниями этого люда они не имеют ничего общего. Но к этим чувствам и чаяниям мы лучше вернемся после, рассмотрев сначала одну из важнейших социальных проблем в СССР — проблему эксплуатации и пополнения рабочего класса.

Проблема пополнения рабочего класса и создание достаточного числа квалифицированных рабочих довлеет над развитием советской промышленности уже с первой пятилетки.

Недостаток в рабочей силе, особенно в квалифицированной, очень остро ощущался уже в тридцатых годах, а в послевоенные годы превратился в одно из самых серьезных препятствий для дальнейшего роста советского хозяйства.

Он является следствием: а) убыли населения в результате войны; б) наличия огромной армии; в) объема планируемых работ, совершенно непропорциональным силам населения.

В борьбе с недостатком рабочей силы партия применяла и применяет ряд мер, действуя как по линии усиления эксплуатации уже имеющихся рабочих, так и по линии систематического пополнения рабочего класса.

Эксплуатация рабочего класса. Отметим здесь широко распространенные в СССР сверхурочные работы. Сверхурочные работы бывают обязательные и добровольные. «Добровольные» — это, разумеется, не значит, что работает, кто хочет. Вопрос о сверхурочных работах решается на производственных совещаниях, постановления которых обязательны. Добиться же желаемого постановления для сколько-нибудь квалифицированного партийного и профсоюзного актива ничего не стоит. Оппозиция активу в СССР при Сталине была невозможна, а в настоящее время лишь редко приво-

дит к незначительным и, главное, непринципиальным результатам.

Советской власти понадобилось, например, после войны показать, как она заботится о Латвии. Восстанавливалась Кегумская электростанция. Оборудование для нее русские заводы изготовляли сверх плана и сверхурочно. Весь советский народ оказал поддержку братскому латвийскому народу. Трудящиеся Москвы, Ленинграда, Урала, за счет дополнительного трудового напряжения, работали для стройки на Двине, изготавливая для нее аппаратуру, машины, шлюзовое устройство... Рабочие Ленинграда соревновались за быстрейшее выполнение заказов Кегума.

Эти сверхурочные работы для различных строек, осложненные соревнованием, и теперь очень распространенное явление. При всяком прорыве, при всякой опасности невыполнения плана, прибегают к сверхурочным работам, как к единственному способу спасения положения. Советскому рабочему как и при Сталине, так и теперь приходится отрабатывать огромное количество сверхурочных часов.

Еще один способ нахождения рабочей силы представляет собой многократно повторявшееся в разных редакциях «движение из конторы в цеха, на производство». Это организуемое правительством движение производится в форме повторяющихся каждые несколько лет кампаний и имеет видимость народного движения — обычный трюк советской власти.

Так, например, в 1947 году некая Галина Сергиенко, конторщица в Коломне, обратилась с призывом ко всему конторскому люду бросать свои бюро и поступать на производство. Как по мановению волшебного жезла, призыв нашел немедленный отклик во всей стране и развернулась очередная кампания.

Кампания оформилась впервые на Кировском заводе. Там требовались квалифицированные рабо-

чие в цехах турбинном, лопаточном, фасонно-сталелитейном и металлических конструкций. Получить пополнение было якобы невозможно и коллектив завода решил искать людей на самом заводе, главным образом в административно-управленческом аппарате. С этой целью был проведен общественный смотр организации труда служащих и подсобных рабочих. Интересно отметить, что инициатива исходила от завкома. Профсоюзная организация, как всегда, оказалась на первом месте, где речь шла об ущемлении интересов служащих и рабочих.

Директор завода Кузима издал приказ, который обязал руководителей цехов принять в смотре деятельное участие.

В цехах и отделах состоялось более 300 собраний, посвященных смотру. К делу были привлечены профсоюзные активисты и агитаторы. Всюду были развешены агитационные лозунги и плакаты. Выставили четыре витрины с фотографиями добровольцев перехода из конторы на производство. Многотиражка «Кировец» заполнила свои страницы статьями и материалами, посвященными кампании. Активисты заводской библиотеки (есть и такие) составили список книг и брошюр на темы: организация рабочего места, совмещение профессий, многостаночное обслуживание, всего до 180 названий, и организовали передвижную выставку этой литературы, а также распространили книжки по цехам.

В цехах и отделах было создано около 100 смотровых комиссий. В них вошло более 1000 профсоюзных активистов-стахановцев, мастеров, инженеров и представителей партийных и комсомольских организаций. Комиссии сделали сотни предложений. С первых дней смотра служащие и вспомогательные рабочие стали подавать заявления о желании перейти к станкам. Счетно-учетный аппарат завода был в значительной степени разрушен. Это доволь-

но быстро сказалось в работе завода и за это пришлось потом дорого заплатить. Но в период кампании об этом страшно было и думать; задача была одна: найти скрытые рабочие резервы.

Кладовщица превращается в крановщицу; продавщица магазина в нормировщицу лопаточного цеха; раздатчица — в штамповщицу в холодно-штамповальном цехе. Стахановцы-мастера должны помочь служащим овладеть новой профессией.

Аналогичное движение, которое многократно раздувалось в СССР, опять-таки при содействии профсоюзов, это — движение за совмещение профессий. На том же Кировском заводе, в плане той же кампании 1947 года, например, около 60 человек стали совмещать профессии электромонтера и слесаря, шорника и смазчика, грузчика и экспедитора и т. п.

Думая о наемном рабочем в Советском Союзе, отнюдь не следует представлять себе при этом мужчину. Женщины массами встречаются на самых тяжелых работах. Женщины-строители и женщины-грузчики — широко распространенное явление. Как и в крестьянской среде, в рабочем классе неработающая женщина — исключение. Подавляющее большинство женщин работает наравне с мужчинами, неся на себе дополнительные нагрузки по домашнему хозяйству и воспитанию детей.

Пополнение рабочего класса. Советская власть прилагает все усилия, чтобы максимально использовать имеющуюся в ее распоряжении рабочую силу и «вскрыть внутренние ресурсы» советской промышленности. Проблема недостатка рабочей силы в СССР, однако, не может быть решена путем мобилизации такого рода ресурсов, к тому же, в значительной мере, фиктивной. Пополнение рабочего класса должно поэтому осуществляться извне, и оно осуществляется, в основном, двумя путями: 1) путем набора рабочей силы из деревни и

2) путем создания ФЗО (фабрично-заводского обучения, практически закрывающего рабочим возможность перехода в высшие слои советского общества).

Закон о создании трудовых резервов издан осенью 1938 года. Он обеспечивает сеть ремесленных училищ, в том числе и специально железнодорожных, в которые мобилизуются подростки в возрасте 12-15 лет, а также школы ФЗО, в которые мобилизуются подростки и юноши в возрасте от 15 до 17 лет. Эта сеть охватывает тысячи училищ, в которых обучаются миллионы подростков. В подавляющем большинстве случаев мобилизованные подростки отправляются из родных мест в иные, порой очень отдаленные районы страны. Ребятам из Киева и Киевской области свободно могут отвезти в Новосибирск, а воронежских ребят в Донбасс или на Украину. Трудно сказать, в какой мере это явление надо объяснять характером работы бюрократического аппарата и в какой мере здесь преследуется цель разъединить земляков.

Все мобилизованные в училищах получают форму, а в школах спецодежду. В большинстве случаев это плохого качества шинели, стеганные куртки. Обувь — рабочие ботинки на резиновом ходу. Мобилизованным приходится пользоваться одеждой, привезенной из дому. Сроки износа жесткие. Так как воспитанникам училищ уже с первых дней приходится работать на производстве, часто на тяжелой и грязной работе, а на втором году обучения работа занимает уже пять восьмичасовых дней в неделю, естественно, что одежда и особенно низкокачественная советская обувь изнашивается раньше срока. Далекое не все могут получить что-либо из дому, и поэтому нередки случаи, когда воспитанники училищ все лето ходят босиком и вообще выглядят оборванцами.

Культурно-воспитательная работа, конечно, проводится. Обязательным центром ее являются круж-

ки по изучению текущих событий и постановлений партии и правительства. Устраиваются также киносеансы, организуются различные спортивные кружки. Эта отрасль работы преследует, прежде всего, цель физического воспитания и примитивной политической подготовки в советском смысле этого слова. В самом училище общеобразовательные предметы почти отсутствуют, да и преподавание их поставлено из рук вон плохо. Главный упор в теоретических занятиях направлен на изучение основ ремесла, которому обучает училище. В школах же ФЗО теоретические занятия вообще почти отсутствуют и вся учеба сводится к практическому обучению той или иной специальности (каменщик, штукатур, шахтер, сталевар и т. д.). Нравственная сторона воспитания особенно оставляет желать много лучшего. Ребята еще с неустановившимися взглядами на жизнь, на нормы поведения, попадают в условия почти полной безнадзорности. Штат воспитателей, живущих в общежитии, весьма ограничен. В большинстве случаев их роль сводится к роли надсмотрщиков и их авторитет держится на страхе воспитанника получить лишний наряд, попасть в карцер. Бывают и случаи, когда воспитатели прибегают и к подзатыльникам как к мере воздействия. Положение ухудшается еще и тем, что предприятия, которым по контракту передаются молодые рабочие-подростки после окончания училищ, не предоставляют им сразу комнат или общежитий. Часто окончившие училища продолжают еще по году, а то и по два жить в общежитии училища.

Нередко общежития училищ и рабочие общежития представляют одно целое. Это приводит к тому, что 12-14-летние ребята живут вместе с 19-20-летними юношами. Естественно, что младшие начинают жить интересами старших, а эти интересы ведь часто бывают вовсе неподходящими для подростков. Ненормальная обстановка делает обычными такие

явления, как курение, матерщина, обостренный интерес к плохой жизни.

Конечно, не везде картина такова, как описано выше. В училищах, расположенных в столицах или крупных городах, при показательных заводах — порядки иные, внешне многое выглядит иначе, но в провинции, на далеких от центров заводах, на шахтах и в рудниках, действительность бывает еще более ужасной.

Таковы внешние условия, в которых куется пополнение рабочего класса, но не в этих условиях дело. Решительные мероприятия по улучшению условий жизни и учебы воспитанников ремесленных училищ, и школ ФЗО, если бы партия и правительство были в силах их провести, ничего не изменило бы в том основании, на котором строится эта система.

Новое классовое сознание. После окончания ремесленного училища молодой рабочий обязан проработать три года на предприятии, обычно на том, при котором было училище. По истечении этого срока он по возрасту попадает под призыв в армию. Таким образом, вырванный из семьи 12-14-летним мальчиком, он возвращается в нее снова уже сложившимся 22-23-летним молодым человеком. Перед таким, вернувшимся из армии молодым человеком теоретически открыты возможности получения образования, но практически пути к этому закрыты. Те года, в которые ученье дается легко, уже прошли. Забыты даже те азы, которые дала начальная школа, а затем училище. Нет средств для того, чтобы заняться только учебой, а совмещать работу и учебу мало кому под силу. Да и психологически это чрезвычайно трудно, так как, после десяти лет казарменной жизни, молодой человек ощущает стремление к домашнему очагу, стремление к оседлости. Но создание очага опять-таки требует средств. Для

молодого человека остается только один путь — на завод, на шахту, на стройку, на работу по той специальности, которую он в одних случаях лучше, в других хуже освоил в училище. Создается армия молодых рабочих с примитивным образованием, с ограниченной технической подготовкой, с далеко не всегда устойчивыми моральными основами. Перспектив для продвижения нет, если не говорить о возможности продать душу партии и идти в актив. Впереди только один путь: продажа своей мускульной силы и ремесленного умения на тех условиях, которые ставит всемогущее государство-хозяин, т. е. на условиях нищенских и бесправных. Таким образом из года в год идет пополнение армии молодых рабочих, «рабочего молодняка», как его величают партийные газеты. Создается своего рода новое сословие, все более и более резко отграниченное от других слоев советского общества. Члены этого сословия фиктивно продолжают именоваться хозяевами страны, но никто из них ни в малейшей степени не чувствует себя хозяином. С рабочих, правда, спрашивается меньшая дань активной несвободе, чем с интеллигенции или знати, но и они закабалены добровольно-принудительным участием в соцсоревновании, в собраниях с вынесением резолюций, которые им либо безразличны (если дело идет о том, чтобы осудить американскую агрессию или требовать освобождения заключенных греков), либо бьют по их интересам (если дело идет о дополнительных обязательствах). Они чувствуют себя объектом эксплуатации и называют себя *работягами*, вкладывая в это слово оттенок вынужденного смирения перед судьбой.

Подростки, мобилизованные в ремесленные училища, с самого начала чувствуют себя обиженными по сравнению с теми, кто учится в нормальной школе. Дорога вверх им закрыта и в гражданской

жизни, и в армии, где их ровесники, воспитанники офицерских школ, отделены от них и дисциплинарно и психологически, и воспринимают как должное, что солдат не смеет сесть в его присутствии.

Рабочие, особенно молодые, зачастую чувствуют себя не только обойденными, но и униженными. У них вырабатывается классовая психология, отделяющая их от вышестоящих слоев, особенно же от новой знати, против которой накапливается обида и ненависть. Так называемое бесклассовое общество на наших глазах расслаивается на классы.

Расслоение это уже к концу жизни Сталина резко бросалось в глаза. Тут и мундир, и погоны, и шпаги, и ордена, и специальные учебные заведения. Современный советский юноша в своем общественном положении в значительной мере уже определен своим рождением. Если он родился в знатной семье, он наверняка не попадет в ремесленное училище, а окончит десятилетку. Он не будет за гроши работать на заводе, а пойдет в институт или офицерскую школу. Он не чувствует себя равным молодому рабочему, да и молодой рабочий не чувствует себя ему равным. Но известно, что в низших общественных слоях, в тех слоях, в которых люди чувствуют себя угнетенными, зарождается ненависть к угнетателям. Именно таково социальное происхождение ненависти солдата к офицеру, рабочего к хозяину, современного советского рабочего к партийной власти.

С другой стороны, однако, у нижестоящего, да еще принужденного жить в таких условиях, в каких живут угнетенные рабочие массы в СССР, рождается и стремление любым путем выбиться наверх, в люди. Нормальная дорога наверх советскому рабочему молодняку закрыта; остается только один путь — через актив, через комсомол, через партийный и непартийный большевизм. Вступая на этот путь, человек вступает в тяжелую сделку со своей

совестью и идет по нему, заглушая совесть. Только вполне заглушив ее, он становится настоящим твердокаменным большевиком-сталинцем, и тогда, если он обладает деловыми способностями или талантами, он может подняться очень высоко по иерархической лестнице советской власти, но рабочим он перестает по существу быть уже со дня своего первого выступления на партийном или профсоюзном собрании.

Если в начале революции можно было таким образом говорить о том, что рабочие были обмануты большевиками, то теперь этого сказать уже нельзя. Современный советский рабочий превосходно понимает свое положение и гораздо меньше склонен верить в коммунистические мифы и фикции, чем люди привилегированного слоя и даже интеллигенция.

Вместе с колхозниками, рабочие — это низы советского общества. Многомиллионная рабочая масса политически все еще остается пассивной. К смещению Хрущева она отнеслась совершенно так же равнодушно, как к его борьбе с антипартийной группой Молотова-Кагановича-Маленкова, или до того к расправе над Берией. Даже смерть Сталина и борьба с культом личности не вызвала в рабочей массе особых эмоций. Ничего в этом отношении не переменилось и теперь. Рабочие, как, впрочем, и все обывательское большинство советского населения, с полным основанием убеждены в том, что никакие перемены на верхах не принесут сколько-нибудь существенных изменений в их положении. Они искренне радуются, когда на рынок выбрасывается тот или иной товар, и искренне огорчаются, когда он снова исчезает, а кто там у них, наверху, кем и чем управляет — им совершенно безразлично.

От просоветских настроений времен гражданской войны и последовавшего за ней нэпа в рабочей мас-

се не осталось и следа. Энтузиазм (далеко, впрочем, не повсеместный), с которым рабочая молодежь приняла первую пятилетку, давно исчез. Советскую власть давно перестали считать своей пролетарской властью. О сочувствии ей не может быть больше и речи. Рабочие, как и крестьяне, отлично понимают, что коммунисты жестоко их обманули, что власть бессовестно их эксплуатирует, что народное хозяйство ведется из рук вон плохо, что свободы нет никакой, а лгут коммунисты нахально и на каждом шагу. Именно рабочие и крестьяне во многих местах с цветами и хлебом-солью выходили летом 1941 года навстречу немецкой армии, именно они в форме рядовых красноармейцев сотнями тысяч сдавались в плен, чтобы погибнуть в немецких лагерях смерти. Об этом не следует забывать, вспоминая о том, как они стали сражаться, когда поняли, что немцы несут им не меньшее порабощение, и что борьба идет вовсе не за социальный или экономический строй, а за национальное бытие России.

И они, и советская интеллигенция твердо верили в то, что конец войны принесет коренные сдвиги во всей структуре российской народной жизни, что стоит только справиться с немецким нашествием, как начнется какая-то иная, советская и несоветская в то же время и, во всяком случае, гораздо лучшая жизнь. Новая сталинская пятилетка, прежние славословия Сталину, прежний партийный зажим и возвращение к превентивному террору развеяли эти надежды и внесли в душу рядового советского обывателя, рабочего, крестьянина или интеллигента (в этом отношении между ними нет существенного различия) настроение глубокого разочарования, безнадежности и пессимизма, толкающее его в тупик равнодушия и пассивности, из которого он только в самые последние годы начинает понемногу выбираться.

Нет никаких сомнений в том, что современный советский рабочий уже выработал классовую ненависть к верхнему привилегированному слою советского общества. Его не только раздражает хамство, которое позволяет себе по отношению к нему всякого рода начальство, его возмущает несправедливость социального строя, в котором он видит себя лишь безответным работягой, объектом партийной эксплуатации. В последние годы, оправившись от сталинских расправ, он начинает понемногу «качать права», иначе говоря, настаивать на своем человеческом достоинстве и на своем праве жить по-человечески. Но опыта классовой борьбы у него нет никакого. О возможностях рабочих организаций, как средства борьбы за свои интересы, он имеет лишь самое смутное понятие. О сколько-нибудь ясном обобщении своих экономических и социальных требований, не говоря уже хотя бы о наметке политической программы, он еще не задумывается. Его не столь уж редкие выступления носят всегда ограниченный местный характер и вызываются всегда каким-нибудь особенно возмущившим его местным ущемлением его законных интересов и прав, недостатком продуктов, повышением цен, понижением заработка. Но случаев стихийных забастовок, демонстративных выступлений, уличных беспорядков и даже бунтов (как в Новочеркасске и Темир-Тау) можно было бы привести немало, и это свидетельствует о том, что в рабочей среде идет чрезвычайно опасное для власти определенно антисоветское брожение.

Советские рабочие сегодня — это вполне определившиеся враги советской власти, уже не желающие больше мириться с нею. Когда-то они любили ее и считали своей властью. Тем более они ненавидят ее теперь ненавистью простых измученных людей, которых долго и нагло обманывали.

КОЛХОЗНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Историю советского крестьянства, если ориентироваться на самое крестьянство, а не на общеисторические даты, нужно, конечно, начинать не с 1917, а с 1929 года.

Установление колхозного строя. Перестройка, внесенная в жизнь русской деревни коллективизацией, несравненно глубже и серьезней изменений, внесенных в нее 1917 годом. Она превратила деревенское население СССР из мелких крестьян-хозяев в людей, лишенных какой бы то ни было собственной инициативы, в нечто среднее между крепостными и сельскохозяйственными рабочими, со всеми вытекающими отсюда социальными и психологическими последствиями.

Казалось бы, время идет. С 1929 года прошло уже больше сорока лет. Не только молодежь, но и взрослое население деревни почти не помнит времени НЭПа и индивидуального хозяйства. Она не умеет представить себе конкретно не коллективизированных полей и работы вне бригад и звеньев так же, как не может представить себе никем не преследуемую частную торговлю или двух агитаторов, противоречащих друг другу. И, тем не менее, она не любит колхоза и горячо желает уйти из него, продолжая в этом отношении традицию отцов.

Первый период истории колхозов (1929-1932) — это период отчаянного сопротивления крестьянства политике партии. Экспроприруемое крестьянство отвечало волнениями, убийствами партийных работников, массовым убоем скота, отказом работать в колхозе. Партия приняла свои меры: бесконечные карательные экспедиции, знаменитая «ликвидация кулачества как класса», страшный закон об охране социалистической собственности от 7 августа 1932 года и искусственно созданный голод 1932-1933 гг.

В 1933 году сопротивление крестьянства было сломлено и колхозная практика восторжествовала по всей линии. Установилась эра сталинской «счастливой и зажиточной жизни».

В этот период сложились основные черты колхозного быта. Устав сельскохозяйственной артели, производственный план, работа на колхозных полях бригадами и звеньями, приусадебные участки, социалистическое соревнование, всепроникающее партийное руководство, массовое бегство колхозников из деревни и непрерывные волны административных нажимов — все это наполнило собою жизнь колхозной деревни. Вся жизнь деревни оказалась подчиненной производственным кампаниям: посевной, прополочной, уборочной, семенной и множеству других в борьбе за выполнение и перевыполнение производственного плана.

Война нанесла сильнейший удар сельскому хозяйству СССР, а в оккупированных областях — и самой колхозной системе. Любопытно, что гитлеровское руководство не только не хотело разрушать колхозы, но пыталось их сохранить. Гитлеровцы быстро оценили достоинства системы закрепощения крестьян, дающей, казалось бы, полную возможность контроля над сельскохозяйственным производством.

Оккупанты были, однако, лишены средств достаточно глубокого проникновения в крестьянскую жизнь (у них не было деревенских партийных организаций и колхозного актива), и поэтому колхозы развалились. При попустительстве местного немецкого командования, к концу оккупации колхозы продолжали существовать лишь формально.

По мере продвижения Советской армии на запад, колхозы немедленно восстанавливались. При этом советская власть изображала дело так будто крестьяне насильно были лишены своих любимых колхозов немцами, а теперь с восторгом возвращаются в колхозное состояние. Но никакого восторга не

было. Возврат к колхозному существованию означал для крестьянина лишь подчинение внешней непреодолимой и враждебной силе.

В зонах, не подвергавшихся немецкой оккупации, колхозный строй, разумеется, сохранился. Но к концу войны колхозы и здесь оказались очень ослабленными. Пострадала техническая база колхозов. В армию было взято огромное большинство трудоспособного мужского населения. С тех пор работа на полях легла почти целиком на плечи женщин, стариков и подростков. Значительные колхозные земли на основе постановления СНК и ЦК ВКП(б) от апреля 1942 года были предоставлены различным предприятиям, учреждениям и организациям во временное пользование, которое безусловно могло превратиться и в постоянное.

Колхозная дисциплина ослабла. Нарушения устава сельскохозяйственной артели были массовыми, и работа стала вестись малочисленными звеньями, которые на практике нередко совпадали с семьями. Среди населения все больше крепла мысль, что после войны будут большие перемены и колхозы будут отменены. Власть не опровергала этих слухов: она не хотела во время войны ссориться с населением.

Среди таких настроений окончилась война, и в феврале 1946 года было принято, как и всегда историческое, постановление Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». Цель постановления, как и всегда, в кратчайший срок обеспечить обилие продовольствия и промышленного сырья, а одновременно и накопление солидных государственных резервов, для чего потребовалось всего лишь напряжение всех сил тружеников сельского хозяйства, упорный труд всей массы колхозников и работников МТС, высокая их сознательность и организованность, улучшение партийного руководства, всемерное развертывание по-

литической работы в деревне и изучение классиков марксизма. За постановлением последовал голод. Но агитационные фикции вовсе и не означали сытости. Они означали утверждение незыблемости колхозного строя и звучали похоронным звоном для остатков крестьянства, в дни военных испытаний необоснованно и наивно надеявшегося на хотя бы частичное смягчение своей зависимости и, по крайней мере, на сохранение за собой увеличившихся вопреки колхозному уставу приусадебных участков.

Отношение к приусадебному участку у советской власти всегда было двойственное. С одной стороны, это несомненная уступка частнособственническим настроениям крестьянства. С другой стороны, однако, приусадебный участок, как мы знаем, — немаловажный источник пропитания сельского, а отчасти и городского населения и дает возможность снижать долю крестьянина в колхозных доходах. Поэтому приусадебные участки, находящийся в частном владении скот и инвентарь строго регламентируются властью и то уменьшаются, то увеличиваются, в зависимости от партийной политики в деревне.

Политика же эта и при Сталине и сейчас сводится к попыткам с помощью административных мероприятий заставить людей работать на полях и сдавать государству продукцию по совершенно мизерным ценам. Внешне это выражается в постоянном метании от укрупнений к разукрупнениям, от учреждения в 1947 году должности заместителя директора МТС по политической части до полного упразднения самих МТС при Хрущеве. В агротехнике то вводится травополье, то вводятся чистые пары, то все силы бросаются на яровизацию, на сверххранний сев, на вспашку по зяби, то проходит по всему Союзу правительственное увлечение кукурузой, посеvy которой сулят разрешить зерновую проблему, то... не стоит перечислять кампаний, каждая из которых

обещала в свое время поднять сельскохозяйственное производство и увеличить выход продукции на гектар, на хозяйство, на душу населения. Им нет числа, и всем им сопутствуют новые приемы и методы подгонять, принуждать и выявлять недостаточно рьяных и недовольных. Недовольных много. Каждый колхоз — гнездо недовольных именно этими методами.

Борьба с недостатками колхозов. Борьба партии с недостатками колхозов напоминает мифическую борьбу героя с чудовищем, у которого на место отрубленных вырастают новые и новые головы. Когда учреждали должность замдиректора по политической части МТС, то рассчитывали и писали то, что писали, впрочем, по другим поводам, и раньше и позже: «добиться улучшения работы МТС, обеспечить правильные взаимоотношения между МТС и колхозами и соблюдение договорных отношений, чтобы в этих отношениях не было взаимного укрывательства недостатков работы как МТС, так и колхозов».

Это взаимное укрывательство практически с самых первых лет стало основой колхозного быта. Люди объединяются в стремлении обмануть руководство и тем ослабить гнет нестерпимо тяжелой жизни. Руководство стремится разоблачить этот обман, изобретает новые виды контроля и создает целую армию специальных контролеров. И попытка решить все вопросы путем установления должности заместителя директора МТС по политической части была лишь одним из бесчисленных эпизодов борьбы сталинской власти со своим народом, борьбы, которая не может быть изжита, пока не будет изжита сталинщина.

Главным орудием проведения политики партии и правительства в деревне являются, однако, все же партийные организации. Роль партийных организаций в деревне изображается следующим образом:

а) разъяснить значение социалистического соревнования,

б) поднять всех колхозников на всенародное дело,

в) возглавить движение за подъем сельского хозяйства,

г) пропагандировать опыт стахановцев социалистического земледелия,

д) подтягивать отстающие хозяйства до уровня передовых,

е) вовлечь в соревнование молодежь и женщин, *«являющихся большой силой в сельском хозяйстве»*,

ж) обеспечить широкую гласность соревнования, систематически освещать достижения передовых участков соревнования.

Ничего нового во всем этом нет: это давно уже твердо установившиеся формы массовой политической работы и в городе и в деревне. Стоит, пожалуй, отметить внимание, которое обращается на женщин и молодежь. *Мужчин в колхозе мало. Мужчины лежат в братских могилах на огромном пространстве от Волги до Одера, или исчезли в качестве зэков в бесчисленных лагерях ГУЛАГа. Немалое количество вполне добровольно ушло в промышленность. И огромная тяжесть по выполнению планов в сельском хозяйстве ложится на женские, детские и, отчасти, на старческие плечи. Факт этот является центральным в жизни послевоенного колхоза.*

Внутренняя жизнь колхозов с официальной точки зрения характеризуется как непрерывная борьба за выполнение и перевыполнение плана, как непрерывное преодоление трудностей. Не все благополучно обстоит в колхозах даже с официальной точки зрения. Неблагополучия в колхозной жизни, которые настойчиво отмечает советская пресса — это недостатки организации труда и многочисленные нарушения устава сельскохозяйственной артели. Но для непредубежденного взгляда ясно, что это не

случайные недостатки, подлежащие устранению, и обреченные, благодаря мудрому руководству партии, на быстрое исчезновение. Под этими неблагоприятными кроется важное явление: это *неприятие* массой колхозников *порядка, навязанного им властью*. Это неприятие легко обнаружить в каждой мелочи колхозного быта.

Во всяком случае, партия считает необходимым решительно бороться с недостатками колхозной работы. Начинать борьбу нужно с устранения недостатков планирования. При составлении планов, надлежит учитывать опыт передовых колхозов и равняться по этим колхозам. Отнюдь не средние требования должны быть положены в основу плановых расчетов, а так называемый «дифференцированный подход». Это значит, что должны быть учтены особенности колхоза и, в соответствии с этим, намечены основные линии работы, равняясь, разумеется, не по отстающим, а по передовым.

Но что такое передовой колхоз? Это — своеобразное явление колхозной практики в СССР, которое для судеб массы колхозного населения имеет поистине роковое значение. В каждой области есть несколько колхозов — любимчиков власти, несущих функции актива. Эти колхозы-активисты обслуживаются в первую очередь и наилучшим образом. Они лучше всех механизированы. В них не бывает недостатка в запасных частях или горючем. Они в первую очередь снабжаются квалифицированной рабочей силой. Они вовремя получают сортовые семена. У них лучшие лошади, породистый скот, хорошие хозяйственные постройки — все это за счет государства. Колхозы эти щедро премируют. В этих колхозах хорошо подобраны и осыпаны наградами ударные бригады, в них нет недостатка рабочей силы. Естественно, что в этих колхозах ставятся непрерывные рекорды трактористами, комбайнерами, косцами, свинарками, работницами по уходу за

свеклой. Допустим, что норма, установленная государством для урожая свеклы, 150 центнеров с гектара. Но бригады пятисотниц дают 500 центнеров. Что они поставлены в привилегированное положение, что у них есть подсобная сила, что они обеспечены всеми видами удобрений, что они получают такую техническую и агрономическую помощь, о которой другие не смеют мечтать, об этом не принято говорить. Но рядовые колхозы не смеют в своих планах останавливаться на 150 центнерах, а обязаны повысить ее, равняясь на опыт передовых.

Следующей важной задачей в колхозах признается правильная организация труда. Прежде всего, считается необходимым устранить обезличку. Каждая работница должна быть прикреплена к определенному сельскохозяйственному процессу, провести его от начала до конца и нести за его результаты ответственность. Эта элементарная хозяйственная идея, однако, с величайшим трудом поддается организационному решению. В сельском хозяйстве всегда возникает столько неотложных задач, что при нехватке рабочих рук единственный выход из положения — переброска людей с одного участка на другой, а это путает плановые предположения и вносит в трудовые процессы элемент ненавистной обезлички. Устранить обезличку поэтому не удается, тем более, что в ее сохранении заинтересованы колхозницы, которые стремятся избегать ответственности за результаты своей работы, в огромном большинстве случаев несоответствующие плановым наметкам. Но партия делает все, чтобы достигнуть своей цели. Она требует укрепления производственных бригад. Бригады должны быть постоянными по составу, под руководством одного и того же бригадира, выполнять строго определенную и строго учитываемую работу. Конечно, бригады должны перевыполнять план и должны упорно соревноваться друг с другом.

Крестьянство и колхозы. Люди сопротивляются этим порядкам.

Без остро возбуждающих внешних средств, колхозная система и, особенно, колхозные власти все время стремятся впасть в самоуспокоенность, создать в сельском хозяйстве отношения семейственности. Без резких окриков и репрессий сверху, колхозы давно бы охватил всеобщий паралич. А без решительных мер по охране их имущества, их растащили бы по частям.

Воля крестьянства к сопротивлению коллективизации была в свое время сломлена только голодом и репрессиями. Крестьянин первых лет коллективизации чувствовал себя ограбленным и поработченным, но внутренне оставался прежним крестьянином, только с жестоко травмированной психикой.

В последующие годы в этой психике произошел ряд глубоких структурных изменений. В этом направлении действовало два основных фактора.

Во-первых, в связи с индустриализацией страны и ликвидацией безработицы для части колхозного населения открылась возможность уйти в город. Это было настоящее бегство из колхоза. В дальнейшем, беглецы превратились в рабочих.

Вторым фактором была совершенно новая организация труда в деревне. Теперь каждый крестьянин был ответствен перед начальством за порученные ему элементы или участок работы; не он являлся творцом хозяйственного плана, который спускался сверху и в казенном порядке одобрялся собранием колхозников. Крестьянин оказался прикрепленным к частице хозяйства, к одному какому-нибудь процессу (доярки, свинарки). От *былого крестьянского хозяйственного универсализма не осталось и следа.* Теперь не редкость встретить крестьянина, который не умеет запрячь лошадь, не знает, как за нею ухаживать, не всякий умеет косить, и никто не умеет

самостоятельно вести хозяйство в сколько-нибудь значительных масштабах.

Так наметилась возможность перерождения психики крестьянина-собственника в психику потомственного батрака.

Процесс этот еще не получил завершения по вине самой власти. В целях освобождения себя от всяких забот об оплате колхозников сталинские руководители хозяйства предпочитают держать их на остатках продукции, называя это личной заинтересованностью. Эта система натурального вознаграждения, осложненная расчетами по трудодням, отняв у крестьянина самостоятельность, ничего не дала ему взамен. С этим крестьянин примириться не может, как он примирился бы, в конце концов, с батрацким положением. Власть упорно держится за свою сельскохозяйственную артель и не желает превратить ее в честный совхоз. Этим она поддерживает неугасимое пламя недовольства.

Добровольность вступления в эту артель, демократичность этой организации, выборность ее органов, все это чистейшие фикции, и крестьянство очень хорошо это понимает. Смотреть на колхоз глазами начальства крестьянство не в состоянии и никогда не будет в состоянии. Реальная природа колхоза такова, что она всегда будет вызывать возмущение крестьянства. Крестьянство никогда не простит большевикам и не забудет экспроприации своей земли и лишения прочих средств производства. Но в какой-то мере примириться с этим оно могло бы, если бы советская власть перевела крестьянина на положение сельскохозяйственного рабочего. Этого не случилось, и потому жало крестьянской оппозиции остается невырванным. Так крестьянская психология, которую коммунисты хотели бы вырвать с корнем, поддерживается ими самими.

Необходимо остановиться еще на значении приусадебного участка и месте, которое он занимает в

крестьянской психологии. Обычно полагают, что приусадебный участок — это вынужденная уступка, сделанная крестьянской психологии. Это не так. Приусадебный участок — это способ решить вопрос пропитания крестьян за счет добавочного крестьянского труда. И хотя крестьянство проявляет чудеса трудолюбия и искусства на своем участке (укрепляя тем колхозную систему), дело здесь не столько в упражнении частнособственнических инстинктов, сколько в спасении себя от голода. Приусадебный участок для крестьянина то же, что шлюпка для потерпевших кораблекрушение: пока люди не достигли берега, шлюпка для них необходима. Если бы Сталин, Хрущев или Брежнев сочли возможным превратить колхозников в батраков и обеспечить им сносный прожиточный минимум, приусадебные участки приобрели бы характер домашнего занятия между делом и ими занимались бы не как одним из главных источников дохода, а просто «из интереса» и, главным образом, нетрудоспособные.

Несмотря на ряд элементов крестьянской психологии, колхозное крестьянство, в сущности, больше не крестьянство. Крестьянство уничтожено как класс. Оно деклассифицировалось. В его составе есть еще люди, желающие и потенциально способные вернуться к индивидуальному крестьянскому хозяйству. Возможно, что есть такие и в городах. Но их заведомо недостаточно. Из созданного сталинской коллективизацией тупика нельзя выйти, даже повернувшись вспять к мелкой крестьянской собственности. Хрущевские эксперименты, как и брежневские пленумы с научным подходом и деловым настроением ничего не дали, да и не могли дать.

Работать в колхозах на основе устава сельскохозяйственной артели никто не хочет. Всякий, кто способен уйти из деревни, спешит уйти из нее в город, на строительство, на шахту, на лесозаготовки, куда угодно, лишь бы подальше от постылых кол-

хозных полей. Если бы партия и правительство не принимали против этого мер, в колхозах, вероятно, никого не осталось бы, кроме безмужних женщин, стариков и администраторов. Но уходу в город поставлено правовое препятствие: паспортная система. Колхозник не имеет права покинуть свое местожительство, не имея в кармане паспорта, т. е. без разрешения соответствующих властей. И тут лишь острая нужда в рабочей силе открывает ему узкие лазейки, через которые взрослое мужское, а отчасти и женское население систематически покидает деревню.

Значительная часть мужской молодежи расстается с колхозом, не возвращаясь в него из армии. Кто может, устраивается учиться. Но, кроме того, колхозы имеют право, а иногда и обязаны отпускать своих членов в качестве рабочих на стройки, на лесозаготовки, на шахты, на сезонные и временные работы, давая им соответствующие справки. С этими справками люди покидают колхоз, получают временное право жительства вне родной деревни, селятся в каких-нибудь общежитиях и стараются закрепиться в новой обстановке. Рано или поздно это им обычно удается. Временное местожительство превращается в постоянное, новый рабочий приобретает какую-либо несложную квалификацию и, будучи нужен своему предприятию, постепенно обрастает справками и ходатайствами, на основе которых добивается уже постоянного паспорта.

Уйти в город — затаенная мечта почти всех советских колхозников. Деревня, бывшая и до, и после революции постоянным людским резервуаром, сейчас сама остро нуждается в рабочих руках. Сельское население перегружено женщинами, детьми и стариками. Это еще более ухудшает и без того почти нестерпимое бытовое положение колхозов. Не говоря о репрессированных, современный колхоз это дно советской жизни и горе тому, кто находится на этом дне!

Глава 6

ПОДКОНВОЙНЫЙ МИР

Репрессированные граждане СССР при Сталине. — Их категории, их судьба. — Перемены после смерти Сталина. — Подконвойный советский мир сегодня. — Политические заключенные и их значение в жизни советского общества.

В противоположность советской жизни на воле, информацию о которой приходится добывать из разнообразных и зачастую неполноценных источников, жизнь в тюрьмах и лагерях описана в многочисленных мемуарах как русских, так и иностранных авторов, дающих исследователю драгоценную возможность увидеть ее глазами самих заключенных. Кошмарный лагерный мир, в котором Солженицын видит земную редакцию дантова ада, жил и живет по законам сталинщины, то самой, о которой Пастернак не решился писать, потому что «продолжать было бы непомерно трудно», потому что писать о ней «надо так, чтобы замирало сердце и подымались дыбом волосы».

По формуле одного из бывших заключенных — Михаила Розанова — «концлагерь — это оголенный большевизм под микроскопом»*. Эта формула не пустая фраза; лагеря недаром называют «советскими университетами». Сталинщина отразилась в них в почти неискаженном виде. А изменения в них, как при Ленине и Сталине, так и до сих пор, продол-

* М. Розанов. Завоеватели белых пятен. Изд. «Посев», 1951.

жают отражать все изменения в политическом лице режима.

Нет сомнения, что постепенное расформирование массовых исправительно-трудовых лагерей после смерти Сталина было огромным сдвигом в советском обществе.

Главное Управление Лагерей, легендарный ГУЛАГ, не только переименовался в ГУИТУ, Главное Управление исправительно-трудовыми учреждениями, но и перестал быть государством в государстве; его хозяйственная деятельность перестала быть одним из важнейших факторов в экономике Советского Союза; заключение в лагеря перестало быть выполнением планового задания, спускаемого сверху в карательные органы, потерявшие право карать по распоряжению одного только Сталина; репрессии, и теперь непомерно жестокие и по большей части преступающие даже советскую законность, перестали быть превентивной мерой: предъявляемые обвинения зачастую плохо обоснованы, но тем не менее перестали быть чистой фикцией; карательным органам ставится цель отыскивать и подавлять, в первую очередь, действительных врагов режима и действительных преступников.

Число заключенных в тюрьмах и лагерях уменьшилось в несколько раз. Но лагеря не исчезли, жизнь в них не стала легче, и А. Д. Корзухин (ст. Решеты) с основанием пишет Солженицыну, что «описанный вами день не сошел с экрана жизни»*. Подлинные преступники, уголовный элемент, и сейчас составляют лишь меньшинство в лагерях, и многочисленных зэков ни в коем случае нельзя смешивать с ними. Ни репрессированные по политическим мотивам, ни репрессированные за целый ряд преступлений, ежедневно и ежечасно совершающихся в силу об-

* А. Солженицын. «Читают 'Ивана Денисовича'». (См. его Собр. соч. т. 5. Изд. «Посев», 1969.)

щих условий советской жизни, отнюдь не уголовный элемент.

И при Сталине и теперь многочисленное сословие зэков пополняется не только за счет статьи 58 (теперь 70) УК РСФСР, приводившей в лагеря за редким исключением лишь фиктивных вредителей, саботажников и прочих так называемых врагов народа. Оно шло, например, и по Указу от 7 августа 1932 года об охране социалистической собственности, или по закону о двадцатиминутном опоздании на работу. Оно производилось и производится за бесчисленные служебные преступления: за хищения, растраты, спекуляцию, за незаконные сделки, за участие в той самой подпольной, но вполне реальной второй социалистической экономике, которую мы описывали выше (см. стр. 61-87). Как при Сталине, так и теперь, в принципе, каждый советский гражданин может оказаться за проволокой. Вопрос о том, окажется ли он при этом политическим или не политическим заключенным, лишь вопрос юридического оформления, диктуемого принятой в данный момент политикой партии.

ПРЕСТУПНЫЙ МИР

Разумеется, в СССР есть преступники и в тесном смысле этого слова: убийцы, грабители, воры всевозможных специальностей, мошенники, фальшивомонетчики и т. д. Есть в СССР и проституция, вопреки торжественным, но совершенно фиктивным заявлениям, что ее нет, так как существование ее якобы невозможно при социализме.

Мир этот, вообще говоря, малоинтересен, так как он повторяет в своем быту и организации то, что существует и в других странах. Но есть в этом мире особенности, относящиеся к генезису преступных элементов и к взаимоотношению между этими элементами, властью и населением. Особенности эти оригинальны и свойственны только СССР.

Чрезвычайно важной и характерной особенностью подлинного преступного мира в СССР является (не говоря о той огромной роли, которую он сыграл в 1917 — 1920 годах) его влияние на стиль всей советской жизни.

В противоположность капиталистическому окружению, великосветскость в СССР вплоть до самой войны имела только очень узкий круг поклонников. Своеобразный лихой шик преступного мира — «блатной малины» — напротив, и до сих пор импонирует весьма широкому слою городского населения. Полноценная уличная проститутка Москвы или Ростова, настоящий уркаган, вор, бандит, или специалист по подделке документов, непременно должен обладать этим шиком.

Уже по походке («и он идет, его качает словно лодочку») его можно отличить не только от «лягавых», но и от «мусорóв», от всей прочей добропорядочной людской мелкоты, которую он считает мусором и к которой относится в лучшем случае со снисходительным презрением. Трудноуловимые, но весьма отчетливо всеми ощущаемые грани отделяют этот мир, зтот «большой свет снизу», от «хулиганья», от «дешевки», которая тянется к нему, стремится войти в него и старательно копирует его внешнее обличье, его жизненный стиль и манеру себя держать.

Роковую роль в этом сыграла первоначальная установка советской власти, видевшей в босяках и преступниках социально-близкий элемент. Антибуржуазность, интеллигентская богема, поиски новых, якобы пролетарских, форм поведения и общения повели к тому, что припартийная молодежь, комсомол двадцатых годов с открытым сердцем стал пользоваться воровским жаргоном, а воровская нахрапистость и развязность стала считаться наилучшей формой проявления пролетарского происхождения и пролетарских симпатий.

Эта же установка повела и к развитию хулиганства, одного из гнуснейших явлений советской жизни, возникшего тоже в результате того обаяния, которое, как мы уже отметили, социально-близкий преступный мир, особенно в двадцатых годах, оказывал на молодежь.

«Хулиганы» — это по большей части молодые люди, для которых стиль и повадки воровского мира являются идеалом. Хамство, всякого рода распущенность, по большей части мелкое, но иногда и крупное воровство и, главное, безобразничанье, хулиганство без всякой цели и смысла, в пьяном и трезвом виде считаются в этой среде шиком. Результат хулиганства — часто ничем, кроме желания нахулиганить, не обоснованные преступления, и понятно, что хулиган легко и необдуманно идет на уголовщину, далеко еще не став профессиональным преступником.

Как в лагерях, так и на воле хулиганы и хулиганство давно уже отравляют жизнь советских людей, заражая паразитизмом и хамством все новые и новые поколения рабочей и учащейся молодежи.

Хулиганство и хулиганы — это поистине бич советской жизни. В промышленных городах существуют целые районы, где уголовники и хулиганы — власть, и где, особенно по ночам, они терроризируют не только население, но и милицию и дружинников, созданных для борьбы с ними, но, кстати сказать, не так уж от них отличающихся. Среди социальных низов они образуют своего рода подпольное государство в государстве, живущее по собственным традициям и правилам и враждебное не только советской власти, но и всякому человеческому обществу.

От коммунистической сознательности они свободны совершенно так же, как деятели незаконной поправочной экономики и как интеллигенты, передающие друг другу запрещенную литературу. Разница в том, что они никому не оказывают никаких

услуг, сознательно стремятся жить паразитами и любой идеал относят либо к разряду фикций, вроде трудового энтузиазма или горячей любви народа к родной коммунистической партии, либо к сентиментальному нытью о пропащей жизни.

Их жизнеощущение, охватывающее зачастую и детей хорошо обеспеченных партийных родителей, питается из всепроникающего лицемерия советской жизни и убожества советского быта. Оно — порождение бесплодного нигилизма, один из уродливейших пережитков сталинщины.

Настоящие преступники-профессионалы, живущие в своем воровском «законе», презирают хулиганье. И все-таки хулиганья, вернее, попавшихся на том или ином правонарушении хулиганов, в тюрьмах и лагерях не меньше, чем настоящих профессиональных урок. Именно там, где твердость воровской этики как раз и обнаруживается, хулиганам принадлежит самая гнусная роль. Под их воздействием прежняя, когда-то очень устойчивая воровская этика, которой славились урки, постепенно разлагается.

Если настоящий старорежимный уркаган когда-то мог отнестись к попавшему с ним на одни нары беспомощному и растерявшемуся интеллигенту со своеобразным презрительным благожелательством, то уже в тридцатые годы уголовник, пришедший в преступный мир через моральное разложение и хулиганство, первым делом начинал терроризировать его с тем, чтобы снять с него сапоги или забрать хлебную пайку.

ТЮРЕМЩИКИ

Если, несмотря на свою относительную немногочисленность, уголовные элементы делают трудновыносимой жизнь остальных заключенных, то тюремщики — лагерная администрация и охрана — доводят их до предела отчаяния. Несчастные зэки, уком-

плектованные из всех слоев советского населения и отличающиеся от остальных граждан только своим подконвойным положением, страдают от преступного произвола как снизу — со стороны уголовников, так и сверху — со стороны работников карательных органов.

Не будем возвращаться к нравственному облику самого Сталина и сталинцев. В главе «Этика сталинизма» (см. «Сталиницина как духовный феномен», стр. 159) мы писали, что «субъективно, нравственный облик этих людей — тайна, вероятно и для них самих», но что в них, вероятно, «живет некое подобие злой совести, голос которой зовет их не к добру, а ко злу и упрекает не за злые, а за добрые поступки». Мы писали там же, что «право на преступление — основополагающий принцип большевистской нравственности». И право это, конечно в первую очередь, предоставлено органам государственной безопасности и их работникам.

И хоть узаконенное убийство и называется «казнью», Ягоду, Ежова, Берия и тысячи «славных чекистов» следует отнести к преступникам, хотя они точно так же лишь выполняли поставленные им задания, как и работники гитлеровского Гестапо.

«Они только выполняли, что с них требовали положения, инструкции, приказы, — пишет Солженицыну практический работник органов Захарова. — От себя на месте ничего не придумывали, пользуясь бесконтрольностью культа личности. *Ведь эти же люди, что работали тогда, работают и сейчас.* Может быть, добавилось процентов десять — и за хорошую работу поощрялись не раз, являются на хорошем счету, как работники»*.

Воспитанные и натренированные на то, чтобы превращать во «врага народа», в «отходы общества» любого попавшего к ним в лапы человека, из-

* См. «Читают 'Ивана Денисовича'».

жившие в себе все остатки совести, жалости и сочувствия, эти «кадры» не уступают в жестокости профессиональным взломщикам и убийцам. Начальники режима, подобные лейтенанту Волковому в «Одном дне Ивана Денисовича» не исключение, и уголовники для них не столько «социально», сколько психологически близкий элемент.

Держать колонну заключенных часами на морозе в ожидании пересчета и «шмона» (обыска); кормить людей селедкой, а потом не поить во все время многосуточного железнодорожного пути; регулировать выход в уборную; набивать заключенных в так называемый «воронок» (тюремная машина) не в переносном, а в буквальном смысле, как набивают сельдь в бочку; делать из них, — особенно в пересыльных лагерях и на этапе, — добычу для уголовников — все это кажется тюремщикам делом вполне обычным, нормальным; все это не рассматривается как наказание и производится каждодневно, принося им душевный покой, сознание выполненного долга, и даже поощрения за хорошую работу.

Страшное, трудно вообразимое для нормального человека сознание, злая совесть выражает себя во всей их деятельности, подсказывая и жестокость режима, и бесчеловечность наказаний, и превращая пребывание в карательной системе в подлинную школу унижения и ненависти.

КАТЕГОРИИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ

Если подходить к понятию гражданских прав со всей строгостью, то их вообще не существует в советской стране. Но даже в системе заведомо ущемленных прав советского гражданина очевидно, что уже члены колхозов, то есть четвертая часть населения страны, не являются равноправными гражданами. Прикрепление их к колхозам есть, конечно, форма крепостничества.

Как неполноценных, а практически, следовательно, и неполноправных граждан власть рассматривает, несмотря на освобождение, и всех когда-либо репрессированных и всех, кто во время войны, пусть даже недолгое время, жил под немецкой оккупацией. Органы государственной безопасности не без основания считают, что антисоветские настроения особенно сильно распространены в этой среде. Ни отсутствие каких-либо обвинений, ни реабилитация и снятие судимости не снимают с них этого пятна.

В меньшей степени ущемлены, даже в советских своих правах, и рабочие, и интеллигенты, и даже служащие государственного аппарата, если они не члены партии и не имеют перед ней особых заслуг. Но все же, говоря о неполноправных гражданах, мы последуем обычному словоупотреблению и будем иметь в виду только тех, кто обязан жить в строго определенных для них местах под формальным надзором карательных органов.

Численность, состав, да и номенклатура различных категорий неполноправных граждан изменялась при Сталине, изменяется и теперь, но несмотря на эти изменения ее можно грубо представить в таком, примерно, виде:

1. *Заключенные в лагерях и тюрьмах полной изоляции особого или каторжного режима (КТР).* Это учреждения с наиболее суровым режимом, откуда люди, как правило, не возвращаются. Это лагеря истребления, полностью изолированные от внешнего мира. При Сталине, особенно после войны, их было, очевидно, немало, но есть достаточно оснований думать, что они есть и сейчас. (Впрочем, сообщение родственникам о приговоре «без права переписки» при Сталине могло означать и расстрел.)

2. *Заклученные в лагерях общего и строгого режима* (ныне ИТК — исправительно-трудовые колонии). Они лишены, разумеется свободы передвиже-

ния, зачастую фактически и права и возможности свиданий с семьями, находятся на скудном пайке и заняты принудительным трудом, для большинства очень тяжелым; впрочем, здесь всегда наблюдалось некоторое разнообразие условий. В социалистической экономике заключенные лагерей этого типа представляют собой источник рабочей силы, которая должна быть как можно лучше использована.

В последний период сталинщины, когда восставали разрушения военного времени, лагеря общего режима были разбросаны по всей стране, включая и крупные центры, а население их исчислялось миллионами. Сейчас лагерей стало меньше, но имеющиеся не пустуют.

3. Система ОКБ (особых конструкторских бюро экономического управления при спецтюрьмах, ОГПУ-НКВД-МВД). В этой системе эксплуатировались заключенные высоких, преимущественно технических, квалификаций. Называемые в просторечии «шарагами» или «шарашками» эти «первые круги» лагерного ада предоставляли своим заключенным относительно сносные условия жизни, требуя от них взамен беспрекословного и квалифицированного выполнения любых научно-технических задач.

При Сталине эти бюро играли немалую роль в советском научно-техническом развитии, особенно в засекреченной его сфере. В настоящее время они, по-видимому, перестали существовать.

4. Лица, отбывавшие принудительные работы по месту службы, главным образом по упраздненному ныне закону о двадцатиминутном опоздании. Этот весьма распространенный накануне войны вид репрессии уже в послевоенный период стал сходиться на нет. Да практически осужденные по трудовым законам 1938 года ведь и не лишались свободы. Принудительность их труда выражалась лишь в том, что они, во-первых, ни под каким видом не смели

покинуть места своей работы, а во-вторых, получали на руки лишь определенную часть зарплаты (смотря по приговору).

5. *Спецпереселенцы*. В прошлом это, главным образом, бывшие кулаки и подкулачники, высланные на отдаленные окраины и здесь оставленные на свободе. Положение их в правовом отношении было лучше, чем у заключенных, но в отношении бытовом, пожалуй, временами и хуже. Им было настрого запрещено покидать назначенное место жительства, но заботы о них государство на себя не приняло никакой. Завезенные в самые гиблые места, например, в глухую тайгу, они в большинстве либо вымерли, либо разбежались. Было их, вероятно, включая семьи, несколько миллионов.

За кулаками и подкулачниками последовали, тоже миллионные, массы населения ликвидированных автономных республик, к которым в добровольно-принудительном порядке присоединились затем репатрианты из гитлеровской Германии и жители оккупированных областей, которым не было предъявлено никаких прямых обвинений, но которых власть посчитала целесообразным переселить по меньшей мере на несколько лет подальше от родных мест. Формально многие из них остались свободными советскими гражданами, но фактически их положение оказалось очень близким к положению ссыльных. Ныне этой категории больше нет.

6. *Ссылные*. Это люди, высылаемые с места жительства обычно на Север или в Среднюю Азию на несколько лет, или бывшие заключенные, которым запрещено возвращаться на прежнее место жительства. Они находятся под надзором карательных органов, в которых обязаны периодически регистрироваться. К какой-либо работе они допускаются только с одобрения этих органов. В остальном сравнены в правах с местным населением.

7. Люди с «минусами». Люди, которым по отбытии срока наказания разрешено свободно выбрать себе место жительства «минус такие-то города». Это обычно крупнейшие центры страны. «Минусов» бывает от трех до сорока, временами бывало и больше.

8. Заключенные в специальных психобольницах (СПБ). Специальные тюремно-психиатрические больницы в Казани и Ленинграде существовали уже при Сталине, и инспектировавшая их комиссия ЦК КПСС во главе с А. И. Кузнецовым обнаружила в них в 1956 году наряду с душевнобольными, — также и сотни психически вполне здоровых людей. В сравнении с миллионами репрессированных эти сотни, однако, мало что значили. Фикция: «врагом нашей партии может быть только душевнобольной» сформулирована не была. Не потому, что бредовой кошмар тогдашней юстиции был реальностью, — с реальностями сталинский фикционализм не считался, — но скорее всего потому, что такое утверждение противоречило бы тезису обострения классовой борьбы в ходе социалистического строительства и означало бы скорее сокращение, чем расширение масштабов террора.

Даже в глазах Сталина и Вышинского неувменяемость могла служить, по-видимому скорее оправдательным моментом, и НКВД переняло у Наркомздрава Центральный научно-исследовательский Институт судебной психиатрии им. Сербского, и учредило собственные тюремно-психиатрические больницы, вероятно, просто в порядке округления своей системы, своего собственного «государства в государстве», не особенно задумываясь о том, как их использовать.

Фикция, утверждающая, что враждебное отношение к коммунизму — проявление психической ненормальности, понадобилось впервые Хрущеву, когда он объявил, что «у нас нет политических заклю-

ченных». Она оказалась полезной корректурой к сталинской мифосистеме; она подтверждала фикцию морально-политического единства советского народа и подкрепляла отказ от сталинского тезиса об усилении классовой борьбы, открывая в то же время возможность изолировать в психиатрических учреждениях тех, к кому было трудно или нежелательно применить Уголовный кодекс.

С тех пор использование психиатрических учреждений как метода изоляции и «перевоспитания» политических противников стало развиваться, и в настоящее время заключенные «дурдомов» (советский язык уже реагировал на новое явление созданием нового термина!) насчитываются тысячами если не десятками тысяч. В послехрущевские годы открылись новые СПБ в Черняховске, Минске, Днепропетровске, Орле, отстроены «спецпсихосанатории» в Полтавской и Киевской областях, в ряде существующих психиатрических лечебниц учреждены специальные палаты.

Таковы основные категории неполноправных граждан Советского Союза (не считая действительных уголовных преступников и действительно душевнобольных). Они многочисленны и соотношение их в разные периоды истории советской власти менялось и продолжает меняться, следуя за изменениями в законодательной и карательной политике партии. Между ними, однако, всегда сохраняется ряд градаций, объединенных лишь общим моментом ущемления в правах, сознанием непоправимости этого ущемления и вытекающей отсюда общей психологической настроенностью. И карательные органы, и сами репрессированные, и все их сограждане знают, что реабилитация не отменяет фикции «у нас зря не сажают»; тот, кто однажды попал под какую бы то ни было репрессию, осужден до самой смерти оставаться *гражданином второго сорта*; ни ему, ни его детям и родственникам даже с совершенно чистыми паспортами никуда не уйти от анкет-

ных вопросов, а «бдительное око» (и не одно, а много) неуспешно следит за правильностью даваемых на них ответов.

СИСТЕМА КОНЦЛАГЕРЕЙ

Наиболее типичная группа репрессированных — заключенные в обычных исправительно-трудовых лагерях. Каково им жилось и живется, — достаточно хорошо известно. Но сколько их было и есть, в скольких лагерях они прошли и проходят свой страшный путь, какое значение для страны имел их каторжный труд, какова реальная стоимость построенных ими объектов, сколько жизней положено на этих стройках?

Сколько-нибудь точного ответа на эти вопросы нет и быть не может, по той простой причине, что в течение всего существования советской власти временами громогласно выговаривалась (стоит только вспомнить Болшевскую коммуну и первый советский звуковой фильм «Путевку в жизнь»!), а временами стыдливо, но недвусмысленно подразумевалась одна из наглейших фикций: в стране социализма нет концентрационных лагерей, а есть только немногочисленные исправительно-трудовые заведения, в которых преступники перевоспитываются в полноценных граждан. Силою этой фикции в период сталинщины в общую печать никогда не проникло ни одной строчки, позволяющей заключить о существовании системы ГУЛАГА, во всех лагерях имелась культурно-воспитательная часть (КВЧ) и издавалась газета «Перековка», со всех репрессированных всегда бралась подписка о неразглашении виденного и пережитого, а построенные ими объекты без околичностей приписывались работе энтузиастов-комсомольцев (Комсомольск на Амуре далеко не единственный пример!).

Не только существование концлагерей, но и условия жизни и работы заключенных, тем не менее и

тогда уже не были тайной. Любое обобщение, однако, будет всегда лишь обобщением личного опыта одного или многих лиц, плодом рассуждения и выводом из заведомо недостаточного, хоть и полноценного материала. Удовлетворимся поэтому тем, что мы знаем, что через сталинские лагеря и последующие ссылки пропали десятки миллионов людей; что в пятидесятых годах сотни тысяч были реабилитированы, вернулись живыми в родные места и рассказали о пережитом, и что напечатание в «Новом мире» «Одного дня Ивана Денисовича» означало лишь признание случившегося, сопровождаемое мифом о том, будто большинство реабилитированных и в лагерях оставались верными ленинцами, пострадавшими только в результате преступной деятельности наймита международного империализма Берии и его сообщников.

СРЕДНИЙ ЛАГЕРЬ ПРИ СТАЛИНЕ

Режимы отдельных тюрем и лагерей всегда отличались, да и сейчас отличаются друг от друга, и различия эти существенны для заключенных. Они колеблются от условий терпимых и выносимых до условий совершенно нестерпимых, прямо ведущих к гибели. Как правило, каждый заключенный переживает на личном опыте целую гамму режимов, меняющихся отчасти в зависимости от его поведения и умения устраиваться, но в гораздо большей мере от объективных, никак не зависящих от него обстоятельств. В течение всего заключения он — игрушка этих обстоятельств; его повсюду сопровождает сознание своей беспомощности, бессилия и унижительной зависимости. Он может писать жалобы и многие, особенно поначалу, пишут и, по слову Солженицына, «ждут, время считают: вот через два месяца, вот через месяц ответ придет. А его нету. Или: 'отказать'».

Заклученные понимают, конечно, что их тюремщики — слуги режима, исполнители воли внешней недостигаемой силы, той самой, вердикт которой всегда один: «в жалобе отказать». Все понимают, что лагеря созданы, конечно, не ими, но именно они — решающее звено в цепи мучений, через которую проходит заключенный. Тюремщики, как правило, злы, и между ними и зэком зияет пропасть, «оголенно и под микроскопом» повторяя отчуждение и ненависть, разделяющие власть и подвластных и по другую сторону колючей проволоки.

Так было при Сталине, так осталось и теперь. И несомненное уменьшение числа лагерей и заключенных не только не внесло в тюремный и лагерный режим элементы гуманности, но наоборот сделало его еще более бесчеловечным. На строительстве Беломорско-Балтийского канала заключенные гибли, как мухи. В этом нет никакого сомнения. Но им никто и не объяснял что они «не на курорте». Поступив в распоряжение ГУЛАГа, они рассматривались, прежде всего, как подневольная рабочая сила, из которой надо выжать максимум. И выжимали. Не чтобы специально мучить людей, а чтобы выполнить план. Принципиальной разницы между волей и лагерем в этом отношении не было, и гибель людей объяснялась не желанием их погубить, а невозможностью сохранить их в тех условиях, в которые они были поставлены, и перед лицом задачи, которую должны были вышолнить, хотя бы и ценой гибели.

Роскошное издание, озаглавленное «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» под редакцией Максима Горького, разумеется, ничего не имело общего с действительностью. Но и в поведении работников ГПУ и в замысле было скорей равнодушие — «подохнут и черт с ними!» — нежели сознательное желание замучить до смерти.

Именно тогда установилась практика предоставления самим заключенным административных и ин-

женерно-технических должностей, что немедленно привело к образованию своеобразной лагерной знати, получившей значительные бытовые привилегии, но расплачивавшейся за них огромной рабочей нагрузкой и такой же огромной ответственностью (деятельность их сплошь да рядом оканчивалась вторым сроком).

Во время первой пятилетки, когда лагеря заполнялись в основном раскулаченной крестьянской массой, практически каждый интеллигентный или хоть мало-мальски грамотный человек был нужен и легко устраивался в какую-нибудь контору. Но по мере того, как сталинское «обострение классовой борьбы» охватило все советское общество, ГУЛАГ получил в свое распоряжение уже избыточное число интеллигентов, и доступ в административно-технический персонал осужденным по 58-ой (политической) статье УК стал преграждаться, хоть, правда, несмотря ни на какие циркулярные распоряжения, никогда не мог быть прегражден полностью.

Административно-технический и обслуживающий персонал от ведущего прораба и главного бухгалтера и до десятника и парикмахера составлял в сталинских лагерях замкнутый круг. Люди в нем были связаны сложной системой различных уловок, цель которых одна: сделать так, чтобы по пословице «и волки были сыты, и овцы целы», чтобы по официальным отчетным данным передаваемые лагерю задания были выполнены и перевыполнены, а рядовому лагернику было при этом записано сто процентов выполнения нормы, если он выработал хотя бы восемьдесят. Эта деятельность заключенного административно-технического персонала, несомненно, облегчала участь многих зэков. В постоянном риске, сопряженном с систематической туфтой (фальсификацией отчетности) можно даже видеть своего рода героизм, правда, вынужденный объективным положением вещей, ибо заставить истощенного лагерника работать так, как требовало от него пар-

тийное государство, не смогла бы никакая сила, показать же обстановку такой, какой она была на самом деле, значило бы расписаться в неспособности выполнить поставленное задание, потерять занимаемую должность, опуститься в лагерные низы, получить второй срок, рано или поздно погибнуть.

По самому роду своей деятельности заключенный административно-технический персонал сталинских лагерей не мог не поддерживать самых тесных сношений не только с рабочими бригадами, но и со своими тюремщиками, с начальствующими работниками НКВД-МВД, и со службой охраны. В интересах сохранения собственного положения, что в лагерях было почти равнозначно сохранению жизни, и прорабу, и завскладом, и простому конторщику совершенно необходимо было так или иначе со всеми поладить, каждому оказать услугу, нередко противозаконную и наказуемую. Отсюда устойчивые, своего рода даже приятельские связи многих отнюдь не бессовестных лагерников с отвратительнейшими представителями ГУЛАГа и то доверие, которое оказывалось последними своим заключенным помощникам. Составить нужный отчет, изобрести очередной трюк, произвести незаконную операцию с деньгами, с продуктами и вещами, со сдаваемой лагерем продукцией, кому же доверить это, как не заключенному бухгалтеру, начальнику продовольственного отдела или прорабу? Чекисты точно так же втирают очки начальству, как и все остальные жители самой счастливой в мире страны, и административно-технический персонал лагерей поставлял им в этом деле кадр замечательных помощников.

В эпоху ГУЛАГа система концлагерей была своего рода производственным комбинатом. Можно быть разных мнений о его целесообразности и рентабельности, при оценке которых естественно встают вопросы реальной стоимости рабочей силы заключенных, о вреде, нанесенном другим областям народного хозяйства в результате изъятия из них

рабочей силы, об убытках от использования людей не по специальности, о расходах по содержанию аппарата ГУЛАГа. Но хозяйственное значение системы лагерей — особая тема. Экономическая функция ГУЛАГа интересует нас лишь в той мере, в какой она определяла в свое время дисциплину и быт заключенных, начиная с питания и кончая фикцией перековки, от которой власть никогда, ни на минуту не отказывалась.

П и т а н и е. В эпоху расцвета ГУЛАГа питание в лагерях было еще более дифференцированным, чем теперь, причем это зависело отнюдь не только от местных условий и общего положения в стране. Желудок может быть смело назван основным стержнем трудовой политики ГУЛАГа. Число так называемых «котлов» по различным лагерям и в различное время было различно. В 1932 году в Белбалтлаге было всего три котла — для административно-технического персонала, для выполняющих норму и штрафной, для не справляющихся с нормами. Организаторы лагерного хозяйства без труда поняли, однако, что дифференциация питания — мощный способ стимулирования хронически голодающих заключенных. М. Розанов* называет для Печорских лагерей накануне войны целых десять котлов.

Первый — для стахановцев и рекордистов (за 150% и выше выполнения нормы).

Второй — ударный (за 110 — 149%).

Третий — общий для тяжелых работ.

Четвертый — общий производственный, откуда получали питание и не выполнившие нормы тяжелых работ.

Пятый — инженерно-технический для начальников цехов или частей командировки.

* М. Розанов, Завоеватели белых пятен.

Шестой — административно-технический, для заключенных, служащих в лагерной администрации.

Седьмой — больничный.

Восьмой — для слабосильных по назначению медицинской комиссии.

Девятый — для неработающих: полных инвалидов, пересыльных и т. п.

Десятый — штрафной, для отказавшихся от работы, посаженных в карцер или выполняющих норму менее, чем на 60%.

В других лагерях бывало, конечно, иначе, но принцип дифференциации питания сохраняется и до сего дня. Заключение в советских тюрьмах и лагерях всегда было и остается пыткой голодом, и даже незначительные колебания в количестве и качестве пищи оказывают на поведение зэков огромное влияние.

Условия труда в лагерях всегда были и остаются тяжелыми; в эпоху ГУЛАГа во многих местах они были убийственными. Где только возможно, была введена сдельщина, дневные же задания были таковы, что без приписок и фальсификации отчетности нормальный человек, как правило, выполнить их не мог. Невыполнение же нормы влекло за собой в лучшем случае увеличение рабочего дня, а в худшем — снижение нормы питания. И то и другое вело к дальнейшему истощению и без того уже измученного и изголодавшегося зэка. Для людей слабых и неприспособленных к физическому труду направление в рабочую бригаду нередко было равнозначно смертному приговору — систематическое переутомление и недоедание ослабляло их изо дня в день все больше и больше, пока они, наконец, не попадали в категорию «доходяг» («доходить» на лагерном жаргоне значит «умирать») и не гибли от полного истощения.

Жилищные и бытовые условия в лагерях эпохи ГУЛАГа свободно выдерживают сравнение с любыми рабовладельческими факториями. Срубленные из сырого леса и проконопаченные лесным мхом бараки на севере, землянки на юге; сон на нарах, построенных сплошь да рядом не из досок, а из слегка подтесанных бревен, или вповалку на земляном полу; теснота, доведенная порой до того, что заключенные вынуждены спать все на одном боку и поворачиваться по команде. Превращение вошебоек и бань в своего рода фиктивный или почти фиктивный ритуал, духота и множество насекомых, а зимой еще пронизывающий холод и сквозняки. Одежда всегда недостаточная. Медицинская помощь в объеме ограниченном (не говоря о хроническом остром недостатке в инструментах, материале и лекарствах) правилами, согласно которым врач не имеет права освободить от работы больного, если у него нет повышенной температуры, а общее число больных не должно превышать нескольких процентов от общего состава лагерников. Неудивительно, что в этих условиях выжить было трудной задачей, и средняя продолжительность жизни зэка была короткой. (Воздержимся от искушения вывести какую-то среднюю цифру.)

Б л а т и т у ф т а. Чрезвычайно тяжелый лагерный режим несколько смягчался, однако, в то время широким распространением «туфты» и «блата» — очковтирательства и протекции. Только благодаря им зэк вообще спасался и мог выжить. Само слово «блат» заимствовано из одесского воровского жаргона и означает воровскую протекцию, взаимную выручку, взаимопомощь на основе личного доверия, в обход существующих законов и предписаний. В лагерной жизни блат спасал тысячи жизней. По блату в состав административного, технического и обслуживающего персонала, (на лагерном жаргоне — «в придурки») устраивались лю-

ди, без которых можно было бы обойтись, но которым таким образом создавались более сносные условия существования. Туфта имела (да, впрочем, и сейчас имеет) решающее значение при распределении нарядов на работу и при закрытии «процентовки», ведомости о выполнении заданной работы в процентах: в порядке туфты к рабочему времени приписываются часы; расстояния, на которые заключенные производят перевозку грузов вручную, увеличиваются на много метров; холмы, которые нужно срывать, превращаются в горы, а песок в камень. Благодаря блату, занятые в лесу зэки могли собирать грибы и ягоды и даже ставить силки и капканы; известно, что по блату тайные скупщики золота ухитрялись получать его с Колымских приисков. Блат во всей советской жизни, а особенно в лагерях, во многих случаях важнее формальных преимуществ.

С точки зрения формальной этики распространение блата, конечно, признак глубокой коррупции. Но во всем СССР, а в лагерях в особенности, своя этика, к которой не следует применять обычных масштабов. В противоположность общепринятой морали, мораль советского человека неизбежно вступает в конфликт с правом. Соблюдающий советские правовые (а в особенности концлагерные) нормы очень часто поступает против совести, а нарушающий эти нормы нередко делает благое дело. И во всяком случае туфта и блат вносили в гулаговский подконвойный мир элементы, пусть извращенной, но человечности. В современных советских концлагерях их стало меньше.

Перевоспитание трудом бесспорно одна из безобразнейших коммунистических фикций. Но от нее ни на минуту не отказывались даже в многомиллионном рабовладельческом хозяйстве ГУЛАГа. Почти во всех лагерях всегда издавались стенные, а иногда и печатные газеты, обычно носив-

шие название «Перековка». Всегда был и декорум клубов, библиотек, лекций, киносеансов, спортивных матчей, театральных спектаклей и даже политических митингов и трудового энтузиазма. На все это тратилось, правда, меньше средств, чем на воле; отсюда меньший масштаб и меньшая заметность этих мероприятий, не означающая, однако, принципиального отличия в характере их применения.

Эффект поклонения фикциям в лагерях, тем не менее уже и при Сталине был совершенно иной, чем на воле. Объясняется это отнюдь не тем, что в условиях лагеря пропаганда особенно резко противоречит действительности, но прежде всего тем, что зэку нет необходимости ей верить. Он уже осужден и «враг». Политическая сознательность может улучшить его положение только в том случае, если он пойдет до конца и начнет «исправляться» и «стучать куму», то есть делать доносы на своих товарищей по лагерю. А в лагерях не только солженицынскому Ивану Денисовичу крепко запомнилось: «в лагере вот кто погибает: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к куму ходит стучать». Вырванная из общей системы советской жизни на воле специфическая лагерная фикция «перековки» неприкрыто свелась поэтому в сталинских лагерях к своей хоть и немаловажной, но вторичной функции, повышению эксплуатации заключенных.

Функции воспитателя того времени хорошо характеризуются М. Розановым: «Прежде — при ГПУ — их назначали из числа политически развитых заключенных, не взирая на статьи Кодекса, по которым они осуждены. НКВД, наоборот, приказал ставить воспитателями либо вольнонаемных, либо уголовников и бытовиков, обычно не умевших связать двух слов. Тем не менее лагерный хлеб они ели не зря — ни одному политическому не улыбалось видеть свою фамилию на черной доске, которую акку-

ратно, каждый день заполняет воспитатель. Раз пройдет, два пройдет, на третий в стенгазете прохватят, а потом и на собрание вызовут: 'объясни, — скажут, — почему не выполняешь нормы?' Если эти средства не помогут, воспитатель пойдет к начальнику командировки или уполномоченному НКВД. Смотришь — исчез человек. Отправили его на штрафную командировку, чтобы не разлагал трудовой дисциплины... Это называют 'пропагандой в действии'. Яснее говоря, функции воспитателя в лагерях — не культурно-воспитательная работа, как пишут, а подстегивание отстающих на работе и распределение скудных материальных благ по сталинскому принципу: «лучшее — лучшим». Чем полезней воспитатель для лагеря, тем он хуже для заключенных, ибо сеет вражду и зависть, особенно между политическими и уголовниками.

Прибавлять к этой характеристике, думается, ничего не нужно, тем более, что она действительна и сегодня.

ПОСЛЕСТАЛИНСКИЕ ЛАГЕРЯ

Не следует представлять себе, будто концентрационные лагеря в Советском Союзе были распущены разом, как следствие постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий». Концентрационные лагеря были последствиями сталинского террора, а вовсе не культа и число их уменьшалось лишь постепенно.

Рассказывают, что уголовники на Воркуте, услышав о смерти Сталина, высыпали в зону с криками: «Собака сдохла, амнистия будет!» И действительно, уже в апреле 1953 года для многих из них последовала амнистия, совпавшая по времени с освобождением и реабилитацией арестованных по последнему сталинскому делу «врачей-отравителей». Эта реабилитация была первым, еще самим Берией сделан-

ным признанием фальсификационной работы органов террора; так называемые врачи-отравители были первыми, которых, как оказалось, посадили «за зря».

Начиная с этой реабилитации и амнистии (не коснувшейся, к слову сказать, осужденных по политической 58-ой статье Уголовного кодекса) число заключенных в лагерях стало постепенно уменьшаться, однако, не столько в силу реабилитаций, сколько просто потому, что по-прежнему высокая смертность и освобождение отбывших свои сроки заключенных стали численно перевешивать пополнение. Лагеря стали сокращаться, прежде всего, потому, что тотчас после смерти Сталина притормозилась машина террора и меньше стали сажать.

Прошедшая после XX съезда волна реабилитаций произвела огромное впечатление и в стране, и во всем мире. Но сколько реабилитировали мертвых и сколько живых, мы не знаем. Свидетельские показания — не статистика. Допустим, что в родные места вернулись сотни тысяч бывших заключенных и ссыльных. Но тем не менее, в то время как Хрущев объявил, что в СССР нет политических заключенных, не только многие пятнадцати- и двадцатипятилетники продолжали отсиживать свой срок, но сажали и новых, и ГУИТУ (Главное Управление Исправительно-Трудовыми Учреждениями) хоть уже не было, как упраздненный ГУЛАГ, своего рода государством в государстве, продолжало хозяйничать в достаточном числе мест заключения.

Смысл этого хозяйничанья стал, однако, иным, и это отразилось во всех областях лагерной жизни, исключив из нее элементы стихийных отступлений от режима (как в лучшую, так и в худшую стороны), вызывавшиеся, во-первых, многомиллионным числом заключенных, а во-вторых, экономическим значением сталинских лагерей. Если во многих сталинских лагерях тюремщики были вынуждены мириться со многими нарушениями дисциплины, по-

рой из-за физической невозможности соблюсти все предписанные им строгости, порой во имя выполнения плана, то теперь это отпало, и Анатолий Марченко в предисловии к книге «Мои показания»,* в которой он дает отчет о своем пребывании в тюрьмах и лагерях между 1960 и 1966 годами, совершенно справедливо пишет, что «...сегодня лагеря для политзаключенных так же ужасны, как сталинские. Кое в чем лучше. А кое в чем хуже».

Бесспорно, в теперешних лагерях нет прежнего количества вшей, клопов и блох. Бесспорно, в помещениях стало чище, и современный зэк имеет, как правило, собственное спальное место, верхнее или нижнее на двухэтажной кровати («вагонке»), а зачастую и тумбочку. В гораздо лучшем виде содержится и территория лагеря, на которой силами освобожденных от общих работ инвалидов прокладываются дорожки и даже разбиваются цветники. Больше порядка в столовой; меньше перебоев в снабжении; одежда единого образца не только выдается, но совершенно обязательно должна носиться каждым заключенным.

Но ни один зэк не может уже занять никакой сколько-нибудь значительной административно-хозяйственной должности и все возможности туфты и блата целиком перешли в ведение тюремщиков. Расконвоированный заключенный сейчас просто немислим. Главное же, дисциплина и меры наказания, которые в эпоху ГУЛАГа применялись, прежде всего, как средство заставить зэка выполнить план, теперь возвращены к своему первоначальному назначению и служат, прежде всего, средством «перевоспитания». К первоначальному замыслу возвращена и фикция перековки преступника.

В сталинскую эпоху функциональная нагрузка этой фикции свелась, как мы знаем, почти цели-

* А. Марченко, Мои показания. Изд. «Посев», 1969.

ком к средству дополнительного нажима на рабочую силу зэка. Теперь она вернулась к своей основной задаче заставить его «переменить свои антисоветские убеждения». Сталинские лагеря, отнюдь не по воле их организаторов, а силою вещей были преобразованы в рабовладельческий комбинат. Сейчас — они едва ли не решающее звено в системе, направленной на то, чтобы сломить волю политического противника, заставить его «перековаться», «исправиться» и, хотя бы только словесно, в порядке поклонения фикции, но покориться и прекратить борьбу.

Во время сталинщины для подавляющего большинства заключенных политические элементы обвинения были фиктивными. В настоящее время они тоже густо оплетены фикциями, но, как правило, содержат в себе (с точки зрения советского закона) и реальный состав преступления. Сталинский террор был превентивным террором, рассчитанным на то, чтобы привести к покорности все и всех. Хрущевский и брежневский террор — обычный политический террор. В опоре на лицемерное и противоречивое законодательство, применяемое к тому же с партийных позиций, он стремится к искоренению оппозиции. Задача заключения в лагерях и тюрьмах — сломить в заключенных всякую волю к борьбе, скомпрометировать их, — пусть хотя бы фиктивным, но публичным отречением от своих взглядов. Задача администрации сталинских лагерей была в сущности задача погонщиков и работоторговцев. Задача надзирателей и воспитателей в теперешних исправительно-трудовых учреждениях, включая и психиатрические, — ломать волю борцов, в пределе превращать их в «подонков», продавшихся и презирающих самих себя служителей враждебной им власти.

С этой точки зрения Анатолий Марченко, конечно, прав, говоря, что теперешние лагеря кое в чем и похуже сталинских. На это «перевоспитание», на

эту «перековку» рассчитан их жестокий и подлый режим, достаточно однотипный и упорядоченный, охватывающий целую гамму дифференцированных мер воздействия на психику заключенного.

Вот эти меры в описании самого Марченко, сделанном в письме на имя председателя Общества Красного Креста Г. А. Митирева с копией в Комитет по защите прав человека ООН:*

«Положение политических заключенных во всем приравнено к положению уголовных, а кое в чем и значительно хуже: для политзаключенных наименьшая мера — лагерь строгого режима, для уголовных существует общий режим и более слабый; уголовные могут быть освобождены после двух третей или половины срока, политические отбывают свой срок полностью, 'от звонка до звонка'. (За исключением тех, кто 'перекуется'. — Р. Р.)...

...В лагере к ним в качестве 'меры перевоспитания' применяется принудительный труд. При этом лагерная администрация использует труд как наказание: слабых принуждает исполнять тяжелую физическую работу, людей интеллигентных профессий заставляет заниматься неквалифицированным физическим трудом. Невыполнение норм рассматривается как нарушение режима и является поводом для различных административных наказаний — от лишения свидания до карцера и камерного режима.

Наисильнейшая мера воздействия на заключенных голод. Общие нормы питания таковы, что человек испытывает постоянную недостачу питания, постоянное недоедание. Суточная калорийность лагерного пайка — 2400 калорий (норма для 7-11-летнего ребенка), и этим взрослый, работающий на физической работе мужчина должен довольствоваться изо дня в день на протяжении многих лет, иногда 15-25! В основном эта калорийность покрывается за счет черного хлеба (700 г в день). Свежих овощей,

* См. А. Марченко, Мои показания.

сливочного масла и многих других необходимых продуктов заключенные вообще никогда не видят — их запрещено продавать даже в лагерном ларьке (как и сахар).

Сразу же замечу: лагерное питание, как и лагерную одежду заключенные оплачивают сами из начисляемого им заработка (50% которого сразу же отчисляется на содержание лагеря: бараков, оборудования, заборов, вышек и т. д.). В ларьке продукты (в том числе табак) можно купить только на пять рублей в месяц — из заработанных и оставшихся после вычетов денег. Но и этого права потратить 17 копеек в день заключенный может быть лишен 'за нарушение режима'...

...За так называемые нарушения лагерного режима, в том числе за невыполнение нормы, заключенного могут перевести на строгую норму питания — 1300 калорий (норма ребенка 1-3 лет).

...Продуктовые посылки от родных заключенным на строгом режиме 'не положены'; лишь в порядке поощрения за хорошее поведение (за раскаяние, за донос, за сотрудничество с администрацией) начальство может разрешить продуктовую посылку — и то не раньше, чем через полсрока, и не чаще, чем четыре раза в год, и не больше, чем пять килограммов.

Таким образом, в руках лагерной администрации имеется мощное средство физического воздействия на политзаключенных — целая система эскалации голода. Последствия этой системы — истощение, авитаминоз...

...Еще более жестокий голод царит во Владимирской тюрьме, в лагерях особого режима, где содержится немало политзаключенных.

По сравнению с постоянным недоеданием другие 'меры воздействия' кажутся безобидными. Однако нельзя хотя бы не упомянуть о некоторых из них: лишении свиданий с родными, стрижке наголо, запрещении носить свою одежду (в том числе теплое

белье зимой), препятствиях в творчестве, в отправлениях религиозных обрядов.

Жалобы и заявления заключенных в Прокуратуру, в Президиум Верховного Совета, в ЦК КПСС многоступенчатым путем непременно возвращаются в лагерное управление: высшие органы пересылают их в МООП (Министерство охраны общественного порядка), в ГУМЗ,* а оттуда они по инстанциям попадают в руки тех, на кого жаловались, — 'для проверки'. Естественно, что результат жалоб один: лагерная администрация отвечает, что 'факты не подтвердились', 'наказание вынесено правильно', а положение жалобщиков становится невыносимым — иногда их даже переводят в тюрьму или на камерное содержание за очередное 'нарушение режима'. Поэтому недовольным заключенным офицеры-воспитатели говорят: 'А вы жалуйтесь на нас, жалуйтесь, это ваше право'. А некоторые, попростодушнее, утешают: 'Ну, зачем вы протестуете, сами же знаете, администрация всегда найдет повод вынести взыскание любому заключенному. Только себе хуже делаете, надо приспособиться'.

И действительно 'Положение о лагерях и тюрьмах', утвержденное Верховным Советом в 1961 году, дает лагерной администрации практически неограниченные возможности применять меры физического и морального воздействия. Запрещение продуктовых посылок, лишение ларька, голодная норма питания, лишение свиданий, карцер, наручники, камерное содержание — все это узаконено 'Положением' и применяется к политзаключенным. Лагерной администрации эти меры тем более по душе, что среди воспитателей немало работников сталинских концлагерей, привыкших к неограниченному произволу...

...Бесправное положение заключенных приводит к страшным и губительным формам протеста: к голо-

* Главное управление мест заключения. — Р. Р.

довкам, членовредительству, самоубийствам — заключенный среди бела дня идет на запретку, и там его пристреливает часовой 'за попытку к бегству'».

Добавим, что «Основы исправительно-трудового законодательства», вступившие в силу 1 ноября 1969 года ничего здесь не изменили.

ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Советский народ можно назвать народом репрессированных. За время советской власти через те или иные репрессии прошли десятки миллионов. Едва ли найдется семья, в которой никто никогда не был репрессирован. И несмотря на подписку о неразглашении, которую аккуратно снимали с каждой жертвы карательных органов, факт массовых репрессий и страданий множества людей в тюрьмах и лагерях никогда не был тайной.

Об этом знали. Но знание это было тайным знанием. А подписка о неразглашении, по сути дела, была лишь оформлением непровозглашенной фикции незнания, которую в хрущевский период партия стала проецировать назад, помогая самооправданию тех, кто не хотел знать.

Значение освобождения и реабилитации части умерших и живых политических заключенных после смерти Сталина далеко не исчерпывается поэтому тем, что оно вернуло на волю несколько сот тысяч граждан. Оно куда в большей степени, чем признания Хрущева и «борьба с культом», обнаружило перед всем народом природу сталинского строя. «Один день Ивана Денисовича» не только литературный шедевр, не только вершина и символ всего того, что рассказали людям вышедшие из лагерей бесчисленные Иваны Денисовичи. Некто В. М. Еременко не случайно пишет Солженицыну*: «Удив-

* «Читают 'Ивана Денисовича'».

ляюсь, как Волковой дал тебе напечатать эту повесть. Ответь, я волнуюсь, не в БУРе ли ты?»

Напечатание «Одного дня Ивана Денисовича» означало окончательную фактическую отмену подписки о неразглашении, снимало обет молчания, предавало гласности трагическую историю сталинского террора. Разумеется, и напечатать-то повесть стало можно и необходимо потому, что бывшие зэки уже не молчали. Но именно с нее началась широчайшая популяризация знаний, приобретенных в концлагерном университете и привела к открытому обсуждению и осознанию сталинщины в народных массах. То, о чем многие знали или догадывались, но не осмеливались говорить вслух, стало явным и признанным преступлением, — хоть и в меньших масштабах, но продолжающимся и сейчас, ибо исправительно-трудовые лагеря, переименованные в исправительно-трудовые колонии (или учреждения), продолжают существовать, и, вместе с осужденными за уголовные преступления, в них находятся политические заключенные, виноватые разве лишь в том, что они несколько активней своих сограждан проявили свои политические взгляды.

Рабское сословие зэков, составлявшее при Сталине немалый процент работоспособного населения, не исчезло, и бывшие сталинские и послесталинские зэки, за редким исключением, продолжают рассматриваться, а особенно ее партийными и карательными органами, как социально-опасный элемент. Они и после реабилитации остаются гражданами второго сорта, в которых партия видит врагов. Они не представляют собой особой социальной группы, но составляют особую политическую категорию населения, постоянно пополняющуюся за счет новых и новых противников партийной диктатуры, отправляемых властью в лагеря и ссылки и возвращающихся из них отнюдь не сторонниками этой диктатуры. Нельзя, разумеется, сказать, что каждый бывший зэк — антисоветский агитатор, но бывшие зэки как

целое, включая и морально сломленных, уверяющих всех и каждого в своей преданности идеалам коммунизма, — ходячая антисоветская агитация, и если Солженицын вреден советской власти, то вредна ей и Галина Серебрякова.

Политические заключенные — бывшие и отбывающие сроки — постоянное напоминание о том, что понятие политического преступления, как оно было выработано при Сталине, остается в силе и сегодня, что сталинщина не изжита. Вместе с тем, они напоминают и о том, что у наследников Сталина есть не только фиктивные, но и подлинные враги, что борьба с диктатурой компартии в Советском Союзе — реальность. В спектре политических настроений они выражают революционный радикализм, стремящийся не к перестройке и либерализации существующего строя, но к полному его уничтожению, к замене властвующей олигархии другой, некоммунистической властью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сталинизм ныне мертв, и всякая попытка оживить его обречена на заведомую неудачу.

Мы осмеливаемся утверждать это не только потому, что история не повторяется. Сдвиги, произошедшие с 5 марта 1953 года, со дня смерти Сталина, глубоки и необратимы. Сегодняшнюю диктатуру КПСС нельзя рассматривать ни как сталинизм, ни как неосталинизм. Из нее вынут стержень. Потеряна воля к реализации активной несвободы. Как хрущевская, так и брежневская диктатура лишена цели. Сталин точно знал, куда он хочет привести мир. Брежнев этого не знает, да, вероятно, и знать не хочет. Сталин действовал на основе ясной задачи, у Сталина был определенный эталон, ясная руководящая идея. Сталин руководствовался неизменной стратегической концепцией. Нынешняя властвующая олигархия решает исключительно тактические задачи, диктуемые обстановкой. Для того, чтобы правильно решать эти задачи, надо учитывать чужие интересы и прислушиваться к чужому мнению. Чужое мнение и чужие интересы суть тоже элементы обстановки, в которой нужно суметь удержаться у власти. *Как хрущевский волюнтаризм, так и брежневское руководство центрированы вокруг проблемы сохранения власти.* Но ни Хрущева, ни Брежнева нельзя рассматривать, как властепоклонников. Да и власть их всего лишь выражение господства того социального слоя, к которому они принадлежат — сталинской политической знати.

Солженицынские русановы, кнорозовы и хабалыгины, дудинцевские дроздовы хотят сохранить свое господство над Россией. Это вполне понятно. Но избранный ими для этого метод, сохранение сталиниз-

ма как средства для эксплуатации страны и народа, ведет их в тупик. Из сталинизма нельзя сделать средства. Он самоцель. И даже система фикций, без которой он немыслим, служит в нем лишь средством тотального властвования. Создаваемый сталинизмом мир активной несвободы может существовать лишь под рукой абсолютного властелина.

Со смертью Сталина такого властелина не стало, и сталинизм неудержимо идет на убыль, грозя гибелью выращенному им новому господствующему классу партийной бюрократии. В советском обществе идут коренные изменения. Меняется роль КПСС во внешнем мире, меняется и соотношение сил внутри страны.

Еще двенадцать лет назад на XXI внеочередном съезде КПСС, созванном в январе 1959 года, чтобы принять семилетний план развития народного хозяйства, стратегическая установка партии выразилась словами Хрущева: «...Когда СССР превратится в первую в мире промышленную державу мира, когда могучей индустриальной державой станет Китайская Народная Республика, а все вместе социалистические страны будут выпускать больше половины мировой промышленной продукции, международная обстановка коренным образом изменится... Опираясь на мощь лагеря социализма, миролюбивые народы смогут заставить воинствующие круги империализма отказаться от планов новой мировой войны».

Хрущевский волюнтаризм с тех пор отменен. На место беспокойных попыток все новых и новых решений, пришло желание ничего не менять. А «коренные изменения» одиннадцать лет спустя не нами, а советскими учеными, академиком А. Д. Сахаровым, Р. А. Медведевым и В. Ф. Турчиным в меморандуме руководителям партии и государства, Брежневу, Косыгину и Подгорному характеризуются следующим образом:

«В течение последнего десятилетия в народном хозяйстве нашей страны стали обнаруживаться угрожающие признаки разлада и застоя, причем корни этих трудностей восходят к более раннему периоду и носят весьма глубокий характер. Неуклонно снижаются темпы роста национального дохода. Возрастает разрыв между необходимым для нормального развития и реальным вводом новых производственных мощностей. Налицо многочисленные факты ошибок в определении технической и экономической политики при решении неотложных вопросов. Дефекты в системе планирования, учета и поощрения часто приводят к противоречию местных и ведомственных интересов с общегосударственными, общенародными. В результате, резервы развития производства должным образом не выявляются и не используются, а технический прогресс резко замедляется. В силу тех же причин нередко бесконтрольно и безнаказанно уничтожаются природные богатства страны: вырубаются леса, загрязняются водоемы, затопляются ценные сельскохозяйственные земли, происходит эрозия и засоление почвы и т. п. Общеизвестно хронически тяжелое положение в сельском хозяйстве, особенно в животноводстве. Реальные доходы населения в последние годы почти не растут, питание, медицинское и бытовое обслуживание улучшаются очень медленно и территориально неравномерно. Растет число дефицитных товаров. В стране имеются явные признаки инфляции.

Особенно тревожно для будущего страны замедление в развитии образования: наши общие расходы на образование всех видов втрое меньше, чем в США, и растут медленнее. Трагически возрастает алкоголизм и начинает заявлять о себе наркомания. Во многих районах страны систематически увеличивается преступность. В ряде мест все заметнее становятся симптомы явлений коррупции. В работе научных и научно-технических организаций уси-

ливаются бюрократизм, ведомственность, формальное отношение к своим задачам, безынициативность.

Решающим итоговым фактором сравнения экономических систем является, как известно, производительность труда. И здесь дело обстоит хуже всего. Производительность труда у нас по-прежнему остается во много раз ниже, чем в капиталистических странах, а рост ее резко замедлился. Сравнивая нашу экономику с экономикой США, мы видим, что наша экономика отстает не только в количественном, но — и что самое печальное — в качественном отношении. Чем новее и революционнее какой-либо аспект экономики, тем больше здесь разрыв между США и нами. Мы опережаем Америку по добыче угля, отстаем по добыче нефти, газа и электроэнергии, вдесятеро отстаем по химии и бесконечно отстаем по вычислительной технике. Последнее особенно существенно, ибо внедрение электронно-вычислительных машин в народное хозяйство — явление решающей важности, радикально меняющее облик системы производства и всей культуры. Это явление получило справедливо название второй промышленной революции. Между тем мощность нашего парка вычислительных машин в сотни раз меньше, чем в США, а что касается использования их в народном хозяйстве, то здесь разрыв так велик, что его даже невозможно измерить. Мы просто живем в другой эпохе».

Выражение «эпоха» не точно. Его можно заменить словами «при другом строе», от которых ученые воздержались по соображениям, которые не стоит объяснять хотя бы потому, что их меморандум выражает требование демократизации, то есть коренной перестройки как раз существующей партийно-государственной системы.

Олигархия коллективного руководства до сих пор прочно держит в руках бюрократический аппарат власти, уверенно опираясь на ядро господствующего класса — политическую знать, верхний слой актива

и аппаратчиков. Но о том, чтобы Советский Союз превратился в первую промышленную державу мира, не может быть больше и речи, в Китайской Народной Республике СССР приобрел опаснейшего врага, а внутри страны выросло освободительное движение. Оппозиция сталинизму, при Сталине принимавшая пассивные формы внутренней эмиграции, активизировалась и начинает отливаться в формы политических движений, охватывающих интеллигенцию и деловую знать и начинающих искать опоры в массах.

Местные и местнические интересы в среде правящей политической знати, сплетаясь с личной заинтересованностью и экономическим подпольем, не дают властвующей олигархии реализовать свои хозяйственные планы, направляя в частные карманы результаты социалистической эксплуатации человека государством. Феодалные тенденции, неудовлетворенные косыгинской полуреформой, продолжают давить на центральные органы управления. Стремление поднять производительность труда парализуется равнодушной незаинтересованностью трудящихся, экономические интересы которых в значительной мере переносятся на различного рода приработки законного и незаконного характера.

Иммобилизм в политике сопровождается иммобилизмом в хозяйстве и технике, подтачивая и без того пошатнувшийся авторитет власти. Властвующая верхушка отлично понимает, что всякое движение сопряжено для нее с опасностью, всякое изменение грозит потерей позиций, ограничением монополий и привилегий бюрократической знати. Но даже и для того, чтобы стоять на месте, партия и партийная опека совершенно очевидно не нужны, и партийная бюрократия, вместе с ее олигархическим руководством, оказываются в лучшем случае паразитом на теле страны и народа, а в худшем — тормозящим реакционным фактором, из эгоистических

классовых интересов стремящимся законсервировать существующий общественный строй.

Это положение настолько ясно, что осознается не только в кругах деловой знати и мыслящей интеллигенции. Это понимают и в рабочей и в колхозной среде.

Партийное руководство видит себя, в результате, перед необходимостью прекратить начавшееся было при Хрущеве обсуждение политических вопросов даже в среде привилегированного господствующего класса и требовать безоговорочного признания выработанной еще при Сталине системы мифов и фикций. Иммобилизм в политике и экономике ведет за собой иммобилизм в идеологии и культуре, столь ярко выразившийся в послехрущевские годы. Возникающие вопросы не обсуждаются, а просто снимаются с повестки дня, так как обсуждение их неизбежно колеблет догматы.

Сложившийся при Сталине, вышедший при Хрущеве на авансцену истории и закрепившийся на ней при Брежневом *новый господствующий класс* проявляет себя как *реакционная сила, диктующая своему правительству политику охранения сталинского наследия*. Как всякая реакционная сила, этот класс растрчивает свои силы на оборону от наступающих на него со всех сторон требований жизни и претензий других социальных групп. Ему вовсе не легко под этим постоянным напором жить по-старому. Но жить и управлять по-новому он не может, не поступившись своими привилегиями, не уступив, хотя бы отчасти, своего господствующего положения в обществе. Приученные Сталиным к покорности угнетенные классы терпят пока его господство, но в них с каждым годом нарастает нежелание жить по-старому, и требование демократизации, которое партия хотела снять с обсуждения вместе со снятием Хрущева с поста ее первого секретаря, обсуждается теперь вне партии и продолжает стоять перед нею,

как неснимаемое требование необходимых и неизбежных перемен.

Советское общество находится ныне в том состоянии, которое Ленин называл «революционной ситуацией», указывая, что она наступает тогда, когда верхи общества не могут жить и управлять по-новому, а низы не могут и не хотят жить по-старому. Повторим еще раз: внешний иммобилизм брежневского правления обманчив. Страна стоит на пороге больших перемен.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Из предисловия к первому изданию</i>	5
<i>Предисловие ко второму изданию</i>	7
<i>Глава 1. Смерть Сталина</i>	
Верхушка власти при Сталине	9
Отказ от «культы личности»	13
Принцип коллективности руководства	15
Переподчинение органов террора	17
Отречение от сталинизма	19
Результаты	21
<i>Глава 2. Основы советского общества</i>	
Два первоусловия социализма	24
Основа социальной политики сталинизма	30
Актив	33
Антисоветский элемент	48
<i>Глава 3. Социально-экономическое подполье</i>	
Частники	62
Соучастники	68
Снабженцы	76
Политические выводы	83
<i>Глава 4. Советская знать</i>	
Новый господствующий класс	88
Понятие знати при Сталине	95
Материальное обеспечение и функции знати	97
Проблема устойчивости положения советской знати	101
Категории знати	104

Пополнение советской знати	131
Два политических течения в господствующем классе	136
<i>Глава 5. Угнетенные классы</i>	
Интеллигенция	144
Рабочий класс	170
Колхозное крестьянство	187
<i>Глава 6. Подконвойный мир</i>	
Преступный мир	201
Тюремщики	204
Категории репрессированных	206
Система концлагерей	112
Средний лагерь при Сталине	213
Послесталинские лагеря	222
Значение политических заключенных	229
<i>Заключение</i>	232